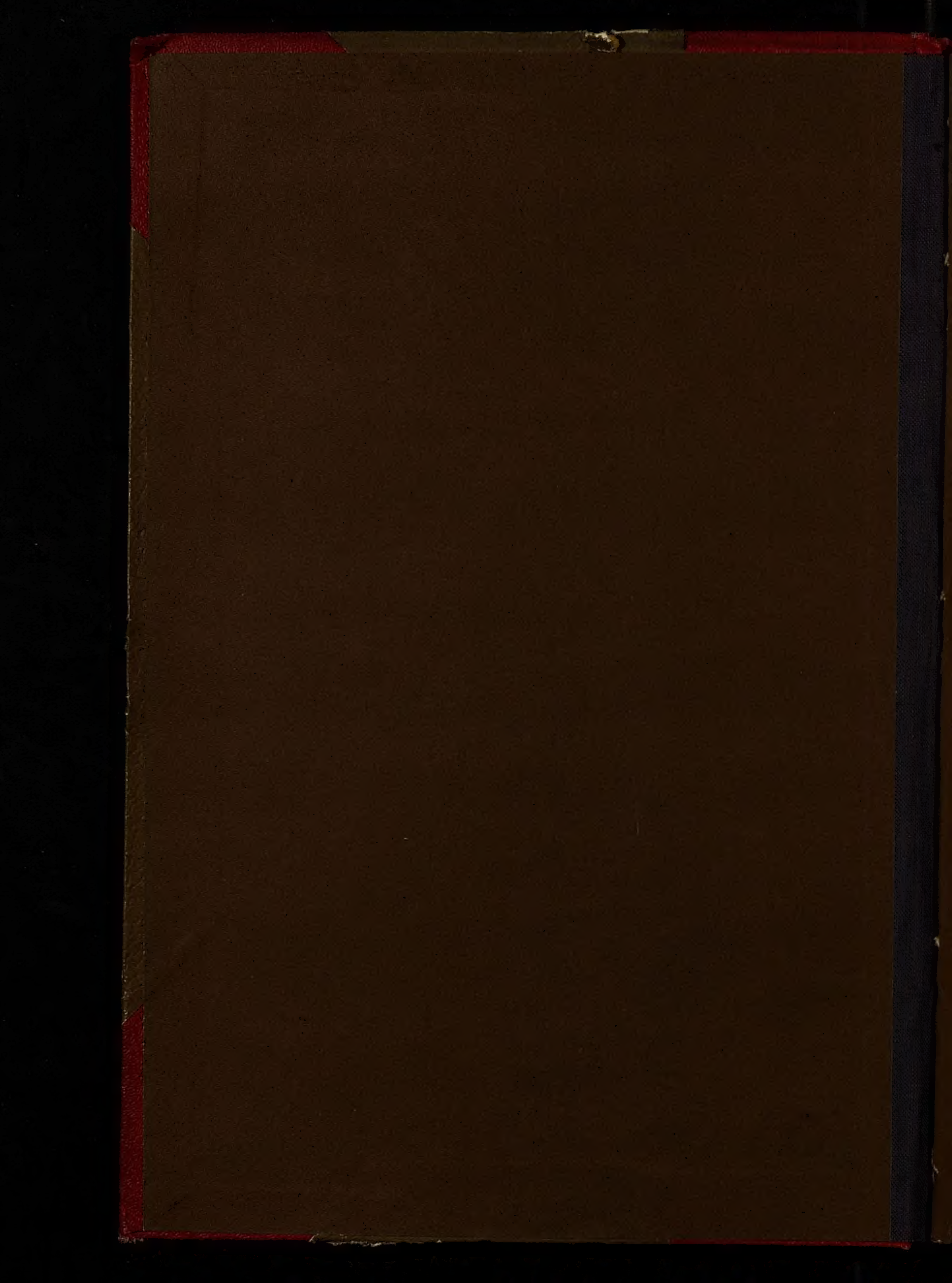
Тютчев

Революционное движение 1870-80 гг.

№ 2

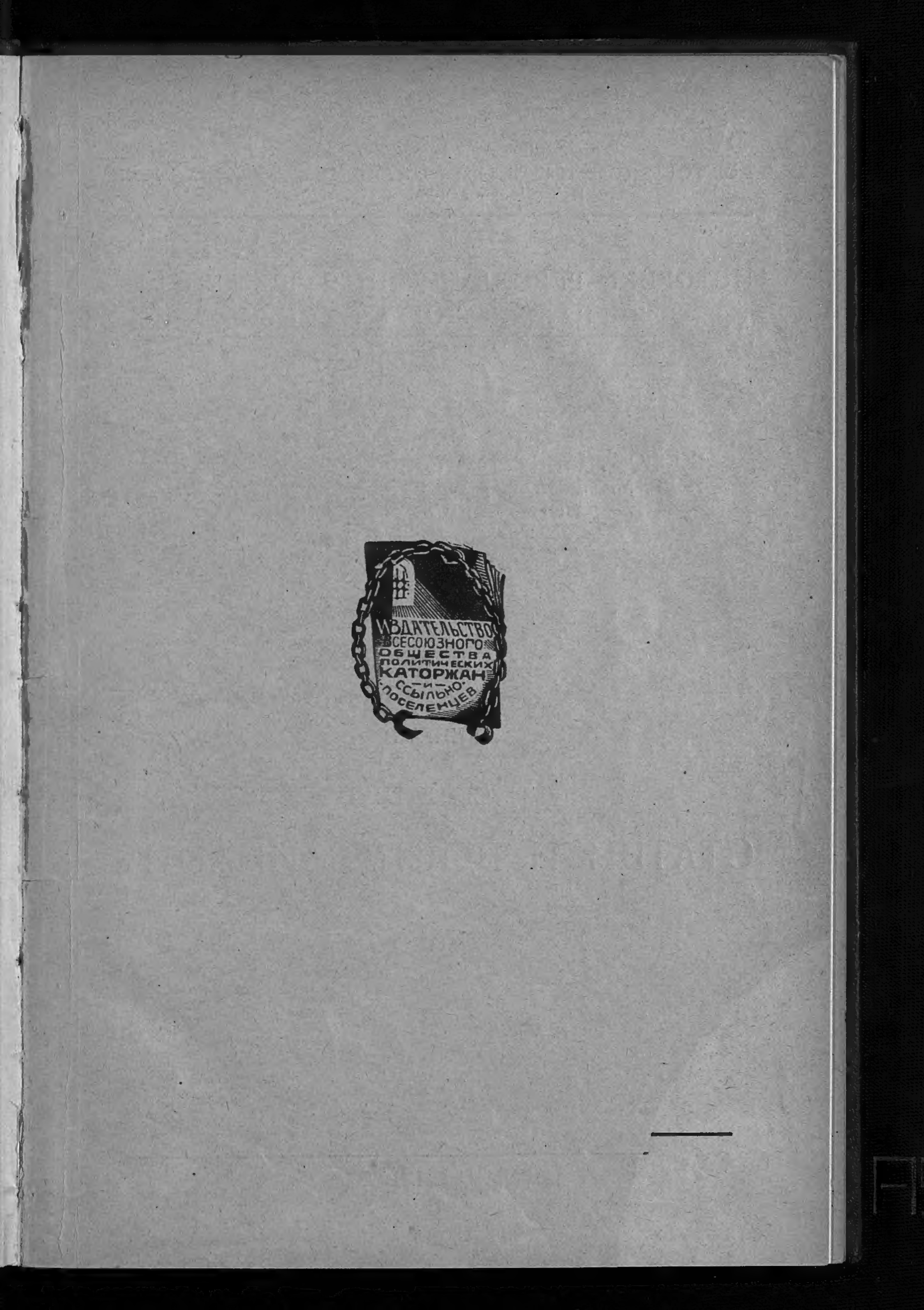
ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА «КАТОРГА и ССЫЛКА»

Н. С. Тютчев

ЧАСТЬ I

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 1870-80 г. г.

МОСКВА
1925

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
—И—
ССЫЛЬНО-
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН
И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ И ДР. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО РОССИИ

КНИГА II

Н. С. ТЮТЧЕВ

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

Часть I

МОСКВА

Н. С. ТЮТЧЕВ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 1870 — 80 г. г.

СТАТЬИ
ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ

Редакция
А. В. ПРИБЫЛЕВА

1925

Ленинградский Гублит № 12.603. Тираж 5.100—12 л. Зак. 788.

СОДЕРЖАНИЕ.

Николай Сергеевич
ТЮТЧЕВ
(в конце 1870-х г.г.)

Революционная деятельность Н. С. Тютчева в 1870 г.г.

(По документам 3-го Отделения).

I. Основные этапы.

Чтобы оценить все значение, безусловно, очень крупное, для истории прошлого, напечатанных в этой книге статей и воспоминаний покойного Н. С. Тютчева (скончался 31 января 1924 г. в Ленинграде), необходимо, прежде всего, ознакомиться с его личной революционной деятельностью, особенно за время 1870-х г.г. Сам он об этой деятельности говорил редко, урывками и систематически изложенных воспоминаний, как мы увидим ниже, не оставил, что очень затрудняет ознакомление с его революционной работой в 70-х г.г. Но, к счастью, есть еще или, точнее, был в то время еще один бытописатель, который занес на скрижали истории среди других дат и основные этапы революционной работы покойного Николая Сергеевича: этот бытописатель—столь хорошо известное в свое время, знаменитое 3-е Отделение собственной канцелярии его величества.

Тютчев выступил на революционную деятельность еще в то время, когда 3-е Отделение работало с неослабевающей энергией, и когда еще не поднималось речи, как позже, при Лорис-Меликове, об его упразднении [1], или перереформировании. Вся революционная деятельность Ник. Серг. в 1870-е г.г., за период нас наиболее интересующий, прошла целиком при 3-м Отделении. Ник. Серг. пришлось даже лично познакомиться с этим учреждением; он прошел через его знаменитую тюрьму на Пантелеймоновской № 9, о чем он упоминает в одной из напечатанных ниже статей (см. стр. 79); в камеру к нему там приходил сам Мезенцов, и при Мезенцове же, за несколько дней до того, как Кравчинский заколол его на Итальянской ул., — Тютчев получил приговор в ссылку, в Восточную Сибирь. Естественно, поэтому, что в делах 3-го Отделения нашелся целый ряд чрезвычайно интересных документов о Н. С. Тютчеве,

---

[1]) Ср. заметку: «Гр. Лорис Меликов об упразднении 3-го Отд.», «Кр. Веч. Газ.», 1924 г., № 258.

которыми мы и воспользовались как в общей редакционной работе над настоящей книгой, так, в частности, и при составлении настоящего очерка о самом ее авторе.[1]).

Документы 3-го Отделения, находящиеся в нашем распоряжении, охватывают первый период жизни и деятельности Н. С. Тютчева, с 1874 года по 1881-й. Но, разумеется, и после этого розыскные органы самодержавия не оставляли его без внимания. Активная революционная работа Ник. Серг., порой чрезвычайно ответственная, продолжалась, как это видно из тех же его воспоминаний (см., например, статьи о Савинкове и о Татарове), приблизительно до 1906—1907 г.г., следовательно, еще много лет после того, как 3-е Отделение было преобразовано в департамент полиции. За весь этот период, с 1881 по 1906 г. и дальше, за Тютчевым, как и за другими его сотоварищами по работе, следило уже не 3-е Отделение, а департамент и охранка, в архивах которых о нем тоже осталось, разумеется, немало разного рода документов. Но касаться всего этого периода, а, тем более, касаться его в подробностях, мы в данном случае не имеем в виду, — такая тема слишком бы осложнила нашу работу, черезчур бы раздвинула ее рамки за пределы наличного материала и, кроме того, заставила бы говорить о событиях и людях, которые еще далеко не отошли в область истории. Однако, и обойти совсем, без всякого упоминания об этой стороне деятельности и жизни Н. С. Тютчева, мы тоже не можем, а потому мы здесь ее отмечаем, регистрируем, приводим в связь с основным содержанием всей книги, но не останавливаемся на ней детально. Сделать последнее мы, вместе с тем, можем тем легче, что, к счастью, для этого у нас имеется и готовый материал, в виде некоторых официальных документов, носящих *итоговый* характер и для такой регистрации очень удобных.

Как 3-е Отделение, так позже департамент полиции, время от времени *подитоживали*, — как говорят теперь, — результаты деятельности того или иного революционера. Эти органы, вообще, зорко и внимательно следили за своими врагами, особенно за теми из них, которых они могли считать, как того же Тютчева, упор-

---

[1]) В архиве 3-го Отдел. Н. С. Тютчеву посвящены следующие дела: 1) «№ 263. Дело 3-го Отд. С. Е. И. В. Канц. 3-я Эксп. О распространении между рабочими в С.-Петербурге на заводах запрещенных книг. Начато 28 мая 1877 года. Кончено 30 июля 1881 года. На 150 листах». 2) «№ 136. Дело С. Е. И. В. Канц. Эксп. 3-я. О задержании на Новой Бумагопрядильной фабрике в толпе рабочих, подстрекавших к беспорядкам дворян Максимова-Дружбинина, Сомова, Васильева, Бондырева и Тютчева. Начато 2 марта 1878 года. Кончено 25 августа 1881 года. На 126 листах». 3) «№ 248. Дело 3-го Отд. С. Е. И. В. Канц. Эксп. 3-я. По обвинению отставного поручика Владимира Петрова и Юлии Панютиной в государственном преступлении. Начато 22 июля 1878 года. Кончено 1 июня 1881 г. На 176 листах». 4) «№ 144, часть 165. Дело 3-го Отд. С. Е. И. В. Канц. Эксп. 3-я. О распространении молодыми людьми книг социально-революционного содержания и о пропаганде их в народе. — О бывшем студенте Николае Кибальчиче. Начато 8 окт. 1874/6 года. Кончено 9 дек. 1878 г. На 64 листах».

ными и неисправивыми, закоренелыми рецидивистами. Для этой цели, как в самом 3-м Отделении, так позже в департаменте полиции, в который оно было преобразовано, время от времени составлялись, смотря по ходу дела, о каждом из таких рецидивистов особые *справки*, в которые и заносились все нужные сведения. О Тютчеве в делах 3-го Отделения, так же, как и в делах департамента полиции, накопилось таких справок чуть ли не целая пачка, и в них собран хронологический остов его революционной деятельности, правда, далеко не всегда точный, но, тем не менее, безусловно очень ценный. Тут намечены и зафиксированы основные этапы его революционной карьеры. Последняя по времени из таких справок о нем, находящаяся в нашем распоряжении и составленная уже в департаменте полиции, датирована 12 апреля 1906 года и вызвана, несомненно, только-что состоявшимся тогда арестом его по делам террористического характера. Этими справками мы намерены здесь воспользоваться, чтобы наметить хронологические вехи революционной деятельности Н. С. Тютчева, без которых читателю трудно будет разбираться во всем материале предлагаемой книги.

В указанной только-что справке о Ник. Серг. есть, между прочим, такие сведения:

«Тютчев, Николай Сергеев, сын Действительного Статского Советника, 50 лет, начал свою антиправительственную деятельность в 1877 г., приняв участие в приготовлениях к убийству крестьянина Беланова, подозревавшегося в шпионстве. По сему делу расследованием выяснено, что квартира на Бассейной ул., где предполагалось убийство, была нанята знакомою Тютчева, который вместе с другими лицами приходил в означенную квартиру именно в те часы и дни, когда рассчитывал завлечь туда Беланова».

Хотя эта справка и сделана в деп. полиции, однако, не все сведения, сообщаемые в ней, достаточно точны. Одну из таких неточностей мы считаем нужным отметить немедленно тут же, прежде чем станем цитировать эту справку дальше. Это относится именно к такому существенному утверждению справки, как начало «антиправительственной деятельности» Н. С. Тютчева. Справка относит ее, как мы видим, к 1877 году, на самом же деле дату эту нужно отнести значительно дальше, приблизительно на три года вглубь того же десятилетия. Об этом мы можем судить, между прочим, со слов самого Н. С. Тютчева, на основании тоже официального документа, хотя другого порядка, чем только-что цитированный.

Летом 1923 года Ник. Серг. заполнял анкету для Об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев и сообщил в ней ряд дат для определения разных этапов своей революционной деятельности. Началом ее там указан год 1874.

Отметим также следующее обстоятельство. В 1880 году, в мае месяце, Н. С. Тютчев был снова арестован в Баргузине, где отбывал тогда ссылку [1].

---

[1]) Об этом аресте см. часть II воспоминания Ник. Серг. о Баргузинской ссылке, а также см. о том же в документах, там приложенных.

Во время этого ареста с Ник. Серг. был снят 28 мая 1880 г. жандармским капитаном, присланным из Иркутска, допрос, и в нем в п. 11-м иркутский следователь записал о Тютчеве:

— «Привлекался к дознанию по делу Кибальчича; в декабре 1875 года ему была об'явлена резолюция, что он привлечен по ошибке. *Судился в Симбирске в окружном суде по обвинению в оскорблении военного караула и присужден к 75 руб. штрафу*». (Курс. наш) [1]).

Оба эти дела были очень любопытны и заслуживают, чтобы о них сказать несколько слов.

Оскорбление военного караула произошло еще в Симбирске, где Ник. Серг. жил у своих родных, в 1874 году. Ник. Серг. в то время было всего 18 лет, — он родился в 1856 году. Это был, впрочем, такой возраст, в который многие тогдашние деятели вступали уже в жизнь, начинали уже свою революционную карьеру, обычно — шли « в народ». Годы 1874 — 1875 были как раз эпохой хождения в народ. По своим убеждениям Н. С. Тютчев был тогда народником-бакунистом, бунтарем, сторонником, так называвшейся тогда, *пропаганды действием*. Оскорбление военного караула и было связано у него с попыткой показать воочию, как надо пропагандировать свои убеждения.

Ближайшим поводом для выступления молодой Тютчев выбрал одну из партий арестантов, обычно проходивших в то время по улицам города в определенные дни. Выйдя однажды навстречу такой партии, он быстро подошел к ней, почти вплотную, и, выхватив револьвер, произвел над толпой несколько выстрелов, а потом, указывая на конвой, сказал арестованным:

— «Вот как надо, ребята, с ними обращаться» . . .

Этого выступления, — не касаясь того, насколько оно было целесообразно, — было по тем временам вполне достаточно, чтобы заработать за него каторжные работы. К счастью для Тютчева, солдаты не подтвердили самого факта стрельбы (надо думать, для этого были приняты некоторые меры), а ограничились лишь сообщением суду, как они были оскорблены на словах. Дело кончилось тем штрафом в 75 руб., о котором говорится в вышецитированном документе.

Приблизительно к тому же моменту относится и второе дело, к которому тогда привлекался тот же Тютчев, это, именно, дело по обвинению Н. И. Кибальчича, будущего первомартовца, в пропаганде среди крестьян Киевской губ. По этому делу Кибальчич был арестован летом 1875 года в имении Жарнищи, Киевской губ., где он жил у своего брата, Степана Ив., военного врача. Обвинение возникло по доносу деньщика, указавшего властям на противоправительственные книжки, имевшиеся у младшего брата Кибальчича, — Николая Ивановича. К Н. С. Тютчеву оно имело отношение косвенное — в семье Кибальчичей оказался еще один молодой студент (Н. И. Ки-

---

[2]) Дело № 136 и 248. Документ подписал шт.-кап. Исполатов.

бальчич учился в Мед. Хир. Ак., в числе студентов каковой состоял и Н. С. Тютчев). При производстве обыска этого гостя Кибальчичей в наличности не оказалось, но было установлено, что он носит имя, как это ни странно, как раз — Тютчева [1]). При производстве дознания его стали разыскивать и арестовали подлинного Тютчева, Ник. Серг., жившего в это время в Симбирской губ.

Арестованный летом 1875 г. в Симбирской губ., Ник. Серг. был тотчас привезен в Петербург, и здесь, в 3-м Отд., он имел очную ставку с Н. И. Кибальчичем. Это та самая очная ставка, о которой он упоминает в статье «Здание у Цепного моста», рассказывая о том, как производились допросы в 3-м Отделении (см. стр. 79). На этой очной ставке выяснилось, что Н. С. Тютчев проживал все лето у своих родных в Симбирской губ., и никуда оттуда не отлучался, стало быть, не мог быть и в Киевской губ. Так как местопребывание Тютчева было бесспорно установлено официальной справкой у симбирских властей, то он был вскоре освобожден из-под стражи, однако все же, как сказано в документах 3-го Отд., — «с отдачею на поручительство его отцу с денежной ответственностью в 1.000 рублей» (дело № 144, лист 26).

Очевидно, 3-е Отделение не особенно разуверилось в причастности Тютчева к анти-правительственной деятельности, или во всяком случае, к анти-правительственным взглядам, раз оно, даже после того, как непричастность его к делу Кибальчича была установлена, освободило его все-таки лишь под залог, да еще такой, сравнительно, особенно по тем временам, крупный. Может быть, впрочем, Тютчев, по представлению 3-го Отд., был виноват уже тем, что он был арестован, хотя и невинно. Такова была уж логика этого учреждения.

Приведенные факты показывают, что в 1874—1875 г.г. мы имеем уже, действительно, в лице Н. С. Тютчева готового к действию и решительного по своему настроению, молодого революционера. К этому моменту, следовательно, а не к 1877 году, относится и начало его революционной деятельности.

После этих необходимых поправок и дополнений к справке департамента полиции, обратимся снова к обзору того, как в ней намечены основные этапы революционной деятельности Н. С. Тютчева. Вслед за приведенным выше местом из нее, мы в ней читаем, что Тютчев, начав свою революционную деятельность в 1877 г. (или вернее, в 1874 году, как это мы уже видели), «был задержан лишь в 1878 году во время беспорядков на Новой Бумагопрядильной фабрике», причем «у него был найден заряженный револьвер». Но дознанием не было установлено, прибавляет справка в чисто щедринском духе, — «чтобы означенные беспорядки возникли по инициативе Тютчева».

Арест на Новой Бумагопрядильне, прервавший деятельность Тютчева, произошел 2 марта 1878 года. Первый этап револю-

---

[1]) Кто это был, так и осталось не выясненным. (См. по этому поводу ниже, в статье: «Здание у Цепного Моста», стр. 79).

ционной деятельности его, таким образом, обнимает годы — 1874 — 1878-ой.

Чем же именно занимался за эти годы Н. С. Тютчев? Какие функции он исполнял в «Земле и Воле?».

Уже тот факт, что он был арестован на Бумагопрядильной фабрике в то время, когда там шла забастовка, показывает, что одной из областей его деятельности была агитация и пропаганда среди рабочих. Так, конечно, это и было. В анкете, поданной в Об-во политкаторжан, Ник. Серг. сам указывает, что за годы 1874—1878, в Петербурге, он являлся *пропагандистом «Земли и Воли»*. Однако, там же, кроме того, говорится, что за те же годы, в той же организации «Земли и Воли», он входил также в «Дезорганизаторскую Группу». Что это была за группа и в чем состояла та роль Тютчева, на это есть указания и в самой анкете. Там сказано именно, что в 1878 г., когда Ник. Серг. был арестован, то *за пропаганду, за убийство шпиона, за участие в «Дезорганизаторской Группе» он был сослан в Сибирь без срока.*

Ниже, в главе: «Почему не судили Н. С. Тютчева», мы увидим, что эти краткие, но чрезвычайно существенные, насыщенные содержанием рубрики требуют своих пространных комментарий. За участие в «Дезорганизаторской Группе», за убийство шпиона, за пропаганду среди рабочих, Н. С. Тютчева должны были бы судить, но, по некоторым обстоятельствам, в своем месте нами указанным, он избежал суда, а, стало быть, и каторги.

Тютчев родился под счастливой звездой. Уже юношей, в Симбирске, за «пропаганду действием», при оскорблении караула, он мог бы пойти на каторгу, но отделался 75-рублевым штрафом. За свою землевольческую деятельность он поплатился ссылкой в Вост. Сибирь,хотя обвинения над ним нависли в тот момент грозной тучей. Позже, это мы сейчас увидим, он мог опять серьезно поплатиться за прикосновенность к террористической деятельности нашего уже времени, но и тут счастливая случайность предохранила его от больших неприятностей. Жизнь революционера всегда подобна лоторее. Здесь безграничное поле для игры всяких возможностей, и нигде теория вероятностей не имеет такого применения, как в этой области. Участниками этой лотереи, где выигрышами и проигрышами определяется судьба, а очень часто жизнь или смерть людей, в большинстве вынимаются печальные жребии. Но бывают счастливцы, которым судьба улыбается. К числу таких немногих баловней судьбы (баловней в этом только отношении) принадлежал и Н. С. Тютчев.

Счастливый жребий Тютчева не означал, однако, полной безнаказанности. За деятельность свою в «Земле и Воле» Ник. Серг. был, как мы уже видели выше, сослан в Сибирь без срока. Позже срок ему был назначен, но все-таки возвратиться в Европ. Россию он смог только в октябре 1890 года, когда ссылка его окончилась.

Таким образом, в ссылке Н. С. Тютчев пробыл с конца 70-х г.г., до начала 90-х г.г., свыше 10 лет. Это, конечно, далеко от безнаказанности.

Это по данным «Справки». Но данные справки и в этом случае требуют некоторых комментарий, так как без них они много теряют в своей колоритности. Высланный в 1878 г. в Сибирь без срока, Ник. Серг. в 1881 г., после побега из Баргузина, получил перевод в Якутскую Обл. и — как это ни странно — назначение срока ссылки: при переводе в Якутскую обл. ему назначили срок в 5 лет. Это было, сравнительно, немного, но этот срок исчислялся с 1881 г., а не с 1878-го, как, казалось, должно было бы быть, а затем к первоначально назначенным 5 годам ссылки дважды делались прибавки, по 2 года каждый раз. Ссылка превратилась, таким образом, почти в 10-летнюю. *Всего же с разными проволочками Ник. Серг. пробыл в ссылке 13 с половиной лет.*

Это была, однако, не единственная ссылка его в Сибирь.

«В 1894 году — говорится об этом в справке от 12 апр. 1906 года — Тютчев был снова привлечен при СПБ. Жандармском Губ. Упр. к дознанию по делу с тайной Смоленской типографии «Партии Народного Права». Дознанием этим выяснено, что Тютчев стоял во главе «партии», руководил действиями членов этого сообщества, принимал непосредственное участие в устройстве тайной типографии в Смоленске и передал в типографию подложный паспорт для преступных целей. На основании Высочайшего повеления 22 ноября 1894 года Тютчев был выслан в отдаленнейшие места Вост. Сибири под гласный надзор полиции на 8 лет и водворен в городе Минусинске, Енисейской губ., откуда в июне 1903 года с надлежащего разрешения выехал в Иркутск».

Таким образом, к прежним 13 с половиной годам ссылки прибавилось еще 8 лет. — «За участие в «Нар. Праве» сослан в Сибирь на 8 лет», — кратко говорит сам Ник. Серг. в анкете для О-ва Политкаторжан.

Отбыв этот срок, в сентябре 1904 года, Ник. Серг. опять выехал в Евр. Россию. Но этот раз он застал ее совсем не такой, какой она была, когда в 1896 году он уходил вторично в Сибирь.

Шла японская война. Разгоралось революционное брожение.

О том, какую позицию в этом случае занял Н. С. Тютчев, вернувшись в 1904 году в Россию, справка от 12 апр. 1906 года говорит в таких словах:

«По сведениям, полученным в феврале месяце 1905 года из весьма серьезного агентурного источника, названный Тютчев вместе с беглыми ссыльно-поселенками Анной Якимовой (по мужу Диковская) и Прасковьей Ивановской (по мужу Волошенко), вошел в состав Центрального Комитета Партии соц.-революционеров, боевая организация которого в то время занималась подготовлением в СПБ-ге преступных покушений на Свиты Его Величества ген.-майора Трепова, вел. кн. Владимира Александровича и на Священную жизнь Его Величества. Тютчев, по словам сотрудника, вероятно, принимал руководящее участие в означенной боевой организации».

«Сведения, полученные из этого источника, — продолжает та же справка, — послужили поводом к обширному наблюдению в СПБ-ге, каковому был подвергнут и Тютчев, и в результате привело к арестованию 16 и 17 марта находившихся на нелегальном положении членов

боевой организации и в том числе дворянки Татьяны Леонтьевой, у которой взята лаборатория для выделки разрывных снарядов и паспортное бюро. Сам Тютчев, в видах сохранения агентурного источника, аресту подвергнут не был»...[1]).

Попробуем теперь резюмировать вкратце все прошедшие перед нами этапы революционной деятельности Н. С. Тютчева.

Итак, мы видели, что работать на революционном поприще он начал с 1874 года. Активным революционером оставался до 1906—1907 г.г.

За это время его подвергали аресту 4 раза.

Первый раз его арестовали по делу Н. И. Кибальчича — 19 лет. Второй раз — по делу Дезорганизаторской Группы «Земли и Воли» и за пропаганду среди рабочих — 21 года. Третий раз — по делу «Народного Права» — 38 лет. И, наконец, четвертый раз — по делам боевой организации — 50 лет.

Говорить, однако, обо всем революционном опыте Н. С. Тютчева, за всю его жизнь, мы здесь не станем. Как мы уже сказали, эта тема слишком большая, чтобы трактовать о ней в вводной статье. Но зато из всех этапов революционной деятельности покойного Ник. Серг. мы выбираем наиболее характерный, и в историческом отношении наиболее значительный,—это именно тот, который определяется его участием в «Дезорганизаторской Группе» общества «Земля и Воля» 1870-х г.г., и непосредственно связанной с этим его деятельностью, как пропагандиста среди рабочих того времени. На этом периоде революционной работы Н. С. Тютчева мы в дальнейшем и сосредоточим все наше внимание.

2. Н. С. Тютчев, как землеволец.

Попробуем теперь ближе присмотреться к деятельности Н. С. Тютчева в рядах «Земли и Воли».

В организационном отношении общество «Земля и Воля» сложилось уже к средине 1876-го года, впитав в свой состав остатки всех предшествовавших групп (чайковцы, народники-пропагандисты) и добившись привлечения целого ряда новых лиц, в том числе целых организаций, напр., харьковско-ростовской [2]). Во главе этой работы по собиранию новых сил стоял Марк Андреевич Натансон, с которым Н. С. Тютчев был впоследствии связан многолетней, тесной дружбой. Аптекман называет Натансона собирателем земли русской, а в официальных отчетах более позднего времени департаментские

---

[1]) Комментарии к этим цитатам см. у самого Н. С. Тютчева в статье о Татарове, часть II. Агентурный источник—это показания Татарова (и Азефа). Чтобы их не компрометировать, департамент полиции на этот раз оставил Тютчева не тронутым. Но позже, в 1906 г., его все-таки арестовали.

[2]) См. об этом у О. В. Аптекмана: «Общество «З. и В.» 1870-х гг.». Изд. «Колос», стр. 177—202.

знатоки по истории революционного движения ставили его на одну доску с Желябовым и Александром Михайловым [1]).

Сложившись в организационном отношении к середине 1876 года, общество «Земля и Воля» приняло следующий вид: Во главе стоял, так называемый «Основной Кружок», в руках которого находились «все корни и нити» прочих революционных организаций, как говорит об этом Аптекман, впервые в нашей литературе установивший эту организационную структуру землевольцев. Существование Основного Кружка сохранялось в строгой тайне. В состав его принимались по рекомендации трех членов. Исполнительным органом «Основного Кружка» являлась, так называемая тогда, «Администрация», соответствующая по своим функциям Центр. Комитету партии. Всю же текущую партийную работу в массах вели специальные группы, каждая имевшая автономную организацию. В среде молодежи и, вообще среди интеллигенции, — Интеллигентская группа, в среде рабочих — Рабочая группа, в среде крестьян, так называвшаяся тогда — «Деревенщина». Это была, — говорит Аптекман — «самая многочисленная группа, операционным базисом деятельности которой являлась деревня вообще» [2]).

Но кроме этих ответвлений общей организации в «Земле и Воле» существовала еще одна группа специального назначения, по тогдашней терминологии, не совсем для нас теперь понятной, — «Дезорганизаторская Группа».

— «Характер деятельности этой группы, те широкие полномочия, которые она получила от общества, сразу поставили ее в исключительное положение», по словам того же Аптекмана.

Таким образом, уже с самого начала в среде «Земли и Воли» имелось две большие и влиятельные группы — Деревенщина, с одной стороны, и Дезорганизаторская Группа, с другой. *История «Земли и Воли» это и есть история отношений этих двух групп в составе одной и той же организации.* Так, по крайней мере, смотрел на этот вопрос тот же Н. С. Тютчев в своих работах по 1870-м г.г., как попавших в печать, так и оставшихся неопубликованными.

Дезорганизаторская Группа впоследствии целиком вошла в состав Исполнительного Комитета Народной Воли. Народовольческая террористическая тактика зародилась сначала здесь, в Дезорганизаторской Группе. Противниками ее являлись — «Деревенщики». Тот кризис, который впоследствии так глубоко охватил все землевольческое течение, который привел его к Липецкому и Воронежскому конгрессам, а потом и к распаду на две части, «Народную Волю» и «Черный Передел», — и был вызван антагонизмом этих двух, едва ли не одинаково влиятельных, групп в составе «Земле и Воли». После

---

[1]) Эти отзывы деп. пол. о Натансоне см. в архивном деле «О революционной группе «Нар. Пр.» и тайной типографии». Дело № 240, находящееся в непосредственной связи с делом № 771/93 г.

[2]) См. книгу О. В. Аптекмана «Общество «Земля и Воля» 1870-х годов». Петроград. Изд. «Колоса», стр. 195—197. См. также ниже прим. 1-ое к статье о «Земле и Воле».

распада в «Народную Волю» ушли, как на это постоянно указывал Н. С. Тютчев, бывшие члены Дезорганизаторской Группы (то-есть, конечно, те из них, которые к тому времени уцелели), а в «Черный Передел» влились почти, исключительно, бывшие «Деревенщики», опять-таки за исключением лишь тех, которые либо были выхвачены арестом из действующих рядов, либо перешли на сторону своих противников, народовольцев. Еще позже бывшие деревенщики, через «Черный Передел», образовали первые кадры русской социал-демократии.

Однако, все это случилось несколько лет спустя. В тот момент, когда «Земля и Воля» складывалась организационно, Дезорганизаторская Группа имела, сравнительно, узко очерченный круг деятельности. Правда, взятая в широком смысле дезорганизаторская деятельность имела целью, как говорит Аптекман, рядом разнообразных действий и положений ослабить правительственный механизм, внося в него элементы вражды и разложения (ук. соч., стр. 197). Это была достаточно серьезная задача, но собственно на практике она стала проводиться в жизнь не ранее, как в 1878 — 1879 г.г. До того же времени, именно в те годы, которыми в данный момент мы особенно интересуемся, 1876 — 1877 г.г., и которые совпадают с деятельностью Н. С. Тютчева, эта группа имела узкие, специальные задачи: — 1) освобождение из-под ареста товарищей и 2) защиту от правительственного произвола, а также самозащиту, от шпионов и предателей. Деятельность Тютчева за время 1870-х г.г. тем и характерна, что она дает нам возможность ближе и конкретнее присмотреться к этим первым шагам замлевольческого террора, давшим впоследствии такие богатые всходы во времена «Народной Воли».

По документам 3-го Отд. мы можем теперь установить, что деятельность Тютчева за эти годы шла по двум направлениям: 1) он являлся деятельнейшим участником Рабочей группы в качестве энергичного пропагандиста на рабочих окраинах. Мы отмечали уже, что и арестован он был во время забастовки на Бумагопрядильне, о чем дальше мы будем говорить подробнее, и 2) тот же Тютчев входил в то же время в состав Дезорганизаторской Группы. Его деятельность в обоих этих направлениях может теперь считаться прочно установленной, как его собственными указаниями, приведенными выше, так и документами 3-го Отд., а равно и литературными источниками. Так, напр., О. В. Аптекман в своих работах о «Земле и Воле» и «Черном Переделе», так и относит Н. С. Тютчева к составу Рабочей и Дезорганизаторской групп за 1876—1877 г.г. Он же указывает, *что летом 1877 года Н. С. Тютчев был принят в состав — «Основного Кружка» землевольцев*[1]*).*

«В течение 1877—1878 г.г. были приняты, по словам Аптекмана, в центральную группу «Земли и Воли» следующие лица: 1) Н. Короткевич, летом 1877 г. из Саратовской группы, 2) Н. С. Тютчев, тоже летом 1877 года, в Петербурге, из местной Рабочей и Дезорганиза-

---

[1]) См. стр. 69 книги о «Черном Переделе».

торской групп, 3) С. Перовская, 4) М. Фроленко, 5) С. Кравчинский, 6) Д. Клеменц, 7) Бердников, 8) Пресняков, 9) Л. Тихомиров», и пр.

Тютчев вошел, следовательно, в состав «Основного Кружка» одновременно, или даже раньше, таких деятелей, как Перовская, Фроленко, Кравчинский.

Документы 3-го Отд. позволяют нам установить, кроме только что отмеченного, и еще один факт, — это именно тех лиц, вместе с которыми Н. С. Тютчев действовал непосредственно в составе Дезорганизаторской и Рабочей групп.

Между прочим, в анкете Н. С. Тютчева, поданной им в Об-во политкаторжан, есть очень характерный ответ на вопрос («Кто может подтвердить вашу революционную деятельность до февральской революции») в п. 39-м. «Полагаю, — отвечает на это Ник. Серг., — что почти каждый семидесятник или восьмидесятник слышал обо мне или лично меня знает, в том числе все старики члены Об-ва Каторги и Ссылки».

Тут, конечно, не было никакого преувеличения. Знакомство Ник. Серг. с личным составом революционного движения за последние 40—45 лет, в особенности за время 1870-х и 1880-х г.г., было поистине огромным. Со стороны было даже трудно представить, насколько широким являлся этот круг знакомства Тютчева с личным составом революционного движения.

Знакомства эти были им приобретены, разумеется, не только в 1870-х г.г., а и позже. Но и в 70-х г.г., несмотря даже на то, что Ник. Серг., сравнительно, рано был выхвачен арестом из революционной среды, он был связан узами личной дружбы или интересами общего дела, или самим делом, с очень многими тогдашними деятелями. Не станем пока перечислять их всех, но отметить некоторых в этом случае необходимо. Помимо М. А. Натансона, о котором было уже упомянуто выше, Н. С. Тютчев хранил постоянно горячие воспоминания о своей дружбе с таким крупным землевольцем, как Оболешев-Сабуров («Лешка», по тогдашней кличке) [1]. Хорошо он знал также Александра Михайлова, Мих. Р. Попова, Г. В. Плеханова, А. А. Квятковского, А. К. Преснякова, Валериана Осинского, Бердникова и мн. др. Из этих лиц два имени должны быть особенно выделены, это именно: А. А. Квятковский и А. К. Пресняков. По документам 3-го Отделения мы теперь можем установить очень точно, что именно с ними обоими Н. С. Тютчев составлял отдельную секцию, боевую дружину, в составе Дезорганизаторской Группы. *Квятковский, Пресняков и Тютчев составляли боевую тройку, спаянную узами революционного товарищества дружину*, с деятель-

---

[1]) О роли Оболешева в организации «Земли и В.» Аптекман говорит в таких выражениях: «Я с каждым днем все более и более убеждался, что спайкой нашей организации были «Лешка» и О. Натансон» (стр. 245 книги о «Земле и В.». — Оболешев был в числе основателей «Земли и Воли», вместе с Александром Михайловым и Натансоном).

ностью которой нам в дальнейшем придется познакомиться несколько ближе [1]).

По своей идеологии Н. С. Тютчев за эти годы (1877—1879) был типичным и характерным народником, землевольцем. Он считал себя принадлежащим, как это мы отмечали уже выше, к бунтарям того времени, сторонникам бакунинской пропаганды действием. Идеалом его являлся союз автономных земледельческих общин, образующих из себя огромную всероссийскую, даже мировую, федерацию: — таким федералистом-народником, исповедующим веру в самостоятельность общинного мира и в его способность пересоздать самостоятельными усилиями весь строй, он приехал и в ссылку, в Баргузин. Путь к осуществлению этого идеала для Тютчева тоже был ясен: это, разумеется, всенародное крестьянское восстание. На первый план тут выдвигался аграрный вопрос, вопрос же фабричный, как говорилось потом в «Земле и Воле», оставался в тени. Это об'яснялось тем, что у народников того времени, образовавших союз «Земли и Воли», базой для деятельности брался вопрос чисто *социальный*, — переворот должен был быть общественно-экономический, задевающий самую глубь, самые корни буржуазно-капиталистического строя. При перевороте же социальном естественно выдвигалось на первый план крестьянство, как такая социальная группа, которая представляла в этом случае решающую силу. При этом предполагалось, что переворот, начавшись в деревнях, естественно захватит собою и города, и тем самым, разрешив вопрос аграрный, разрешит и вопрос фабричный, то-есть вместе с землей передаст в руки народа фабрики и заводы. *Социалистические программы того времени были вообще программами переворота, — в этом состояла их отличительная и наиболее яркая особенность.*

Кроме этой у них была еще одна яркая и столь же характерная особенность, которую мы здесь считаем нужным отметить опять-таки в том ее виде, в каком она представлялась Н. С. Тютчеву. Эта особенность определялась взглядами народников той эпохи на постановку вопроса политического, в его отношении к вопросу экономическому и социальному. Ник. Серг. всюду оспаривал обычное представление о том времени, в силу которого считается, что народники-землевольцы относились отрицательно к политическим правам и

---

[1]) Считаем нужным отметить здесь следующее. Первоначальный состав «Дезорганизаторской Группы» до сих пор в исторической литературе не выяснен. История «Дезорганизаторской Группы» обычно освещалась у нас за более поздний период, начиная приблизительно с 1878 года. Представляет поэтому большой интерес следующая запись в бумагах Н. С. Тютчева, как раз'ясняющая личный состав «Дезорганизаторской Группы» за первый период ее существования. «Первыми участниками «Дезорганизаторской Группы»—пишет Ник. Серг. — были: В. А. Осинский, А. К. Пресняков, А. А. Квятковский, Н. С. Тютчев, М. Р. Попов, А. И. Баранников». Из этого состава «Дезорганизаторской Группы» сам Тютчев находился в наиболее тесной связи с Квятковским и Пресняковым, хотя, конечно, ему хорошо были известны и остальные из переименованных тут ее участников.

к свободе, как к таковым, и не желали за них бороться. Точка зрения народников того времени на самом деле, по его мнению, была гораздо глубже и оригинальнее. По существу она приближалась в известном смысле к точке зрения на политические права и свободу современных европейских синдикалистов и, отчасти, анархистов, которые, конечно, не думают отказываться от самих политических прав, хотя и отказываются от участия в органах государственного управления. Совершенно также и народники землевольческой эпохи были *антигосударственниками*, но далеко не являлись *аполитиками* [1]).

Идейной подпочвой этого общего взгляда была, конечно, глубокая вера в то, что социальный переворот как в России, так и в остальных странах, стоит уже на очереди. Переворота этого ждали с часа на час. Смешно было бы тратить время на борьбу за мелкие улучшения и за частные права, когда представлялась полная возможность *«одним ударом»*, как выражались тогда, решить разом все вопросы.

На практике, однако, оказалось, что социальная действительность имела свою логику, и что вопрос о политике так просто не разрешался. И как раз именно Тютчеву, такому характерному землевольцу по своему настроению и взглядам, пришлось встать, еще в 1877 году, на такой путь борьбы, который логически и естественно привел всю тогдашнюю социально-революционную партию (термин того времени) к опровержению выработанной в то время и очень ярко сформулированной тогда Кравчинским, в вышеуказанной брошюре — «Смерть за смерть», точке зрения на соотношение политического и экономического моментов в общественном движении.

Как землеволец и как народник, Тютчев являлся в те годы идеологом деревни, идейным — «деревенщиком», как тогда выражались. Но вместе с тем по всему своему складу, по роду жизни, а, главное, по своей революционной деятельности, он являлся типичным *горожанином*. Не деревня, а город занимали его внимание, как революционера практика; работать в деревне ему тогда совершенно не приходилось (как, впрочем, и в позднейшее время), хотя он и был народником-бунтарем по убеждениям.

Город всецело захватил его, так как здесь, в городе, он нашел широкое поле деятельности и для массовой работы, ради которой народники-землевольцы стремились тогда в деревню. Такого рода работой здесь, в городах, явилась для него пропаганда и агитация в *рабочих районах* на фабриках и заводах.

Пропаганда среди рабочих в Петербурге в 1870-х г.г. была начата еще чайковцами. В 1873—1874 г.г. она захватила уже у них

[1]) Эта точка зрения на «политику» была тогда наиболее ярко сформулирована Кравчинским в брошюре «Смерть за смерть», написанной по поводу убийства Мезенцова. Там изложена даже целая программа политических реформ с параллельным отрицанием парламентаризма и государственности. По существу на такой же точке зрения на политику стоял и «Сев. Р. Р. Союз» Обнорского и Халтурина. См. по этому поводу «Письмо» членов Союза в редакцию «Земли и Воли», напечатанное в № 5 этой газеты.

целый ряд фабрик и заводов [1]). Землевольцы шли в этом случае по следам чайковцев и еще шире и глубже развернули социалистическую деятельность в рабочих районах, причем они не удовлетворялись только пропагандой, но и перешли к агитации на почве насущных нужд рабочего класса. Уже к концу 1876 года, — говорит Плеханов в своих известных воспоминаниях о рабочем движении в 1870-х годах,—тогдашняя пропаганда между рабочими приняла довольно широкие размеры как в Петербурге, так и в его окрестностях. В Галерной гавани, на Васильевском острове, на Петербургской и Выборгской сторонах, на Обводном канале, за Невской и Нарвской заставами, в Колпине, на Александровской мануфактуре, в Кронштадте, всюду в этих пунктах у землевольцев были связи среди рабочих. На отдельных же предприятиях имелись прочно обоснованные рабочие кружки [2]). Из числа их отметим здесь два кружка: революционный кружок на Патронном заводе, на Васильевском острове, по 5 линии, за Малым пр., и кружок землевольца Гоббста (впоследствии повешенного в Киеве в 1879 году) на Новой Бумагопрядильне, на Обводном канале. В обоих этих кружках деятельное участие принимал и Н. С. Тютчев.

В 1877 году, осенью, для большего удобства пропаганды он поступил даже табельщиком в контору, на тот самый Патронный завод, о котором говорит Плеханов, как об одном из центров тогдашней землевольческой деятельности среди рабочих [3]). В официальной справке о Тютчеве в 3-м Отд. об этом эпизоде его жизни говорится в таких выражениях:

— «В 1877 году, состоя студентом С.-Петербургского университета, он не посещал лекций, а поступив рабочим на Патронный Завод, через два месяца был оттуда уволен, так как не занимаясь работой, он только вращался постоянно между рабочими, входя с ними в разговоры».

Сподвижником Н. С. Тютчева в этом случае по пропаганде на Патронном заводе являлся, между прочим, рабочий этого же завода Сем. Никифорович Иевлев, здравствующий и доныне.

То же самое происходило и на Новой Бумагопрядильне. На Новой Бумагопрядильне Тютчев принимал участие в пропаганде среди рабочих в 1877—1878 г.г. вместе с Г. В. Плехановым (как и на Патронном заводе) и М. Р. Поповым, будущим шлиссельбуржцем. Здесь же, на Обводном канале, близ самой Бумагопрядильни он и был арестован.

У Плеханова в его воспоминаниях есть, между прочим, упоминание, правда, беглое (что, впрочем, не случайно) об этом аресте [4]). Плеханов рассказывает там, как однажды агенты 3-го Отд. схватили

---

[1]) См. об этом в воспоминаниях С. С. Синегуба — «Былое», 1906 г., №№ 8—10.

[2]) См. «Русский рабочий в революционном движении». «Сочинения», том 3-ий, издание Инстит. К. Маркса и Ф. Энгельса под ред. Д. Рязанова. Москва—Петроград, 1923. Указанные места на стр. 148—149.

[3]) Там же, стр. 155—156.

[4]) См. там же, стр. 165—166.

на улице около самой Бумагопрядильни «двух землевольцев, только что оставивших конспиративную квартиру Гоббста и пробиравшихся во свояси». Одним из этих землевольцев был сам Г. В. Плеханов, о чем он говорит тут же в примечании. Другого же он не называет. Этим вторым землевольцем и был Н. С. Тютчев.

Полицейские справки о Тютчеве говорят, вообще, как об очень энергичном и опасном пропагандисте. Следы его появления с пропагандой отмечаются документами 3-го Отд. в разных местах Петербурга и в разных рабочих районах, что мы еще увидим. Но и помимо этого мы встречаем за эти годы (1876—1877) Тютчева участником всех тогдашних крупных революционных выступлений. Так, в начале 1876 года он принимает самое близкое участие в демонстрации на похоронах студента Чернышева, которая тогда сыграла крупную роль в развитии революционного движения. На Волковом кладбище, во время похорон, Тютчев находится в том кружке, который тесным кольцом охраняет оратора. Осенью 1877 года происходит ряд событий на Пороховом заводе [1]), где как раз в это время Тютчев служил табельщиком, и в этих событиях он также принимает деятельное участие. Наконец, как уже неоднократно нами указывалось, он появляется на Бумагопрядильне во время забастовки там ткачей в феврале 1878 года.

«Деревенщик» по своим убеждениям, Тютчев на деле, как и многие другие землевольцы, оказывается чрезвычайно далек от работы в деревнях и почти все свои силы, как пропагандист, отдает на агитацию и пропаганду в среде городского пролетариата. Это ставило его в некоторое противоречие со своими взглядами, правда, противоречие в известном смысле мнимое, но все-таки как бы имевшее место, особенно при недостаточно внимательном взгляде на характер той эпохи.

Нечто подобное случилось и с другой частью взглядов Тютчева, как землевольца, именно с его отношением к политике.

Будучи землевольцем, Тютчев, разумеется, относился отрицательно к необходимости вести борьбу за «политику», — это не входило в его программу и не мирилось с его тактикой. Между тем, на деле, если не как член рабочей группы «Земли и Воли», то как член Дезорганизаторской Группы, которая, как мы видели со слов Аптекмана, имела тогда исключительное положение в землевольческой организации, он должен был на практике вести борьбу чисто политическую, то-есть делать то самое, что делать он не должен был бы в качестве землевольца.

Противоречие в этом случае было уже не мнимым и гораздо более существенным и серьезным, чем в предыдущем.

Но еще характернее, что, отступая, в качестве члена Дезорганизаторской Группы, от ортодоксально-землевольческой точки зрения на политику, вступая на тот путь борьбы, который в дальнейшем привел к *единоличному* террору «Народной Воли», Тютчев, как и осталь-

[1]) См. у Плеханова, ук. соч., стр. 155—156.

ные его ближайшие товарищи по Дезорганизаторской Группе, наталкивались на этот путь интересами и потребностями *массового* движения. Деятельность Тютчева, как пропагандиста в рабочих районах, и деятельность его, как террориста в рядах Дезорганизаторской Группы, были органически связаны одна с другой как психологически, так и политически. Жизнь и в этом случае оказалась сложнее и на много запутаннее, чем то казалось самим землевольцам.

3. К характеристике рабочего движения 1870-х г.г.

Как было упомянуто выше, Тютчева арестовали 2 марта 1878 г. во время забастовки на Новой Бумагопрядильне, на Обводном канале. Забастовка на Бумагопрядильне началась в самом конце февраля того года и продолжалась с перерывами весь 1878 и часть 1879 г.г. Возникла она на чисто экономической почве: вновь поступивший на фабрику директор распорядился сбавить всем ткачам их задельную плату, приблизительно, по 5 и по 3 коп. с сотканного куска, то-есть от 7 до 9%% их общего заработка. Рабочие не захотели подчиниться этому распоряжению и с 27 февраля на фабрике наступил перебой в работах. Правда, администрация делала вид, что ничего особенного не случилось, каждый день все было готово к работе, машины стояли под парами, их могли всякий час пустить в ход, но рабочие к своим местам не являлись. Днем целыми толпами они бродили по каналу, ходили вокруг Бумагопрядильни, проникали даже внутрь ее, но не прикасались к станкам [1]).

Сначала рабочие требовали только сохранения прежних цен, но потом, чем дальше, тем движение все более расширялось. Рабочие стали выражать неудовольствие, что им не выдают расчетных книжек, берут с них деньги за кипяток, то-есть за право заваривать чай из устроенного на фабрике бака. Жаловались, что их поили не невскою водою, как это полагалось бы, а вонючей жидкостью из Обводного канала, совсем непригодной для питья. Хотя прямых беспорядков на фабрике при этом не происходило, но весь строй жизни на ней оказался нарушенным и волнения разгорались все больше и больше.

Все это происходило с 27 февраля по 6 марта. После 6-го марта наступил временный перерыв в забастовке, до 15 марта; однако, позже она вспыхнула с новой силой, вылившись в широкое движение ткачей на всей Бумагопрядильне и на некоторых других фабриках и заводах. Но Тютчев этой стадии рабочих волнений уже не застал и останавливаться на ней мы здесь не станем. Однако, в связи с этой забастовкой, мы не можем здесь не подчеркнуть одного важного и необходимого обстоятельства.

---

[1]) См. об этом корреспонденции Г. В. Плеханова в газете «Новости (легальной) за 1878 г. и в нелегальном «Начале» и в «Земле и Воле». Эти статьи и корреспонденции Плеханова перепечатаны теперь в I и III тт. его сочинений.

Уже в то время, т.-е. за годы 1876—1878, совпавшие с начавшейся в это время русско-турецкой войной и, вообще, балканскими событиями, вызвавшими эту войну, — в глубинах рабочей массы накапливалось скрытое и, тем не менее, очень заметное недовольство, которое к тому же обострялось общим политическим кризисом, вызванным войной 1877—1878 г.г. Напомню читателю, что лето 1877 г. (особенно июнь—август месяцы) было особенно критическим периодом русско-турецкой войны. На июль и август 1877 года приходились «*Плевненские дни*» на театре военных действий, принесшие крупное политическое поражение русскому самодержавию и вызвавшие в России того времени такое же движение против него, как впоследствии, во время русско-японской войны, или в наши дни после Галицийского поражения. Как эта общая политическая обстановка, так, в частности, экономическое положение самих рабочих, повышали настроение рабочих масс и давали возможность землевольцам вести в рабочих районах широкую агитационную работу. Чтобы охарактеризовать ее, приведем здесь ряд донесений агентов 3-го Отделения, относящихся как раз к этой эпохе.

27-го августа 1877 года один из агентов 3-го Отделения доносит таким образом о настроениях в рабочей среде:

«Рабочий Путиловского завода Василий Шкалов, 21 сего августа, при рабочих Форсмане и каком-то токаре Александре, работающем на том же заводе, в механической мастерской, блондине с усами, без бороды, лет 29-ти, произнес следующие слова: «Когда отсюда всю гвардию отправят на театр военных действий, то мы сделаем такую штурму, что чертям тошно будет».

«20 сего августа Шкалов, Форсман и товарищи их произвели на заводе скандал под предлогом невыдачи им жалованья».

Такого же характера, как только-что приведенное, и другие донесения агентов 3-го Отделения о настроении рабочих. Так, в тот же день 27 августа другой агент доносит:

«Рабочий завода Берда, находящийся в новой сборне у мастера Фомы Бирница, Илларион Михайлов Редкин, в настоящее время более усиливает свою преступную пропаганду и подстрекает рабочих к беспорядкам».

Третий агент с завода Семянникова доносит все того же 27-го августа:

« На заводе Семянникова рабочий Василий Юрцов на-днях высказался, при рабочем того же завода, по прозванию Поляке, что теперь настало время устроить восстание».

Внизу этого донесения стоит пометка: «Кум Юрцова, рабочий завода Семянникова, Василий Белояров, таких же убеждений, как и Юрцов».

Еще донесение:

«27 августа рабочий завода Макферсона, проживавший на Пряжке, Василий Павликов, во время разговора с агентом сказал, что как волки их не преследуют, а все-таки они сделают свое дело, волков передушат и с правительством расправятся».

«Товарищи и единомышленники Павликова, рабочие того же завода: Тихон Иванов, Михаил Михайлов (прозывается Денисов), Иван Картузов, Михаил Елисеев и рабочий завода Берда Илларион Михайлов Редкин».

Последнее донесение 1 сентября. И снова того же числа агент сообщает, что рабочий завода Путилова, Василий Шкалов, уговаривает будто бы товарищей, чтобы они просили других восставать против правительства.

«По словам агента, Шкалов имеет товарищей, убеждений подобных ему, Шкалову, а именно рабочих Путиловского завода Форсмана, Александра Оленева, Гроссмана, работающего в небольшой мастерской, помещающейся в доме Васильева по Петергофскому проспекту; Шмидта, работающего на каком-то заводе по 17 линии Васильевского острова; неизвестно где в настоящее время находящегося рабочего Архипова, по приватной фамилии Корсикова.

«Упомянутые мастеровые прежде работали на Путиловском заводе, а в последнее время стали расходиться по другим мастерским, куда еще не проникла пропаганда, и, как надо полагать, с целью распространения там пропаганды» [1]).

Наконец, еще одно донесение:

«Рабочий завода Берда, Илларион Михайлов Редкин, почти ежедневно в обществе многих рабочих является по вечерам в портерную лавку на реке Пряжке, у Бердова моста, содержимую Глухим, и поет там песни и стихи, не разрешенные правительством, по своему содержанию направленные против Особ Императорской Фамилии и против правительства. В этой же портерной собираются партиями почти все рабочие, подозреваемые в пропаганде в местностях около Коломны, там они обсуждают разные вопросы, касающиеся социализма, не стесняясь присутствием посторонних лиц».

Эти донесения агентов 3-го Отделения, помимо того, что они очень ярко рисуют настроение в рабочих кругах за лето 1877 года, заслуживают внимания еще с двух разных сторон. Прежде всего, они обрисовывают ту среду, в которой вращался, как пропагандист, сам Н. С. Тютчев. *Почти все те рабочие (Павликов, Форсман, Гроссман, Шкалов и др.), которые тут оказались переименованными, находились с ним в непосредственном общении.* Об этом мы можем судить, между прочим, по одному разговору от 31 мая 1878 г., в котором вышеупомянутый Павликов говорит Гроссману, что из-за него, Гроссмана, рабочие лишились одного из лучших своих товарищей [2]). *«Это относится, вероятно, до Тютчева»*, прибавляет агент, сделав-

---

[1]) Из числа переименованных тут рабочих — Гроссман оказался впоследствии предателем. Он же донес в частности и на Н. С. Тютчева. Подробнее об этом см. ниже в главе: «Почему не судили Н. С. Тютчева».

[2]) Приводим здесь полностью это донесение агента о разговоре его с Павликовым (донесение за № 586 от 31 мая 1878 г.); в нем говорится: «Работавшие прежде на заводе Берда, а потом у Макферсона, близ Бердовских тонь, слесаря Семен Павлов и Марк Семенов сообщили слесарю завода Макферсона Гроссману, что рабочие Балтийского механического завода Павликов и Илларион Редкин грозят убить его, Гроссмана за то, что он в комиссии дознаний выдал почти всех их товарищей и продолжает путать почти всю Коломну, чем и разрушает их общество, из которого уже многие арестованы. После этого Гроссман при встрече с Павликовым спрашивал, за что он хочет убить его? На это Павликов ответил, «что через тебя (Гроссмана) много страдает хороших людей и что недавно взят один их лучший товарищ». Это относится, вероятно, до Тютчева». — На донесении этом есть пометка Мезенцова: «Чит. 1 июня».

ший приведенное сообщение. Такая ремарка, несомненно, сразу определяет роль Тютчева в тогдашней рабочей среде. Рабочие его не только знали, но и, несомненно, очень ценили, как одного из наиболее преданных своих товарищей.

С другой стороны, кроме этих, те же донесения агентов, дают нам право и еще на ряд любопытных выводов и сопоставлений. На одном из этих агентурных донесений стоит характерная пометка шефа жандармов Мезенцова: «Прошу составить общую записку и передать оную в 3-ю экспедицию».

Записка была, разумеется, составлена, и тут же, при этих донесениях, фигурируют черновые наброски для нее, состоящие в перечислении ряда фамилий заподозренных рабочих и пропагандистов. А затем идут новые документы: переписка 3-го Отделения с исполнительными органами полиции об аресте всех упомянутых тут лиц и о высылке их в северные губернии, преимущественно в Архангельскую, излюбленное место ссылки тогдашних администраторов.

Полицейская агентура в то время, правда, не была еще организована так, как впоследствии; в полицейских порядках и в полицейском отношении к делу борьбы с пропагандистами было еще много патриархального, — тем не менее, при всех своих дефектах и несовершенствах, тогдашняя агентура 3-го Отделения наносила достаточный ущерб революционному движению. Она мешала работе революционеров, рвала их связи, путала их предположения, раздражала их и толкала на отпор. Революционерам приходилось ставить перед собой вопрос о защите себя и своей деятельности от агентов 3-го Отделения, проникавших во все концы рабочего Петербурга, от Путиловского района до Пряжки, и от Васильевского Острова до Шлиссельбургского тракта. Надо было вырабатывать какие-то приемы *самозащиты* от шпионов и предателей, дабы отучить их появляться там, будь то рабочая сходка на фабрике или собеседование где-нибудь в пивной, где привыкли уже собираться рабочие для обсуждения своих дел. Так, на почве массового рабочего движения в тогдашнем Петербурге, и зарождалась та деятельность «Дезорганизаторской Группы», которой впоследствии пришлось сыграть такую крупную роль в истории общества «Земли и Воли». Замечательно, что агентура 3-го Отделения тогда же отметила эти настроения в широких массовых рабочих кругах.

6-го июня 1878 г. один из агентов 3-го Отделения доносил:

> «В субботу, 3-го июня рабочий Балтийского механического завода Павликов, встретясь с рабочим завода Макферсона младшим Гроссманом, приглашал его вступить во вновь учрежденный будто бы здесь комитет на подобие Киевского, цель которого уничтожать все преследующее социалистов. При этом Павликов будто бы добавил, что в здешнюю столицу прибыли смельчаки, не чета Петербургским социалистам, и что у них не дрогнет рука при каких бы то ни было обстоятельствах. Гроссман говорил об этом сообщающему при сыне колежского секретаря Василии Павлове Егорове».

Комитет, на подобие Киевского, о котором тут говорит Павликов, приблизительно в это самое время в Петербурге действительно

образовался и приступал уже к своей деятельности. С своим образованием он несколько запоздал, и южане, действовавшие в Киеве и Одессе, опередили в этом отношении северян. Киевский Комитет, — тут речь шла, несомненно, об Исполнит. Комитете, организованном в Киеве Валерианом Осинским, — к весне 1878 года успел уже прогреметь по всей России своими выступлениями. В феврале этого года в Киеве было совершено покушение на прокурора Котляревского, а в мае — убийство барона Гейкинга. Одновременно с этим Осинский и его товарищи принимали участие в организации побега из тюрьмы Дейча, Стефановича и Бохановского. Все это были крупные события, заставлявшие говорить о себе повсюду. В Петербурге за этот же период произошло собственно одно столь же крупного, можно даже сказать, всероссийского масштаба, выступление, — это покушение Засулич на Трепова, 24 января 1878 года. Само по себе оно составляло целую эпоху в развитии революционного движения того времени, но это было личное выступление Засулич, а не дело какой-либо организации. Южане, правда, командировали перед этим своих людей в Петербург (Попко, Фомичев и др.) для покушения на Трепова, но Засулич, сама того не подозревая, их предупредила. Эти события на юге, приковывавшие к себе всеобщее внимание, поднимали, конечно, настроение и в Петербурге, что и давало пищу для такого рода разговоров, как переданный в вышеприведенном донесении. Но, быть может, кроме того, тут имелся и отзвук глухих слухов о том приезде южан для организации против Трепова, о котором было только-что упомянуто. Однако, хотя южане и опередили в известном смысле северян, тем не менее, в Петербурге имелось уже свое стремление к организации активной борьбы с правительством, в виде «Дезорганизаторской Группы». Идея об этой группе и первые шаги ее зародились, во всяком случае, здесь, на севере. Еще характернее следующее обстоятельство: в Петербурге, как мы видели, Рабочая и Дезорганизаторская группы в значительной степени сливались. Те же Пресняков, Тютчев и Квятковский, или, во всяком случае, первые двое, входили как в ту, так и в другую группы. Деятельность Дезорганизаторской Группы получала, таким образом, свои политические импульсы от Рабочей Группы, или иначе: террористическая борьба зарождалась под влиянием массового движения, в результате стремления к его охране от шпионов и агентов 3-го Отделения. На юге, по сравнению с этим, та же деятельность носила уже более самодовлеющий характер, но замечательно, что и южане, в лице того же Валериана Осинского, прошли ту же школу и к своей дезорганизаторской деятельности приступили первоначально здесь, на севере, и в той же связи с массовым движением. Чрезвычайно характерен в этом отношении рассказ Плеханова, имеющийся в его воспоминаниях: «Русский рабочий в революционном движении», о том, как были организованы демонстративные похороны рабочих, погибших при взрыве на Пороховом заводе [1]). Землевольцы тут

---

[1]) См. 155—156 стр. III соч. Плеханова, изд. 1923.

организовали для охраны участников демонстрации особую боевую дружину, во главе которой и находился, что чрезвычайно характерно, — Валериан Осинский. Валериан Осинский был, таким образом, в непосредственном контакте с теми кругами Рабочей и Дезорганизаторской групп, где вращался также и Тютчев. Тесная связь между ними не представляет никакого сомнения, и разница в их положении была лишь в том отношении, что участники Дезорганизаторской Группы в Петербурге, как тесно связанные с деятельностью по Рабочей Группе, не могли уделять достаточно времени на чисто террористическую борьбу, что, напротив, легко было сделать Осинскому после переезда на юг. Но, в общем, развитие как на юге, так и на севере, шло одним и тем же путем, а, начиная с дела Мезенцова, которое, как мы увидим дальше, начало подготовляться еще с лета 1878 года, гегемония, и формально и по существу, фактически перешла на север. Дезорганизаторская деятельность к этому времени намного перерастает уже свои первоначальные рамки, хотя по своей идеологии остается все еще прежней, чисто землевольческой. За все это время террористическая борьба, как на юге, так и на севере, за немногими исключениями, воспринимается, как простой акт самозащиты, естественной самообороны, не больше. На степень политического принципа она еще не переносится, и землевольческая идеология остается в этом отношении ничем не нарушаемой. К моменту ареста Тютчева еще не проявляется никаких симптомов будущего конфликта, и в ссылку Тютчев уходит в период полного расцвета землевольческой теории и практики. Раскол, вызванный деятельностью Дезорганизаторской Группы, происходит только летом 1879 г., когда оба прежние соратника Тютчева, — Пресняков и Квятковский, — входили уже в состав Исполнит. Комитета «Народной Воли». Еще через год, в октябре 1880 года, оба они выступают главными обвиняемыми в первом народовольческом процессе «16-ти террористов». Но замечательно, что даже в это время они оставались, судя по их выступлениям на суде, все еще при том же, землевольческом, истолковании террористической деятельности, как революционной самозащиты. Так еще была сильна в тот момент власть землевольческих традиций. Сама «Народная Воля» к этому времени уже отказалась от такого взгляда на террор и стала смотреть на него, как на акт борьбы чисто политической и агрессивной, что и было выражено в газете народовольцев в их отчетах о процессе 16-ти [1]). Тютчев современем тоже перешел на эту народовольческую точку зрения, но это случилось уже тогда, когда ни Преснякова, ни Квятковского не было в живых.

---

[1]). См. «Литературу Нар. Воли». Изд. Париж, 1905 г., стр. 301—310, статья: «По поводу процесса 16-ти».

4. Дезорганизаторская Группа летом 1877 года.

После этих замечаний общего характера попробуем несколько ближе рассмотреть, пользуясь теми же документами 3-го Отделения, в чем именно состояла деятельность Дезорганизаторской Группы в то время, когда в нее входил Н. С. Тютчев. Хронологические рамки деятельности Тютчева в составе Дезорганизаторской Группы мы уже знаем: она охватывала конец 1876 года, весь 1877 год, и первые месяцы 1878-го года. Кульминационным ее пунктом являлась, несомненно, середина и потом вторая половина 1877 года. Знаем мы также, в общем, и характер этой деятельности, — он определялся желанием обеспечить нормальные условия для массовой работы тогдашних революционеров, а так как этому, прежде всего, мешали шпионы и агенты 3-го Отделения, то вся эта деятельность и вылилась конкретно в борьбу с ними. Так из самых низов тогдашнего рабочего движения вырастала тактика землевольческого террора.

Особенную энергию в этом случае развивал, несомненно, Пресняков. Любопытный портрет его рисует В. И. Дмитриева в недавно опубликованных воспоминаниях. «Пресняков был высокий блондин с рыжеватыми усиками и маленькими, всегда прищуренными глазами, которые светились каким-то холодным, стальным блеском», — пишет она. — «Его называли — грозой шпионов».

— «По натуре, — продолжает Дмитриева, — Пресняков принадлежал к типу искателей приключений, в роде героев Джека Лондона; пресная мещанская жизнь была ему не по душе; его тянуло в мир опасностей, кровавых схваток, неожиданностей. Он и разговоры любил необыкновенные, о каких-нибудь драматических происшествиях, и шутки у него бывали жуткие».

— «Однажды, играя шнурком от пенснэ, он сделал из него петлю, надел себе на шею и начал затягивать. — «Бросьте, Пресняков, — сказала я, — неприятно смотреть». — «Почему неприятно, — спокойно и, как всегда, посмеиваясь, отвечал Пресняков, — привыкать надо».

Дмитриева упоминает, между прочим, что Пресняков убил предателя Жаркова, выдавшего типографию чернопередельцев.

— «Убил он его, — рассказывает Дмитриева, — в глухом месте, где-то около Охты; пригласил для важных переговоров, а, когда убедился, что за ними никто не следит, взял Жаркова за шиворот и об'явил ему, что предательство его обнаружено, и что партией он приговорен к смерти. Маленький, хилый Жарков даже не сопротивлялся, он молча выслушал приговор и молча покорился своей участи. Застрелив его, Пресняков спокойно удалился и только через несколько дней труп Жаркова был найден на льду Невы».

Этот рассказ страдает большими неточностями. Теперь мы знаем, что Пресняков не один исполнял приговор партии над Жарковым и что обстановка самого убийства была не совсем такова, как ее рисует Дмитриева. Тем не менее, рассказ ее, несомненно, точно

передает некоторые, если не бытовые, то психологические черты. Эта железная уверенность и спокойствие, это беспощадное самообладание, были действительно характерны для Преснякова.

— «Неужели вы не чувствовали никакой жалости, когда стреляли в Жаркова?» — спросила как-то Дмитриева у Преснякова.

— «При чем тут жалость», — отвечал он ей. — «Ведь убиваем же мы вредных животных, а шпион — это самое вредное животное в мире. Вы подумайте, сколько зла наделал бы этот Жарков, если бы остался жив, сколько народу из-за него пропало бы в тюрьмах, на виселице, на каторге. Нет, тут не до жалости, тут одно: либо он, либо мы, и больше ничего» [1].

Этот разговор напоминает известный эпизод из «Истории одного преступления» Виктора Гюго. «Ты убил человека», — спрашивает там один из участников событий у другого. — «Нет, — спокойно отвечает тот, — *шпиона*».

Так отвечал французский Пресняков 1848—52 г.г., и та же психология вырабатывалась у русских революционеров эпохи 1870-х г.г. Сами события, само правительство создавало в них эту стальную жестокость и спокойную холодную решимость в борьбе с врагами, и недаром у Преснякова в глазах мелькал такой стальной блеск, как это отмечает Дмитриева. Тут действовал закон революционной самозащиты, который не позволял в шпионе видеть *человека*, а только самое вредное животное в мире. Такие люди и такая психология должны были вырабатываться самой обстановкой революционной борьбы, и они ею вырабатывались. Больше того: такими они даже рождались, притом, на разных ступенях социальной лестницы.

Пресняков был рабочим, металлистом, с Семянниковского завода, но совершенно такой же психологией обладал тот же Тютчев, являвшийся столбовым русским дворянином. Фамилия Тютчевых — старая дворянская фамилия, восходящая корнями своими в 15 или, во всяком случае, 16-ый века, но это не помешало Н. С. Тютчеву, одному из позднейших потомков этого дворянского корня, стать психологическим двойником родового пролетария-металлиста, — А. К. Преснякова. Совершенно так же, как Пресняков, Тютчев обладал активной натурой, склонной к решительным и прямым нападениям на врага. Он это очень ярко показал еще юношей на примере своего выступления с «пропагандой действием» в Симбирске, о котором мы упоминали выше, в 1-й главе наших заметок. Мы оставляем совершенно в стороне вопрос о том, насколько рационально было такое выступление само по себе, но на этом примере мы не можем не подчеркнуть характерную как для эпохи, так и для самого Тютчева, непосредственность действия, не рассуждающего о последствиях. Такова психология всякого революционного поступка: момент непосредственного действия в нем превалирует над мыслью об ответственности. Только тот, кто в этот акт вкладывает всю свою волю и все

[1]) Воспоминания В. И. Дмитриевой о Преснякове см. в № 4 «Каторги и Ссылки» за 1924 г., стр. 120 и след.

стремление к определенной цели, решимость и решительность, только тот и может быть настоящим революционером, способным на большие дела. У молодого Тютчева, как и у его ближайших друзей, Преснякова и Квятковского, несомненно, была эта способность действовать, не рассуждая о последствиях, самим сразу решать свою судьбу. Очень характерен в этом отношении портрет Н. С. Тютчева в молодые годы, относящийся как раз к описываемому времени (см. приложение). Сосредоточенное, энергичное и мужественное лицо, очень красивое, со строгими чертами, и с затаенной внутренней думой, отпечаток которой лежит на всем его облике. Это лицо человека, который уже *решил* сам про себя свою судьбу, и идет твердыми шагами по раз выбранному пути.

Дмитриева в своих воспоминаниях, говоря о том, как она живо представляла себе жалкую фигуру Жаркова, трепещущего в руках неумолимого Преснякова, прибавляет тут же:

— «И думается мне, Жарков был не единственной его жертвой».

Тютчев, о том же самом, как и Дмитриева, говорит в одной из своих статей (см. ниже стр. 86) гораздо определеннее, что и понятно: он сам являлся помощником Преснякова в ряде таких дел. «Летом 1877 года от его руки пал шпион Шарашкин», — пишет тут Тютчев о Преснякове.

Убийство шпиона Шарашкина, по данным 3-го Отделения, произошло 19 июля 1877 года на одной из окраин Петербурга, в Новой Деревне. Обстоятельства этого дела во всех подробностях остаются не освещенными до сих пор, и, в частности, само правительство не было уверено, что гибель Шарашкина должна быть поставлена на счет Преснякова. Характерно также, что автор официальной «Хроники» по истории революционного движения с 1878 года, ген. Шебеко, только глухо упоминает, что Преснякова подозревали в совершении убийства Шарашкина. На процессе 16-ти Преснякову, во всяком случае, этого обвинения не пред'являли. Остается также в тени участие в этом деле Тютчева. Лично я помню, по крайней мере, один рассказ Н. С. Тютчева, который я слышал от него довольно уже давно, о каком-то его совместном с Пресняковым нападении на шпиона, убийстве его, потом бегстве через какой-то пустырь, и об их переживаниях во время этого бегства. Участие Н. С. Тютчева в этом случае представляется возможным и потому, что против Шарашкина выставлялось (это отмечают и документы 3-го Отделения) среди других еще особое преступление: это он помог арестовать на улице, летом 1877 г., крупнейшего организатора того времени, М. А. Натансона, заложившего первые камни, фундамент, об-ва «Земля и Воля». Естественно, что Дезорганизаторская Группа решила тогда же наказать Шарашкина, и постановила убить его, что и было выполнено Пресняковым с товарищами.

Вскоре после убийства Шарашкина та же группа, с Пресняковым во главе, приступила к организации еще одного такого же дела, к покушению на убийство одного из помощников того же Шарашкина, некоего Беланова. «После Шарашкина, — пишет Тютчев в выше-

указанном месте своей статьи, — Пресняков занялся двумя другими агентами — Белановым и некиим «Козлом», но уничтожить их ему помешал его арест в начале 1878 года». И в этом деле приняли несомненное участие, судя по документам 3-го Отделения, все трое из известных нам участников Дезорганизаторской Группы,—и Квятковский, и Пресняков, и Тютчев, хотя сам Тютчев в своей статье говорит в этом случае только о Преснякове.

О подготовке Дезорганизаторской Группы к убийству Беланова власти узнали неожиданно для себя, от одного предателя, которым оказался рабочий Гроссман, упоминавшийся выше, как хозяин небольшой слесарной мастерской в доме Васильева, на Петергофском пр.. Гроссман был арестован 21 октября 1877 г., а 22 октября дал уже обстоятельное показание о Н. С. Тютчеве. В справке о Н. С. Тютчеве в 3-м Отделении оно изложено в таком виде:

«По показаниям арестованного 22 октября Иоганна Гроссмана, Тютчев занимался пропагандою между фабричными рабочими, заказал ему, Гроссману, стилет и железные обухи молотков, в которые сам Тютчев пробивал отверстия, куда были продеты ремни для того, чтобы они могли заменить кистени. По тем же показаниям, Тютчев пригласил Беланова (агента секретного отделения канцелярии СПБ градоначальника) на квартиру № 6 по Бассейной ул., № 22, нанятую им для того, чтобы здесь убить его, и просил Гроссмана принять в этом деле участие. Вследствие этого были приняты полицией меры к предупреждению убийства, но явившаяся в вышеозначенную квартиру полиция застала там одного Гроссмана, по указанию которого в кухне найдены были спрятанные в дровах два железные обуха с продетыми через отверстия их ремнями, одна железная гиря с ремнем, один нож с деревянной рукояткой, два желтого стекла пузырька без жидкости, на столе первой комнаты несколько бутылок водки, пива, закуски».

«По показанию того же Гроссмана, предполагалось влить в пиво агенту Беланову и другому, жившему с ним, жидкость, содержавшуюся в желтых пузырьках, и затем пьяных убить и оставить в задней комнате, а самим бросить квартиру и разойтись на прежние, при убитых оставить записку: «За народное преступление, наказание за шпионство». В квартире, нанятой Тютчевым, была какая-то женщина и мужчина, которого называли Александром. До прибытия полиции Тютчев, взяв стилет, ушел».

Эти данные взяты из справки 3-го Отделения, о Н. С. Тютчеве, но приблизительно так же, даже с еще большими подробностями и более обстоятельно, рисует это же дело автор доклада по делу Тютчева, представленного управляющим 3-м Отделением 28 июля 1878 г. шефу жандармов Мезенцову. Приведем и оттуда несколько выдержек. Здесь дело Тютчева изображено в следующем виде:

«21 октября 1877 года в СПБ Губ. Жанд. Упр. явился мещанин Иван Гроссман и заявил, что на этот вечер Тютчев со своими товарищами назначил убийство крестьянина Беланова за шпионство по политическим делам, что для этой цели нанята квартира на Бассейной ул. в доме № 22. Тютчев предлагал и Гроссману участвовать в этом деле и при помощи его заготовил орудие для убийства. Об этом было тотчас же сообщено секретному отделению, которое обратилось к содействию местного пристава, но, к сожалению, деятельность полиции оказалась настолько нецелесообразной, что все лица, бывшие в квартире № 6 в доме № 22 по Бассейной ул., заметив наблюдение, скрылись, оставив в квартире одного Гроссмана, которого полиция нашла пьяным».

Первоначальная обстановка, в которой был найден Гроссман, заставила полицию заподозрить правдивость его заявления, и делу не был дан дальнейший ход. Затем, однако, против Тютчева возникло новое дело, по обвинению его в подговоре крестьянина Афанасия Алексеева к даче ложных показаний по делу о государственном преступлении, возникшем по заявлению крестьянина Шарашкина (вышеуказанного шпиона, убитого Пресняковым). Что за дело возникло по заявлению Шарашкина, из документов 3-го Отделения не видно, но ясно, что все это снова навело полицию на след Тютчева. Затем на сцену явились показания самого Беланова, о котором в документах 3-го Отделения говорится, как об «агенте, задержавшем, вместе с Шарашкиным, Марка Натансона». Показания Беланова в некоторых отношениях оказались действительно очень интересными.

«Крестьянин Кирилл Беланов указал, что никакого Тютчева не знает, а знаком с Громовым, в котором впоследствии и признал Николая Тютчева, изменившего при знакомстве с ним свое имя. Оказалось, что Беланова на 21 октября пригласил к себе на квартиру некто «Александр Иванович» (не разысканный), знакомый Тютчева, требовавший, чтобы Беланов пришел в трактир, откуда он и будет проведен на квартиру, адреса которой Беланову сообщено не было. Вообще, как видно из слов Беланова, за ним следили постоянно: Пресняков, «Александр Иванович» и Громов (Тютчев), причем в начале сентября Пресняков сделал на него даже нападение на Сампсониевском мосту, но Беланову удалось отбиться, причем сообщники Преснякова (бежавшего в апреле 1878 года из Коломенской части), видя неудачу, разбежались. Разглядеть их Беланов не мог, так как шел с Пресняковым во время нападения в начале моста, а сообщники ожидали его на середине моста. 21 октября Беланов видел, как из дома № 22 по Бассейной ул., заметя наблюдение, устроенное полицией, ушел Громов (Тютчев). «Александра Ивановича» Беланов в этот вечер не видел, так как был послан секретным отделением на Бассейную улицу».

Остановимся теперь на этих показаниях, одного предателя и другого шпиона, чтобы в них несколько разобраться. Оба они рисуют, в общем, одну и ту же картину, — шла деятельная подготовка к убийству Беланова, и, в сущности, только случайность спасла его от такой же гибели, как Шарашкина. Совершенно ясны и главные участники этого предприятия: Пресняков, «Александр Иванович» и «Громов». Связь между ними всеми устанавливается документами 3-го Отделения достаточно тесная. Это несомненно боевая дружина, одна из «секций» Дезорганизаторской Группы. Убийство Беланова было для нее одним из очередных дел, быть может, даже непосредственным продолжением того же дела с Шарашкиным. На очереди стояло, повидимому, не одно даже дело с Белановым, а и еще с каким-то другим, жившим с ним агентом, как об этом упоминает в одном месте первый из вышеприведенных документов. Это совпадает и с указанием самого Тютчева о том, что перед арестом Пресняков предполагал организовать покушение не только на Беланова, но и на другого шпиона, известного под кличкой «Козла». Едва ли могут быть сомнения, что именно об этом «Козле» упоминает также и цитироный выше документ.

Предприятие это, столь сложно задуманное, не было доведено до конца. Этому помешал, повидимому, арест Преснякова, а потом донос Гроссмана. Между прочим, при аресте у Преснякова нашли клочек бумаги с разными записями, и среди этих записей оказалась упомянутой фамилия «Тютчев». Лишнее доказательство связи Преснякова с Тютчевым, отмеченное тогда же в документах 3-го Отделения.

Осенью 1877 года власти знали уже всех участников задуманного двойного убийства. Пресняков был арестован. Двое других избежали ареста, но псевдонимы их были раскрыты: «Александром Ивановичем» оказался А. А. Квятковский, «Громовым»—Н. С. Тютчев.

Прошло несколько недель, арестовали и «Громова» — Тютчева. На воле остался один Квятковский.

Но, прежде чем решилась судьба Тютчева, обстановка изменилась еще раз: из-под ареста бежал Пресняков. Из всех трех террористов этой секции Дезорганизатрской Группы во власти 3-го Отделения оставался отныне один только Н. С. Тютчев. После побега Преснякова 3-е Отделение усугубило надзор за Тютчевым, и ему приходилось серьезно задумываться над своей судьбой.

За ним числилось много преступлений, притом разного характера: деятельная и планомерная пропаганда среди рабочих, с одной стороны, и участие в покушении на убийство шпиона — с другой. Этого было вполне достаточно, чтобы, по тем временам, пойти на каторгу.

5. Почему не судили Н. С. Тютчева.

Но на каторгу он все же не пошел!.. Как это вышло? Какая новая случайность спасла его от такой участи?

Все это произошло, во всяком случае, не по воле самого Ник. Серг. Поскольку дело касалось его лично, он предпринял все от него зависевшее, чтобы не облегчить, а скорее отягчить свою участь. В его поведении после ареста, да и в самый момент ареста, в тюрьме, в участке и в крепости, очень ярко сказывалась сила его воли и его непреклонность. Чрезвычайно характерным в этом отношении являлся известный уже теперь из печати эпизод в жизни Н. С. Тютчева из того периода,—это именно передача им в участке своего паспорта Г. В. Плеханову, с которым он вместе был арестован на Обводном канале. Ник. Серг., разумеется, понимал, что может повлечь для него этот шаг; не мог он не видеть также и того, что у него была еще возможность, пред'явив самому нелегальный паспорт, попытаться выиграть время, и, быть может, даже уйти от полиции, как это и удалось сделать Г. В. Плеханову. Тем не менее, он пренебрег этими соображениями и уступил дорогу Плеханову, зная, что перед ним самим, благодаря этому, раскрывается тяжелый путь, быть может, каторга [1]).

[1]) Об этом инциденте с паспортом см. в некрологах Н. С. Тютчева в № 2 «Каторги и Ссылки» за 1924 г. и в № 24 «Былого» за тот же год. В обоих некрологах говорится о том, как при аресте Тютчев передал свой паспорт Плеханову. Этот факт теперь решительно и страстно

Каторгу он, несомненно, и получил бы, если бы его стали судить, но судить его 3-е Отделение сочло неудобным. Как это произошло, мы сейчас увидим.

Прежде всего, большую роль в данном случае сыграли, несомненно, родственные связи отца Николая Сергеевича, и его сравнительно высокое служебное положение. Отец Ник. Серг., Сергей Ник. Тютчев находился в это время в чине действительного статского советника, то-есть был штатским генералом. Он занимал должность управляющего СПБ удельной конторой дворцового ведомства, что ставило его в соприкосновение со многими нужными и влиятельными людьми. Его служебные и родственные связи были достаточно обширны, чтобы, пользуясь ими, он мог хотя отчасти оказывать влияние на участь сына, да и самая фамилия, — Тютчевых, — старинных русских дворян, импонировала в тех кругах, от которых зависела судьба многих тогдашних революционеров. По своим убеждениям Тютчев-отец представлял собою умеренного либерала, но того старого типа, который теперь давно уже отошел в прошлое. Тютчев-отец по своей натуре был, несомненно, человеком глубоко гуманным, и в хорошем смысле слова благомыслящим, чуждым бюрократической ограниченности. Он очень любил своего сына и готов был на всякие жертвы, чтобы облегчить его положение. Документы 3-го Отделения позволяют нам судить о том, что в хлопотах об участи сына он не знал усталости, и никакие преграды его не страшили, тем более, что власти, даже в 3-м Отделении, не могли с ним не считаться. Он лично посещал шефа жандармов сначала Мезенцова, а потом Дрентельна, засыпал их докладными записками, проникал всеми путями в их святилища, а позже заставил считаться с собой и гр. Лорис-Меликова. Эти докладные записки Тютчева-отца представляют теперь целую литературу и являются драгоценным материалом для суждения о настроении и взглядах администрации того времени. В следующей книге читатель найдет целый ряд документов, иллюстрирующих эти слова и представляющих извлечения из записок С. Н. Тютчева (отца) и из его своеобразной полемики с тогдашними властителями 3-го Отделения. Как характерна, напр., в этом отношении его переписка с шефом жандармов Дрентельном и, особенно, как выразительны ремарки Дрентельна на замечания докладной записки отца Тютчева, извлеченные нами из архива 3-го Отделения. Какой классический образчик бюрократического творчества они собою представляют! Или как ярок разговор его с ген.-губ. Вост. Сибири Анучиным, с этим администратором, игравшим такую роковую роль в истории ссылки, и, в частности, обессмертившим себя известной трагической историей с Неустроевым, расстрелянным в Иркутске за оскорбление, нанесенное им этому сатрапу. По всем этим документам можно судить о той настойчивости, с которой Тютчев-отец пытался всюду, где только мог, облегчить участь своего сына, а также его товарищей по судьбе. Эти

оспаривает Л. Г. Дейч в № 2 сб. «Гр. Освобождения Труда». Мы не станем тут разбирать аргументы Л. Г. Дейча, так как предполагаем это сделать в другом месте. См. ниже, стр. 167 и след.

хлопоты с его стороны облегчались, к счастью, некоторыми обстоятельствами, сложившимися в пользу Ник. Серг. Улики, которые наследствие собрало против него, были, в сущности, подавляющими; наличность подготовки покушения на жизнь Беланова и крупная роль в этом деле со стороны Н. С. Тютчева, были несомненными. Затем вся эта обстановка ареста Ник. Серг. на Обводном канале достаточно говорила против него: из нее было ясно, что в его лице был задержан действительно активный и опасный, как выражалось 3-е Отделение, пропагандист и агитатор. Револьвер, который был взят при нем, с 6-ю патронами; потом этот кистень, и пилки, и напильник, найденные в Александро-Невской части, куда были отведены арестованные, в кадке с водой; яды, прокламации, листки и брошюры, оставленные ими в комнате, в которой они временно помещались,—все это имело, несомненно, непосредственное отношение к Тютчеву, либо прямо принадлежало ему (кистень, яды, пилки и пр.). Во всем этом так характерно проявлялись все черты, свойственные облику русского революционера времени землевольчества [1]). Власти, конечно, все это понимали и нисколько не сомневались, что, в лице Н. С. Тютчева, в их руках оказался, несмотря на его молодость, опасный противник. Естественно было бы ждать при таких условиях, что все дело будет направлено судебным порядком, и что приговор суда будет суровым и беспощадным. Но на пути к такому, казалось, вполне естественному финалу всего дела, следствие натолкнулось на одно обстоятельство, разрушившее сразу все его усилия, — это на карйне легкомысленное, чтобы не сказать более, поведение властей при поимке с поличным попавшей им на глаза группы террористов. Казалось, успех для полиции был вполне обеспечен, все нити задуманного преступления находились у нее в руках, оставалось только взять всех прямо на месте преступления. Полиция, во всяком случае, *заранее обо всем знала* и имела полную возможность нанести неожиданный и сокрушительный удар сразу всем участникам задуманного двойного, как мы видели, убийства. И все-таки этого она не сумела сделать. Слежка за квартирой, нанятой для убийства Беланова и его сожителя (по всей вероятности «Козла»), была настолько очевидна и так грубо поставлена, она носила такой опереточно-оффенбаховский характер, что все, кому это было нужно, заметили во-время опасность и благополучно скрылись, так что, когда эти опереточные карабинеры явились на место предполагавшегося преступления, там уже никого

1) См. об этом в приложениях, в документе за № 2, напечатанном вслед за настоящей статьей. Отметим здесь, что кистень был любимым оружием землевольцев. Ср. то, что говорится о кистенях у Тютчева ниже в тексте, на стр. . Ср. также у Плеханова в «Русском рабочем» о борьбе рабочих с жандармами во время стачки на Бумагопрядильне: «у некоторых оказались кистени». Сочин. т. III, стр. 179. См. также у М. Р. Попова («Былое», 1907, № 5, стр. 300) об освобождении Преснякова: «Хотинский ударил (жандарма) по рукам кистинем». Кистень при массовом землевольческом движении играл такую же роль, как динамит у народовольцев. Чрезвычайно типично поэтому вооружение кистенями у группы Тютчева.

не было, кроме, к тому же, пьяного, Гроссмана. При таких условиях положение оказывалось очень неблагоприятным для властей. Как 3-е Отделение, так и министерство юстиции опасались именно, что весь этот водевильный характер опоздания полиции к месту действия обнаружится на суде целиком и обвинению придется базироваться исключительно на показаниях одного Гроссмана, который, к тому же, чуть ли не являлся прямым агентом 3-го Отделения. Гроссман, предупредивший жандармов о готовящемся преступлении, играл в этом деле какую-то странную роль, которая не могла бы не обратить на себя внимание суда и особенно представителей обвиняемых, их защитников, а защитники в политических процессах играли тогда еще большую роль. Относительно Гроссмана в документах 3-го Отделения есть даже непонятная путаница. Именно, в одном из них говорится, что он, будучи арестованным, дал 22 октября вышеприведенное показание, а в другом, что он 21 октября явился сам в Жандармское Управление и сообщил, что вечером в этот день назначено покушение на убийство агента Беланова на Бассейной ул., в доме № 22, в кв. 6-й. Из документов 3-го Отделения неясно, таким образом, кем собственно был Гроссман, — простым ли предателем (тогда непонятно, чего ради он сам без всякой нужды являлся в жандармское управление с доносом), или чем-то бо́льшим? [1]). Соображая все эти обстоятельства, обвинительная власть заранее теряла под собою почву, и представители юстиции решили, что встречаться при такой обстановке с защитниками обвиняемых в состязательном процессе для них по меньшей мере рискованно. Никто сам себе не враг, поэтому все ведомства, заинтересованные в этом деле, сообща решили, что будет благоразумнее для них отказаться в данном случае от судебного процесса и связанного с ним риска во время прений, и направить все дело к решению в административном порядке. Для Н. С. Тютчева такой исход был, конечно, весьма благоприятным, — это даже напоминало его 75-рублевый штраф за оскорбление конвоя в Симбирске. От такого исхода Тютчев только выигрывал, пострадавшим же оказался не он, а, как это ни странно и ни неожиданно,—полковник Бирин, начальник жандармского управления, сделавшийся козлом отпущения за неудачу, постигшую обвинительную власть в таком, по существу, ясном для нее деле. Вся эта колоритная история была изложена в очень обстоятельной записке управляющего 3-м Отделением на имя министра юстиции, и так как записка эта и сама по себе очень лю-

---

[1]) Во всяком случае, у 3-го Отд. существовала уже тогда своя «частная агентура» среди рабочих, вполне равнозначная, повидимому, позднейшей провокатуре. По крайней мере в деле № 144 о Тютчеве на 19 листе есть такая карандашная справка: «В январе 1878 года были получены путем частной агентуры сведения, в которых высказывалось предположение, что разыскивавшийся сын действ. ст. сов. Тютчев проживает вместе с подозревавшимся в революционной пропаганде Генрихом Преске (он же Прексе) и что для Тютчева слесарь Гроссман делал металлическую рамку для печатания». Весьма характерно, что тут идет речь о какой-то «частной агентуре». Наружное наблюдение таким термином в 3-ем Отд. обычно не обозначалось.

бопытна, то мы приведем из нее несколько цитат, иллюстрирующих все вышесказанное.

Прежде всего, чрезвычайно характерно в ней место, посвященное специально Н. С. Тютчеву. В нем именно говорится:

«Действительно, из трех привлеченных по настоящему делу агитаторов особенно выделяется Тютчев, давно известный своими революционными происками и той энергией, с которой он служил делу пропаганды. Очевидные подстрекательства его рабочих на Патронном заводе и вслед за тем на Новой Бумагопрядильной фабрике, наконец, хотя не исполненный, но вполне подготовленный план убийства Беланова с политической целью, выставляют Тютчева человеком весьма вредным и опасным и вполне оправдывают предлагаемую статс-секретарем Набоковым высылку его в Вост. Сибирь в распоряжение Генерал-Губернатора».

Трое привлеченных к делу о покушении на Беланова, это, разумеется, — Пресняков, Квятковский и сам Тютчев-«Громов». *Как мы видим из этого отрывка, из всех трех привлеченных 3-е Отделение особое значение придавало даже не Преснякову, а Тютчеву.*

«Нет никакого сомнения, что полиция в настоящем случае, — говорится далее в этом документе, — действовала крайне небрежно и поэтому не успела накрыть преступных пропагандистов на месте замышлявшегося ими преступления, что, в свою очередь, лишило дознание необходимой полноты и основательности. Так, например, пристав 3-го участка Литейной части, находясь в гостях и получив через городового уведомление о необходимости произвести обыск на Бассейной ул. по государственному преступлению, не заблагорассудил оставить приятную компанию и явиться лично на место, куда призывала его важная обязанность, а через того же городового послал сказать своему помощнику, чтобы он исполнил эту обязанность за него. Далее, наблюдение за квартирой с целью удостовериться, что в ней уже собрались злоумышленники, производилось настолько откровенно, что полиция, стоявшая на улице в числе нескольких человек, обратила на себя подозрение лиц, собиравшихся совершить преступление в означенной квартире, и они, отложив задуманное ими убийство, в ту квартиру не входили».

«Конечно, — продолжает историограф 3-го Отд., — подобная неумелость и небрежность заслуживают полного порицания. Но вместе с тем рождается вопрос: отчего же следственные действия в деле политическом производились полицией, а не чинами корпуса жандармов»?

И дальше 3-е Отделение на этом пункте сосредоточивает все свое внимание, начиная постепенно возлагать всю ответственность за происшедшее на полк. Бирина, начальника губернского СПБ жандармского управления.

«В дознании нет решительно никаких указаний, кто поручил или предписал, — говорит 3-ье Отд., — полиции производить обыск, но в показании своем по настоящему делу Гроссман положительно говорит: «Я 21 числа утром (т.-е. в тот день, когда вечером в 12 час. был произведен обыск) заявил в Губ. Жанд. Упр. о намерении упомянутых мной лиц убить Беланова». Об этом заявлении не было составлено протокола. По крайней мере к дознанию он не приложен».

«Из донесения по настоящему же делу Бирина видно, что вследствие заявления Гроссмана о замышленном Тютчевым убийстве Беланова было поручено секретному отделению канцелярии СПБ градоначальника принять надлежащие меры против покушения на жизнь Беланова.

«Кем было сделано это поручение и на каком основании СПБ. Губ. Жанд. Упр., в ущерб прямому своему назначению и в противоречие точному смыслу закона, отклонило от себя обязанность составить протокол и тотчас же приступить к расследованию по заявлению Гроссмана,—ни из дел 3-го Отд., ни из дознания не видно».

«Между тем в политическом характере заявления Гроссмана и замышлявшегося Тютчевым убийства Беланова, — не могло быть никакого сомнения».

«Каким же образом случилось — продолжает 3-ье Отд., — что меры по делу политическому само Жанд. Упр. предоставило принять полиции, тогда как на основании закона производство по расследованию подобных дел возложено исключительно на чинов корпуса жандармов и только в крайних случаях, при отсутствии таковых чинов на месте преступления, следы коего могут быть скрыты, полиции предоставлено право приступить к следственным действиям по государственным преступлениям».

«Подобное отступление от закона могло бы найти себе некоторое оправдание в том случае, если бы СПБ. Губ., Жанд. Упр. подобно управлениям в прочих губерниях, лишено было бы средств учредить немедленно секретное наблюдение за квартирой, в которой предположено было совершение убийства с политической целью и, следовательно, не могло бы уловить момента, когда злоумышленники были бы в полном сборе на месте преступления. Но подобное оправдание СПБ Губ. Жанд. Упр. пред'явить, конечно, не может»...

Словом, с какой бы стороны 3-ье Отд. ни подходило к этому вопросу, всюду у него виноватым оказывалось губернское жандармское управление. В этом обличении жандармов, и за этим конфликтом с ними, 3-ье Отд. как бы позабывало о Тютчеве и сосредоточивало все внимание на полк. Бирине, настаивая на том, чтобы ему был об'явлен выговор за нерадение и упущения по службе. 3-ье Отд. в этом случае добилось полного успеха: — шеф жандармов Мезенцов приказал об'явить выговор полк. Бирину, и этот выговор ему был об'явлен 1 авг. 1878 года в бумаге за № 2737.

Обрушившись на полк. Бирина, 3-е Отд. естественно стало относиться снисходительнее и к Тютчеву. Вопрос о суде над ним был снят с очереди. Дело предпочли решить административным порядком, но с Высочайшим одобрением, и 22 августа Н. С. Тютчев был официально извещен о высылке его в пределы Вост. Сибири.

Так рассеялась угроза суда над ним, а вместе с ним и каторги. Ссылка являлась сравнительно не столь большим злом. Отправляясь в ссылку, можно было уже думать, как бы вырваться из нее и снова встать в ряды активных борцов. Несомненно с этими мыслями Тютчев и пошел в Вост. Сибирь.

6. Тюремные мытарства Н. С. Тютчева.

Пока тянулась переписка по делу Н. С. Тютчева, только что нами охарактеризованная, и пока власти обсуждали вопрос, что с ним делать и на чем остановиться в выборе наказания для него, — тюремная жизнь Ник. Сергеевича шла своим чередом. Как только он был арестован и его личность была установлена, с его же, впрочем, по-

мощью, для него начались сложные тюремные мытарства, связанные с переходом из одной тогдашней тюрьмы в другую. Роль тюрем в то время исполняли, главным образом, Петропавловская крепость, Литовский замок и Дом Предварит. Заключения на Шпалерной, № 25, перед тем незадолго отстроенный. Но кроме них большую роль в тюремных мытарствах тогдашних революционеров играли полицейские участки, особенно такие, как Коломенская часть, Спасская, Александро-Невская и некоторые другие. Из них Коломенская часть была в то время еще совсем новой, и ее большое здание красного кирпича в стиле какого-то полицейского замка, у Калинкина моста, играло роль настоящего централа. Она считалась тогда надежным изолятором для политических преступников, и не удивительно, что именно сюда градоначальник тотчас же отправил Тютчева, как только он был арестован.

«Тютчева отправляю для содержания в Коломенскую часть», — телеграфировал 2 марта 1878 г. градоначальник в 3-ье Отд.

То же самое, но более мотивированно, он сообщал в донесении почтой:

«Тютчев, как подозреваемый в важных политических преступлениях и давно разыскиваемый, отправлен для содержания в отдельном номере в Коломенскую часть».

В Коломенской части Ник. Серг. пробыл, однако, не долго, хотя все же несколько месяцев, а затем он был переведен в Петропавловскую крепость в тюрьму Трубецкого бастиона. Распоряжение о его переводе туда помечено 20 мая 1878 года за № 644. Но, повидимому, в Петропавловскую крепость Ник. Серг. попал не сразу из Коломенской части, а предварительно прошел через тюрьму 3-го Отделения, которая помещалась на Пантелеймоновской, № 9. По крайней мере, в статье: «Здание у Цепного Моста» он сам пишет о своем пребывании в 1878 году в этой тюрьме и о посещении его там шефом жандармов Мезенцовым (см. ниже стр. 81). Ник. Серг. не говорит, правда, когда именно и при каких обстоятельствах он попал в эту тюрьму 3-го Отд., но надо думать, что там он находился по пути следования в Петропавловскую крепость, как это обычно делалось в то время, следовательно, в мае 1878 года.

Того же 20 мая 1878 года, когда Тютчева перевели в крепость, комендант крепости получил уведомление о зачислении его за министерством юстиции, — как раз в это время шло обсуждение вопроса о направлении дела Тютчева судебным порядком.

В крепость Ник. Серг. попал в исключительный момент. Перед тем, как его перевели туда, закончился процесс 193-х. Еще не прошло общественное возбуждение, связанное как с этим процессом, так и с другим крупным событием того времени, с процессом 50-ти. Осужденные по обоим этим делам находились еще в Петербурге и не были развезены по другим тюрьмам. Во время самаго суда они содержались на Шпалерной в Д. П. З., но после суда по получении приговора, — их опять перевели в крепость, где они перед тем провели большую часть своего предварительного заключения. В это же при-

близительно время в крепость оказался переведенным и Тютчев, а равно и еще некоторые арестованные перед тем землевольцы. Таким образом, летом и весной 1878 года в крепости оказались налицо две категории заключенных: — одни уже старые народники-пропагандисты, арестованые еще в 1873—1874 г.г., а теперь уже каторжане; и молодые народники-революционеры, бунтари-землевольцы, члены «Северного общества народников революционеров», как они тогда себя называли. Режим в тюрьме для тех и для других был значительно разным, и это послужило почвой для возникновения крупного тюремного протеста.

Осужденные по делу 193-х перед отправлением на каторгу, которого они ждали с часа на час, отвоевали себе некоторое облегчение одиночного режима: перед новыми испытанияи на Каре и в Харьковских централах, они переживали своего рода «передышку», не без труда вырванную у администрации. Что же касается землевольцев, находившихся в предварительном заключении, то к ним одиночный режим применялся во всей сторгости, принятой в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. С этой разницей в положении разных категорий заключенных не мирилось их товарищеское чувство, на этой почве и возник протест; вспыхнула голодовка, сыгравшая свою роль в тогдашнем революционном движении.

Один из осужденных по процессу 193-х, С. С. Синегуб рассказывает об этих событиях в своих «Воспоминаниях чайковца» в следующих выражениях:

«Когда нас из предварилки вновь перевезли в крепость, в ней сидели подследственные — Натансон, Шамарин, Габель и Тютчев. И в то время, как мы, после об'явления приговора, пользовались различными льготами (общими прогулками, общением друг с другом, нам были разрешены письменные принадлежности, разрешено было получать с воли не только книги, но и всякие угощения, — и теми и другими мы делились друг с другом), подследственные же подвергались всей тягости крепостного режима. К нашему перестукиванию, к разговорам и даже к пению в форточки окон начальство относилось равнодушно и не преследовало за это. Этим пользовались, конечно, и подследственные, и начальство не имело возможности лишить их этого, хотя от времени до времени и наскакивало на них за это. Но подследственные пожелали пользоваться и всеми остальными льготами, то есть полным общением с нами, осужденными и общими прогулками с нами. И заявили в этом смысле начальству свое требование. Они, впрочем, поставили и другое требование, что в случае невозможности удовлетворить их первое требование, чтобы их перевели в другие места заключения, в которых для подследственных нет такого режима, как в крепости. В случае же отказа со стороны начальства удовлетворить выставленные требования, они решили начать голодовку. Начальство категорически отказало им в удовлетворении требований, и они заголодали. Чтобы поддержать их в борьбе с начальством, об'явили голодовку и мы — осужденные».

«Вне стен тюрьмы наша голодовка, — продолжает Синегуб, — вызвала большую тревогу среди наших родных и знакомых. Матери, жены, невесты, сестры, отцы и братья стали осаждать 3-е Отд., главным образом, шефа жандармов Мезенцова, настоятельными просьбами успокоить нас и удовлетворить требования заключенных, не дать им довести себя до голодной смерти» [1].

Это была та самая знаменитая в свое время голодовка, по поводу которой Мезенцовым была сказана родственникам заключенных его историческая фраза о тех, кто голодал:

«Пусть умирают. Я приказал уже заказать гроба».

Ген. Мезенцов в то время и не подозревал, конечно, как отзовется на его судьбе эта злополучная бравада с его стороны над заключенными.

Когда голодовка началась, администрация сделала все же вид, что готова пойти на уступки. От Мезенцова явился в крепость его ад'ютант, ген. Бачманов, с опросом, чего хотят заключенные. Держал себя он с показной корректностью и постарался всех успокоить полной готовностью пойти на приемлемый компромисс. Этим компромиссом явилось обещание с его стороны перевести подследственных в другие места заключения с менее суровым режимом. «Мы чувствовали себя некоторым образом победителями», пишет по этому поводу Синегуб.

Подследственных действительно увезли из крепости, увезли в том числе и Тютчева, 23 июня 1878 года. Отношением ген. Сильверстова от этого числа за № 2170 коменданту крепости предлагалось исключить дворянина Николая Тютчева из списков содержащихся в Петропавловской крепости, и передать его командированному за ним жандармскому офицеру. В то же время 3-е Отдел. предписывало градоначальнику (отношением за № 2171) поместить Тютчева снова в Коломенскую часть и содержать его там «под строгим присмотром». Строгий присмотр, — об'яснялся, вероятно, тем, что опасались, как бы Тютчев, не воспользовавшись удобным случаем, не бежал из-под ареста так же, как бежал перед тем Пресняков, привлекавшийся по одному с ним делу.

При переводе Тютчева из крепости в Коломенскую часть произошел один небольшой инцидент, который заслуживает того, чтобы быть отмеченным. В делах 3-го Отд. сохранилось именно извещение коменданта крепости от 23 июня 1878 года, где он сообщает 3-ему Отдел., что студент Габель, — тот самый, о котором упоминает Синегуб, — и дворянин Николай Тютчев сданы сего, указанного, числа под расписку командированному за ними отдельного корпуса жандармов поручику Соколову.

Это был тот самый М. Е. Соколов, в то время (в 1878 г.) еще только поручик, который позже, уже в чине ротмистра, сделался знаменитейшим русским тюремщиком, Соколовым-«Иродом», смот-

---

[1] См. «Былое» № 10 за 1906 г., стр. 68—69.

рителем сначала Алексеевского равелина, а потом Шлиссельбургской крепости [1]).

Сохранилась также в делах 3-го Отд. росписка за № 816 смотрителя Коломенской части Полицейского Дома отставного поручика Бобровского в приеме им Тютчева. Она носит на себе яркий отпечаток эпохи, и мы считаем не лишним привести ее также здесь полностью. Бобровский выдал Соколову квитанцию в приеме Тютчева такого содержания:

«Дана сия поручику Корпуса Жандармов Господину Соколову в том, что доставленный сего числа при отношении за № (таким-то) дворянин Тютчев во вверенном мне Полицейском Доме принят для содержания под строгим присмотром. Открытые серебряные часы за № 66.003 и денег четыре рубля пятьдесят восемь копеек».

Будучи водворенным снова в Коломенскую часть, Тютчев, однако не оставил голодовки и протест свой продолжал с характерным для него упорством. Судить об этом мы можем по одному заявлению, которое он послал как раз за эти дни в 3-е Отдел. и повод к которому дало свидание его с отцом, которое он получил на другой день после перевода из крепости (перевели его 23-го, а свидание состоялось 24-го). Вот это свидание и дало повод Ник. Серг. послать в 3-ье Отд. следующее, для него чрезвычайно характерное, заявление. Приводим его полностью.

В 3-е Отделение С. Е. И. В. канцелярии.

Содержащегося под стражей
Николая Тютчева.

Заявление.

Вследствие того, что я заявил ген.-майору Вагисанову и капитану Соколову о моем намерении продолжать пост, считаю долгом уведомить 3-е Отделение, что в настоящее время я прекратил поститься, и это может показаться тем более странным, что перевод меня в Коломенскую часть, где не только нет никакой возможности заниматься физическим трудом, но даже не полагается и гулять, я об'ясняю не более, как насмешкой. Единственной причиной, побудившей меня изменить мое решение, было свидание с отцом, состояние здоровья которого находится в таком положении, что мой отказ исполнить его просьбу — мог иметь самые печальные последствия. Я никогда не сделаюсь сознательным отцеубийцей. Считаю нужным предупредить III Отд., что в случае устранения этой единственной причины, я немедленно же начну снова пост, конечно, если буду находиться в таком же неопределенном положении и при таких же условиях, как в настоящее время. Хотя я и считаю необходимым это заявление, но понятно, что для меня вполне безразлично, придает ли III Отд. ему веру или нет.

Николай Тютчев.

Коломенская часть, Июня 27 1878 г.

Это было, конечно, продолжение голодовки, начатой еще в крепости. Очевидно, победа, которая, как казалось заключенным в крепости, была одержана ими, — была мнимой.

---

[1]) О роли Соколова за годы 1878—1881 см. ниже в статье «Здание у Цепного Моста».

В Петропавловской крепости заключенные тоже вскоре узнали, что подследственные в новых местах продолжают голодовку. Синегуб рассказывает об этом в тех же «Воспоминаниях чайковца»:

«Прошло два или три дня. В эти дни были свидания. На свидании я получил записку, в которой меня уведомляли, между прочим, о том, что Сергей Кравчинский задумал убить Мезенцова в отмщение за нас, за его жестокость к нам во время нашей голодовки, за то, наконец, что он нас надул, и последственных перевели по его приказанию не в другие места заключения, а в равелины той же крепости. И все они очутились из подследственного отделения в равелинах, кроме Тютчева, которого из крепости перевели в одну из полицейских тюрем. Как оставшиеся в равелинах, так и Тютчев продолжали и там начатую ими голодовку. Это сообщение подследственных удалось проверить через крепостную стражу», — прибавляет Синегуб.

Из этих слов видно уже, какую тревогу и возбуждение вызвала в революционных кругах описываемая голодовка. Особенно характерно сообщение Синегуба о том, что тогда же он узнал из переданного письма о намерении Кравчинского убить Мезенцова (июнь 1878 г.). В этот момент Синегуб, как типичный народник пропагандист, был решительно против террористических актов и в этом духе написал большой ответ Кравчинскому. Тюремные порядки и конспиративные навыки были еще столь просты и примитивны, что обо всем этом заключенные могли переписываться и даже полемизировать с волей. Какая это характерная черта тех лет!

Синегуб подробно излагает мотивы, по которым он в это время был против террористической борьбы: — эти мотивы с тех пор излагались в разных вариациях столько раз вплоть до нашего времени! Передавать здесь мы их не станем. Не может быть, однако, сомнения, что, если бы на месте Синегуба в то время оказался Тютчев и если бы это он получил вышеупомянутое письмо Кравчинского, то ответ его был бы иной. Так уже в тюрьме наметилась тогда разграничительная черта между членами Дезорганизаторской Группы и пропагандистами, из которой впоследствии, как это было уже нами указано со слов самого Н. С. Тютчева, вырос раскол внутри «Земли и Воли».

Раскол этот в тот момент был, однако, еще весь впереди. Летом 1878 года, когда происходили описываемые события, о нем еще никто не думал. Не думал о нем и Н. С. Тютчев.

Да и думать об этом ему было некогда. Тюремная жизнь его продолжалась тем же ускоренным темпом, а тюремные мытарства в его жизни не прекращались. Администрация все время что-то подозревала, чего-то опасалась, и не переставала нервничать в своих распоряжениях относительно Тютчева. Вероятнее всего, что власти попрежнему опасались его побега или по меньшей мере попытки к побегу, тем более, что как раз в эту весну и лето произошел частью ряд побегов из тюрем и очень удачных (побег Стефановича, Бохановского и Дейча из Киевской тюрьмы), частью попыток к освобождению из-под стражи. Очевидно, считаясь с этим настроением, 3-е Отд. не чувствовало себя спокойным, тем более, что в данном случае в его

власти находился уже испытанный, несмотря на свою молодость, революционер, с решительным характером. 3-е Отд. не могло поэтому не напоминать раз за разом подведомственным органам, что за этим заключенным нужен особый надзор. Так, 26 июня 1878 г. ген. Сильверстов снова ставит на вид градоначальнику, что «за Тютчевым необходимо усугубить надзор», как за человеком крайне опасным. Считая его столь опасным, 3-е Отд. вместе с тем не решается оставлять его долгое время в одном и том же месте заключения, а предпочитает переводить его из одного полицейского централа в другой, и даже вскоре снова ставит вопрос об обратном переводе его в Петропавловскую крепость. Крепость — надежное место для заключения, и опасаться попыток к освобождению из нее было нечего. 26-го июня одновременно с требованием усугубить надзор за Тютчевым, 3-е Отд. решает перевести его из Коломенской в Спасскую часть с тем, чтобы и там держать его на особом режиме. Но и на этом тюремные мытарства Тютчева еще не кончаются. 4-го июля 1878 года ген. Мезенцов, в качестве шефа жандармов, пишет статс-секретарю Набокову, тогдашнему министру юстиции: «Тютчев переведен из крепости вследствие известных уже Вам причин и недостатка изолированных помещений в оной. Ныне, в виду высылки большинства государственных преступников в харьковскую тюрьму, если Вы признаете более удобным обратно отправить Тютчева в крепость, я, с своей стороны, ничего против сего не имею возразить» (4 июля 1878 г. за № 2368). Набоков в свою очередь ответил Мезенцову так:

Секретно.

Господину Главному Начальнику III Отделения С. Е. И. В. Канцелярии.

Вследствие отношения за № 2368 имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что, получив представленные прокурором СПБ. Судебной Палаты сведения об опасности, которую представляет содержание Тютчева в Коломенской части, я счел долгом сообщить оные Вашему Высокопревосходительству. Ныне же, в виду последовавшего перевода Тютчева из означенной части в Спасскую, дальнейшее оставление его в сем последнем месте его заключения или же обратный перевод для содержания в Петропавловскую крепость, должны, по моему мнению, зависеть вполне от Вашего, Милостивый Государь, усмотрения.

(Подпись). Министр Юстиции Статс-Секретарь **Д. Набоков.**

Третье Отделение относилось очень ревниво к этому вмешательству в сферу его компетенции, и на письме Набокова есть пометка, сделанная, повидимому, управляющим канцелярией: «Доложено, что Министр Юстиции вмешался в дело *неподлежащее* (курс. подл.), и не о чем было заводить переписку».

Тютчеву не пришлось, таким образом, благодаря этому маленькому ведомственному конфликту, познакомиться снова с крепостью, и он остался в том же месте заключения, то есть в Спасской части.

Дело его тем временем быстро подходило к концу. 28 июля состоялся цитированный выше доклад управляющего 3-им Отд. ген. Мезенцову о Тютчеве. Мезенцов согласился с заключением доклада, не передавать обвинительного материала суду, а направить его на ре-

шение административным порядком, выслав Тютчева в Восточную Сибирь. Тогда же, 28-го июля, за несколько дней до 4 августа [1]), Мезенцов подписал это постановление о Тютчеве.

Тютчев таким образом пережил Мезенцова.

Пока он находился в тюрьме, произошли два события, покрывшие ореолом террористов. 31 марта (ст. ст.) состоялся суд над Верой Засулич, кончившийся ее оправданием, — что отчасти повлияло несомненно и на судьбу самого Тютчева, заставив администрацию быть осторожнее с назначением к суду дел по политическим преступлениям. И затем 4 августа был убит Мезенцов, переписка о подготовке какового удара велась еще, как мы видели, с заключенными Петропавловской крепости после их голодовки.

Дезорганизаторская Группа делала в обоих этих случаях крупнейшие политические завоевания. Особенно это относилось к делу Кравчинского: это был превосходно выполненный, а вместе с тем столь же безукоризненно *организованный* террористический акт.

Та борьба, которую перед этим вели Пресняков и Тютчев, оставалась уже далеко позади. Перед революционерами открывались новые горизонты.

В такой момент и в таком настроении Тютчев отправлялся в Восточную Сибирь. В августе месяце состоялась Высочайшая конфирмация его ссылки в Сибирь, а 22 числа того же месяца управляющий 3-им Отдел. Шульц писал нач. Сиб. Жанд. Округа (тогда вся Сибирь составляла один округ) о высылке Тютчева. Шульц, между прочим, говорит о Тютчеве в своем письме-предписании, «*что он принадлежит к числу энергичных и опасных пропагандистов и что по свойству решительного своего характера он требует особого бдительного надзора*».

Побег Тютчева из Баргузина вскоре после этого показал сибирским жандармам, что последнее указание Шульца о том, что Тютчев требует особо бдительного надзора, — было сделано вполне кстати.

В конце августа 1878 года Ник. Серг. был отправлен с двумя жандармами в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири. Шумная и полная опасностей жизнь в Петербурге оставалась уже у него позади. Впереди маячило монотонное существование в ссылке, но, отправляясь туда, он не предполагал, конечно, что она отнимет у него сразу 13 с половиной лет.

На место ссылки, в Баргузин, Ник. Серг. прибыл 19 октября 1878 года, в тот самый момент, когда в Петербурге начался описанный им впоследствии, по документам 3-го Отд., ряд арестов по делу «Земли и Воли». Свидетелем этих событий, как и всех последующих из истории землевольческой организации, он уже не был. Он узнал о них в Сибири, главным образом, в Якутской обл., от товарищей по прежней борьбе, а восстанавливал картину первого раз-

---

[1]) 4 августа 1878 г., Мезенцов был убит С. М. Кравчинским.

грома «Земли и Воли» — по документам. Жизнь шла где-то там далеко, и лишь отдаленный гул ее доносился до тех наслегов, в которых он коротал свои ссыльные дни.

7. Н. С. Тютчев во времена «Народной Воли».

Непосредственная революционная деятельность Н. С. Тютчева в 1870-х г.г. закончилась, как это мы уже неоднократно отмечали, задолго до раздела «Земли и Воли» на фракции, на «Черный Передел» и на «Народную Волю». О причинах и развитии раскола, о характере, который принимала фракционная борьба, Ник. Серг. узнал уже позже в Якутской Обл., куда он попал после попытки побега из Баргузина. По его просьбе тогда (1881—1882 г.г.) бывший с ним в Якутской ссылке, хотя и в разных наслегах, О. В. Аптекман, известный ему еще по «Земле и Воле», а позже — чернопеределец, в письмах к нему знакомил, как его, так и других старых товарищей, с историей революционного движения за период после их ареста. Так, между прочим, постепенно создались известные впоследствии «Неизданные записки землевольца» О. В. Аптекмана, долгое время ходившие по рукам в нелегальных изданиях, а теперь выпущенные большой книгой — «Общество *Земля и Воля* 1870-х г.г.» (изд. «Колос», Ленингр., 1924).

Но, конечно, если не столь систематически, как это сделал Аптекман в своих письмах и записках, хотя и более отрывочно, но сведения о характере и причинах раскола доходили до Ник. Серг. и раньше, не говоря уже о том, что многое он мог почерпнуть из отчетов по политическим процессам. Так, напр., отчет по процессу 16-ти, по которому привлекались Пресняков и Квятковский, ближайшие друзья Тютчева, печатался почти полностью в газете «Молва», заняв там целый ряд №№. Не порывалась у Ник. Серг. за время ссылки и непосредственная связь с активно действовавшими революционными кругами. Время от времени он перебрасывался письмами, напр., с тем же А. А. Квятковским, вошедшим к тому моменту в состав Исполнит. Комит. Народной Воли. Об этой переписке Николай Сергеевич упоминает сам в статье о Савинкове, где он рассказывает, как ему пришлось однажды уничтожить чрезвычайно интересное письмо Квятковского, полученное им уже после того, как Квятковский был арестован (арест Квятковского произошел 24 ноября 1879 года), но написанное им еще до того. Квятковский в этом письме настойчиво звал своего старого товарища и друга обратно в Петербург, в ряды новых борцов, ряды которых быстро пополнялись, но и потери были большими. В ноябре 1879 года партия «Нар. Воли» уже окончательно сконструировалась, Исполнит. Комитет уже находился в разгаре работы; готовился ряд грозных террористических актов. «Народная Воля» явно доминировала над «Черным Переделом», она стала гегемоном революционного движения, и к ней стихийно тяготели все живые революционные силы страны. Так естественно было при таких условиях, что прежние со-

ратники Тютчева вызывали его опять к себе, на арену непосредственной борьбы. Идеологически и политически он находился несомненно на одной позиции с ними, хотя в тогдашней ссылке царили еще старые традиции, и волна народовольческих настроений, все сметавшая на своем пути в центрах активной борьбы, сюда еще не докатилась. Сочувствуя по своему политическому настроению народовольцам [1]), на деле, по месту своего водворения, Ник. Серг. находился так далеко от них! И вырваться ему отсюда, из этого невольного плена, было не так легко, как это, может быть, сначала казалось ему самому. В ссылке Ник. Серг. пришлось пережить не только казнь Преснякова и Квятковского, но и апогей «Народной Воли»,—1 марта 1881 года, — прежде чем он смог сделать попытку вырваться оттуда. События сложились, однако, так, что прежде чем Ник. Серг. была совершена эта попытка к побегу, его имя снова всплыло на поверхность общественной жизни, в числе имен самых активных борцов — участников Перво-Мартовского покушения: *в Петербурге был принят властями за Н. С. Тютчева тот «Неизвестный», оказавшийся вскоре Гриневицким, бомбой которого был сражен Александр II.* Ниже в тексте книги читатель найдет у самого Ник. Серг. упоминание об этом чрезвычайно характерном эпизоде его жизни (см. стр. 93) и рассказ его, к сожалению, как всегда, чрезвычайно краткий, о том, как Д. А. Клеменцу, в 3-ем Отд., показывали чью-то заспиртованную голову и спрашивали: «Не Тютчев ли это»? В чем тут было дело, Клеменц тогда не понял, и раз'яснилось все это гораздо позже. Оказалось, именно, что растерявшиеся власти после 1 марта 1881 года сначала не могли установить, кто же был тот неизвестный, который бросил роковую бомбу, «повергшую всю Россию в траур», как тогда писали. Когда они начали устанавливать, кто бы мог быть этим метальщиком, то остановились на имени Н. С. Тютчева, как одного из известных властям возможных террористов. Сведения об этом проникли даже в газеты. Так, напр., в «Голосе» Краевского в № от 9 марта было напечатано:

— «Нам сообщают, как слух, что умерший в Конюшенном госпитале злоумышленник, бросивший вторую бомбу, повергшую всю Россию в траур, есть беглый преступник по фамилии Тютчев».

На один момент полная правдоподобность этого слуха подтвердилась и еще одним обстоятельством, ни властям, ни газетам, однако, не бывшими известным. За несколько дней до 1 марта отец Ник. Серг. в проехавшей мимо конке (трамваев тогда еще не было, они были устроены в Петербурге только в начале XX века) увидел какого-то молодого человека, которого он принял за своего сына, Николая. Это, разумеется, его очень встревожило, как пишет и сам Николай Сергеевич, но вместе с тем придало полную достоверность предположениям, что злоумышленник, повергший всю Россию в траур, именно он и есть. Уверенность, что неизвестный являлся Н. С. Тют-

---

[1]) В анкете для О-ва Политкаторжан Н. С. Тютчев, в пункте о партийной принадлежности, пишет: «народоволец».

чевым, была настолько серьезной, что власти тогда же сделали официальный запрос губернатору в Иркутск, находится ли на месте водворения административно-ссыльный *такой-то*. Ответная телеграмма на этот запрос сохранилась в делах 3-го Отдел. «Высланный административным порядком под надзор полиции Николай Сергеев Тютчев в настоящее время находится в Баргузине», — телеграфировал 7 марта из Читы губ. Ильяшевич.

Одновременно с этим такой же телеграфный запрос получил и сам Ник. Серг. от своего отца, причем он, вплоть до получения столичных газет, не мог себе об'яснить, чем вызывается это беспокойство о том, где он находится, на месте ли он своей ссылки. Только при получении столичных газет все эти недоразумения раз'яснились.

В столичных газетах Ник. Серг. нашел не только известие о том, что злоумышленник, умерший в Конюшенном госпитале, принят за него, но и письмо своего отца, напечатанное в № от 10 марта 1881 г. того же «Голоса», в котором отец его, ссылаясь на официальный запрос и на свою телеграмму сыну, сообщал о недоразумении, происшедшем с его именем. Письмо его об этом в редакцию «Голоса» написано, разумеется, с соблюдением принятого в таких случаях способа выражения. Инцидент этим и был исчерпан. Он, разумеется, чрезвычайно характерен в том отношении, что показывает, как власти смотрели на Н. С. Тютчева и на что считали его способным. По существу тут не было никакой ошибки. Когда Н. С. Тютчев предпринял побег из Баргузина, он и сам предполагал пойти именно по тому пути, который ему усваивало само правительство. И если этого не случилось, то не по его вине. Несмотря на все усилия, несмотря на этот побег, который нам и теперь кажется героическим [1]), Ник. Серг. не смог вырваться из ссылки, чтобы во время прибыть на место разгоревшейся борьбы. Как ни спешил он с побегом, он не смог предупредить событий, и недаром впоследствии он дал в статье о побегах из Сибири в 1880-х г.г. такое обстоятельное об'яснение, почему эти побеги так редко удавались. Свой собственный побег он смог предпринять только летом 1881 года, уже после 1 марта, но и этот побег, хотя на подготовку его, казалось, было затрачено все, чтобы обеспечить ему успех, оказался неудачным; — вместо Петербурга, куда Ник. Серг. стремился и где властям уже грезилось его присутствие, он попал в новую ссылку, на этот раз в Якутскую Область.

Мы знаем уже, что из Якутской Обл. в Европейскую Россию он вернулся только в начале 1890-х г.г.—«Народной Воли» к этому времени уже не существовало. Надо было что-то строить, что-то новое.

---

[1]) «Этот побег — бесспорно самый трудный и геройский из всех» отмечалось в № 8 «Нар. Вол.» в статье «Тюрьма и ссылка». (См. «Лит. Нар. В.», стр. 556, изд. 905 г.).

8. Несколько слов о литературной деятельности Н. С. Тютчева.

Документы 3-го Отд. представляют не единственный источник для изучения и характеристики революционной деятельности Н. С. Тютчева за 1870-е г.г. Другим таким же источником являются его литературные работы по изучению того времени, собранные почти целиком в настоящей книге. О них нам приходилось уже выше неоднократно упоминать, но мы считаем нужным сказать здесь и несколько слов специально о Н. С. Тютчеве, как историке своей эпохи и мемуаристе.

Покойный Ник. Серг. не был литератором по профессии. На вопрос в каторжанской анкете, чем он занимался в ссылке, он отвечает: «уроками, *переводами с иностранных языков*, сельским хозяйством». О литературе здесь нет ни слова. Единственной формой литературной работы, свойственной Ник. Серг., были переводы с иностранных языков, на что он сам и указывает. Им, между прочим, переведены некоторые тома истории французской революции Жореса и «Коммуна» Дюбрейля. Собственно же к литературной работе, в точном смысле этого слова, Ник. Серг. прибегал неохотно и за перо в таких случаях брался после долгих колебаний. Но и в таких случаях он ограничивался в своих статьях и заметках сообщением только самого необходимого, избегая чисто литературной обработки своих тем. Литературным талантом он вообще не обладал, а роли мемуариста даже сознательно чурался. Поэтому все его статьи, в том числе и вошедшие в эту книгу, носят чисто *фактический* характер и так обидно скупы на всякого рода интимные подробности, обычно столь свойственные мемуаристам. Однако, в этой же фактичности статей и заметок Н. С. Тютчева, обычно насыщенных содержанием, и заключается их главная ценность в литературном отношении.

Историк русской общественной жизни 1870-х г.г., да и позднейших десятилетий, не может не пожалеть об этом литературном ригоризме Н. С. Тютчева. Покойный Ник. Серг. обладал чрезвычайно точной памятью, запас его сведений о революционном движении своего времени и о его личном составе был прямо громадным, что мы уже отмечали. Но все эти сведения и факты Ник. Серг. в своих статьях и мемуарах использовал лишь отчасти. За последние годы он выбрал для такого использования своеобразный путь, путь фактической проверки имевшегося и особенно все нароставшего исторического материала, каковую проверку он давал в кратких журнальных рецензиях на новые книги. Эти рецензии, в «Книге и Револ.», в «Былом», в «Каторге и Ссылке», при всей своей краткости всегда заключают в себе очень ценные фактические замечания, далеко не безразличные для всякого серьезного историка нашего революционного прошлого. Многие из них могли бы быть превращены легко в самостоятельные очерки и заметки безусловно крупной ценности. Из та-

ких рецензий в настоящем издании нами выделены, напр., статьи о Серебрякове и Гесе Гельфман (см. ниже). Пример этот показывает достаточно хорошо, сколько ценного материала вкладывал порой Н. С. Тютчев даже в незначительные, казалось бы, заметки о новых книгах. Тем более, следовательно, он мог бы дать, если бы специально занялся историей своего времени, хотя бы в мемуарной только форме.

Временами он, впрочем, и пытался это сделать. Такой характер носит, напр., самая большая из напечатанных работ Ник. Серг.: «Ссылка в Баргузине и побег с Е. К. Брешковской», первоначально появившаяся еще в 1914 г. в журнале «Русск. Записки», но у нас воспроизводимая по рукописному, более полному и более точному, тексту [1]). Эта работа являлась по первоначальному плану частью обширных воспоминаний о всей ссыльной жизни Ник. Серг. в Сибири, сначала в Забайкалье, потом в Якутской Обл. Ее продолжением являются заметки о Н. Г. Чернышевском и о каракозовцах, поставленные нами друг за другом, как главы ненаписанной работы. Перечитывая теперь эти работы, читатель сам увидит, как действительно автор их скуп на всякого рода интимные подробности, так оживляющие обычно мемуарный рассказ, и как он систематически ограничивается строго фактическим перечнем событий, очень точным и очень содержательным, чрезвычайно богатым фактами, но временами почти что протокольным. И в этом сказывается не только недостаток его общего влечения к литературной работе, но и сознательное самоограничение.

За последние годы Н. С. Тютчев получил возможность более систематически применять свои личные силы и способности в области разработки революционного прошлого — он вошел в состав ближайших сотрудников журнала «Каторга и Ссылка», и сделался его представителем в Ленинграде. Для литературного коллектива «Каторги и Ссылки», и вообще для всего Об-ва Политкаторжан и ссыльно-поселенцев [2]), органом которого является этот журнал, Ник. Серг. явился незаменимым, большой ценности сотрудником. Своей работе в «Каторге и Ссылке» он отдавал, можно сказать без преувеличения, все свои силы, и занимался ею с большой любовью и с энергией. Работа же эта, чем дальше, тем все больше разрасталась, становилась все шире и все интенсивнее.

---

[1]) См. часть II настоящего издания.

[2]) Еще до привлечения его к «Каторге и Ссылке», Ник. Серг. приходилось исполнять ряд поручений для самого Об-ва Политкаторжан по части справок архивного характера о ряде деятелей прошлого, чрезвычайно необходимых в текущей деятельности Об-ва. Эту работу в Ист. Рев. Архиве по поручениям Об-ва Каторжан он делал с исключительной точностью и аккуратностью, удивляя товарищей своей осведомленностью и богатством своей памяти. Редкого человека из принимавших участие в прошлом революционном движении он не помнил по личным встречам и о всяком он мог быстро найти нужную справку в архивах. Только тот, кто принимал участие непосредственно в этом практическом ежедневном деле, может оценить всю незаменимость утраты, нанесенной в данном случае Обществу смертью Н. С. Тютчева.

Сверх своей общей работы по «Каторге и Ссылке» Ник. Серг. взял на себя еще большой редакционный труд по подготовке к печати некоторых предпринятых Об-вом изданий. Так, им были проредактированы «Воспоминания» М. Ю. Ашенбреннера, вышедшие ко дню празднования 82-х летней годовщины со дня рождения этого старейшего из наших ветеранов революции. «Воспоминания» М. Ю. Ашенбреннера были Ник. С. не только проредактированы и прокомментированы, но и прокорректированы, так как он лично следил за всем ходом печатания этой книги. Это была последняя большая его работа, сделанная им почти накануне смерти, — следующей работы по такой же подготовке к печати воспоминаний М. Ф. Фроленко он уже не успел закончить. Можно сказать без всякого преувеличения, что за этими книгами и за очередным номером «Каторги и Ссылки» (все эти издания печатались в Ленинграде), он и умер.

Первый приступ смертельной болезни он почувствовал по дороге в типографию (в «Печатный Двор», на Гатчинской), в которой набирался очередной номер «Каторги и Ссылки». С трудом, и с посторонней помощью какой-то неизвестной женщины, принявшей в нем участие, Ник. С. вернулся домой и, оправившись тут от первого удара, но не отдавая себе еще отчета об опасности, нависшей над его головой, собирался снова приняться за текущую работу, как был неожиданно, и на этот раз навсегда, сражен вторым ударом. Он умер от кровоизлияния в мозгу, и умер еще далеко не столь старым — 68 лет. Как раз за последнее время, увлеченный своей работой, он чувствовал себя особенно бодро, и, казалось, не было никаких признаков надвигавшегося конца. Правда, в недавнем прошлом (т.-е. в 1923-ем году, летом) он перенес тяжелую операцию, едва не стоившую ему жизни. Организм его, однако, справился очень удачно и сравнительно быстро с этой опасностью, без всяких признаков рецидива той же болезни, хотя это и был рак кишек. Но Ник. Серг. вообще обладал сильной организацией, как духовной, так и физической. Духовно он был, быть может, даже сильнее, чем физически. По натуре, вообще, это был суровый, непреклонный революционер, не умевший итти на сделки с совестью и на компромиссы. Таким же непреклонным и полным упорной веры в конечное торжество своих старых идеалов он и умер.

Его похоронили на традиционных «Литературных Мостках» Волкова кладбища, вблизи могил его старых товарищей и вместе с тем учителей: Успенского, Михайловского и Г. А. Лопатина. Со всеми ними он вместе так много пережил, с ними он был связан узами личной дружбы и узами политической деятельности. И в их тесной семье, в ясный снежный день начала февраля, он нашел место своего вечного успокоения.

Февраль 1925 г. *Е. Колосов.*

Приложение.

1. **Донесение градоначальника в 3-е Отделение об аресте Н. С. Тютчева.**

Сего числа во время беспорядков на Новой Бумагопрядильной фабрике задержаны в толпе рабочих по подозрению в подстрекательстве их к беспорядкам 5 человек, назвавшихся: 1) Дворянином Александром Сергеевичем Максимовым-Дружбининым; 2) Дворянином Сергеем Сомовым, 3) Дворянином Николаем Васильевым, 4) Дворянином Владимиром Бондаревым и 5) Дворянином Николаем Тютчевым.

Из них Тютчев, как подозреваемый в важных политических преступлениях и давно разыскиваемый, отправлен для содержания в отдельном номере в Коломенскую часть.

При Тютчеве найден револьвер с 6-ю патронами.

2 марта 1878 года.

2. Справка 3-го Отд. о Н. С. Тютчеве.

Тютчев, Николай Сергеевич, родился в 1857 г., сын управляющего СПБ удельной конторой, бывший студент СПБ университета. В последнее время работал на Васильевском патронном заводе. В марте 1878 года был задержан в числе других 5 лиц в толпе рабочих Ново-Бумагопрядильной фабрики, по подозрению в подстрекательстве последних к беспорядкам, происшедшим на фабрике 2 марта. Находясь в этой толпе, он все время о чем-то шептался с задержанным также по этому делу Максимовым-Дружбининым. При Тютчеве был найден револьвер с шестью патронами. Он разыскивался прежде сего по подозрению в важных политических преступлениях, привлекался к дознанию о распространении среди рабочих запрещенных книг и оказался деятельным агитатором между рабочими, войдя с ними в близкие отношения. Кроме того, дознанием о пропаганде в губерниях Московской, Владимирской, Тульской и Киевской, обнаружено, что в 1875 г. Тютчев с товарищем своим Кибальчичем распространял революционные идеи среди крестьян Липовецкого уезда, Киевской губ.

При уборке комнат 3-го участка Александро-Невской части, где содержались арестованные — Тютчев, Васильев, Бондарев, Сомов и Максимов-Дружбинин, — после выхода их оттуда найдены:

а) Связка напечатанных в тайной типографии листков о судебных заседаниях по делу о преступной пропаганде в Империи, б) печатный подметный листок «Убийство шпиона», в) брошюра под заглавием: «13 июля и 24 января», г) яды в банке и порошке и д) несколько пилочек и напильников, а в кадке с водой кистень.

Тютчев обвинялся также: а) в приготовлении к убийству Беланова, б) в подстрекательстве Алексеева к даче ложного показания без присяги, по политическому делу, в) судился за оскорбление военного караула, г) в передаче деньщику брата Кибальчича сказки «О четырех братьях». В 1877 году, состоя студентом С.-Петербургского университета, он не посещал лекций, а, поступив рабочим на Патронный завод, через два месяца был оттуда уволен, так как, не занимаясь работой, он только вращался постоянно между рабочими, входя с ними в разговоры.

Секретно.

3. Сообщение Градоначальника в 3-е Отделение об арестованных.

Господину Главному Начальнику 3-го Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии.

Во время беспорядков, начавшихся с 27 минувшего февраля на Новой Бумагопрядильной фабрике, по Обводному каналу, № 64, 2-го марта в толпе рабочих, отказавшихся от работы и бродивших кучками по улицам и по трактирам, были задержаны по обвинению в подстрекательстве рабочих к беспорядкам:

1) Студент СПБ. университета, сын управляющего СПБ. Удельной конторой Ник. Серг. Тютчев.

2) Сын профессора здешнего университета Д. Ст. Сов-ка Васильева, Николай Васильев.

3) Дворянин Александр Сергеевич Максимов-Дружбинин.

4) Дворянин Сергей Сомов и дворянин Влад. Бондарев.

Из поименованных личностей Тютчев, как обвиняющийся в важных политических преступлениях и задержанный в толпе с револьвером и 6 патронами, арестован и отправлен на распоряжение СПБ. Губернского жандармского управления, прочие же по установлении их самоличности отпущены и остаются на жительстве в С.-Петербурге.

Об этих отпущенных 4 личностях, в делах Канцелярии Градоначальника имеются следующие сведения.

Васильев обучался в СПБ. университете, а потом поступил в Ново-Александрийский Сел.-Хоз. Институт, где в прошлом году был арестостован за распространение между польскими студентами запрещенных книг и вообще пропаганды, впервые он содержался несколько месяцев под арестом в Варшаве, а потом передан в СПБ., где несколько дней спустя был освобожден на поручительство присяжного поверенного Добролюбова с денежной ответственностью. Ныне Васильев живет в СПБ. без определенных занятий, живет большей частью у отца, ходит в длинных сапогах, русской рубашке, работал некоторое время в мастерских Главного Общества Российских железных дорог, и держит себя так, как вообще ведут себя, так называемые, «идущие в народ».

Максимов-Дружбинин в январе текущего года приехал из Орла, с целью заниматься в Публичной Библиотеке по предмету политической экономии, задержан вместе с Тютчевым, с которым все время о чем-то шептался.

Сомов привлекался по нечаевскому делу и состоял до 1870 года под надзором полиции. В конце прошлого года у него были замечены сборища учащейся и праздной молодежи, почему был приглашен в Канцелярию Градоначальника, где ему, как проживавшему по виду, выданному Самарским Губернатором, полтора года назад, на выезд заграницу, было предложено выехать на родину. Хотя Сомов при этом дал подписку, что оставит столицу по прошествии 7 дней, тем не менее остался здесь.

Бондарев, бывший студент Горного Института, проживающий без определенных занятий, находился в близких отношениях с Тютчевым и подобными ему личностями, доказательством чему служит то, что он принимал участие в тайно устроенном вечере 28 января сего года в пользу судившихся по последнему политическому делу. Живет у своей любовницы Лушковской, в квартире которой был устроен помянутый вечер.

Независимо этого аргументом политической неблагонадежности названных личностей служит еще то обстоятельство, что в комнате Управления 3-го участка Александро-Невской части, за диваном, на котором они сидели, по доставлении в участок, найдены при уборке комнаты: 1) связка запрещенных печатных листков о судебных заседаниях, по делу о преступной пропаганде в Империи, 2) печатный подметный листок «Убийство шпиона», 3) брошюрка под заглавием: «13 июля и 24 января»,

4) яд в банке и яд в порошке и 5) несколько стальных пилочек и напильников.

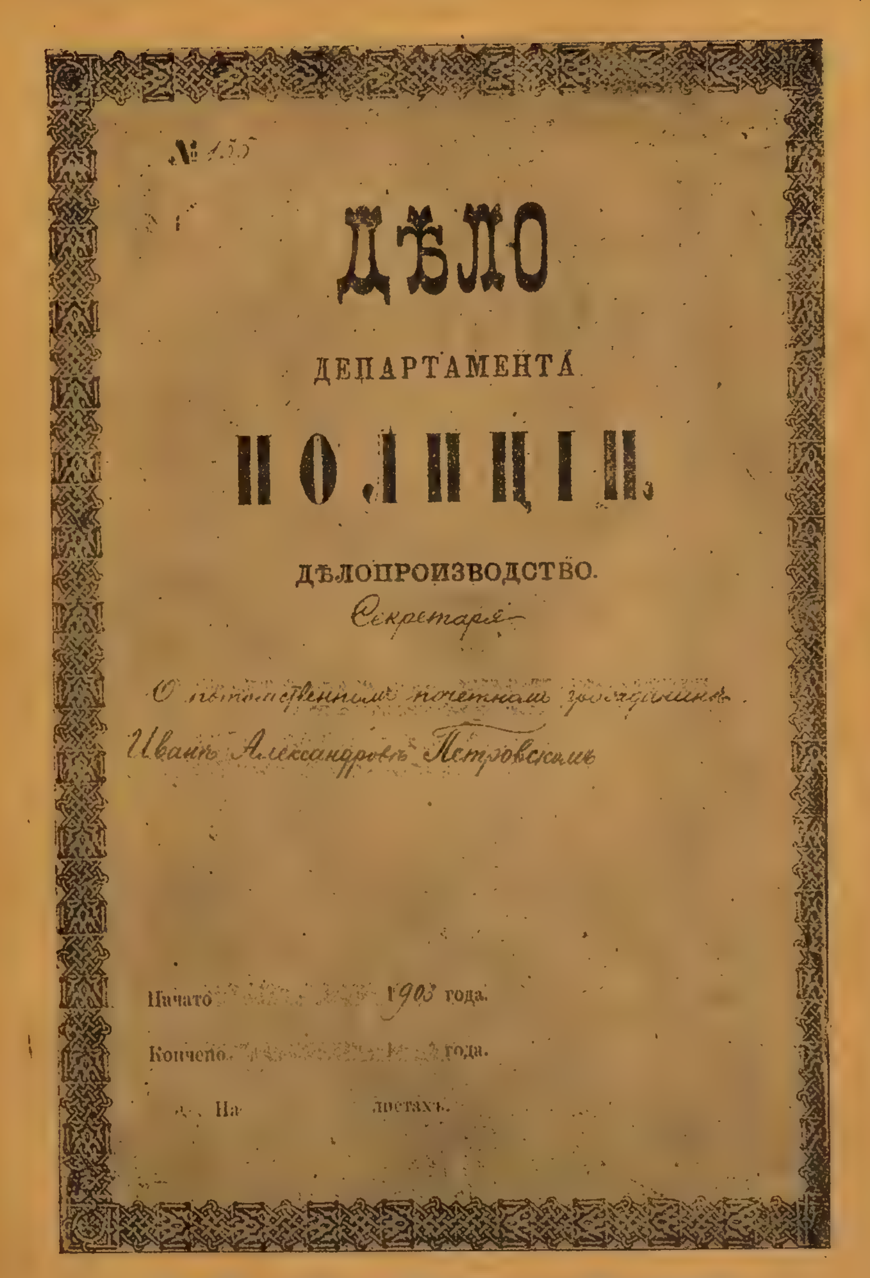
Хотя при разбирательстве о происшедших волнениях фабричных рабочих не обнаружено, чтобы беспорядок тот возник по инициативе поименованных личностей, но приведенные выше данные, свидетельствующие о крайней политической неблагонадежности задержанных в толпе названных лиц, прибывших на место совершенно с противоположных концов столицы, исключают всякое сомнение в том, чтоб они прибыли туда не случайно, но явились, получив сведение о беспорядке, с целью подговора рабочих не соглашаться идти на работы и оказывать пассивное сопротивление полиции, принимавшей меры к прекращению беспорядков.

Находя пребывание Васильева, Максимова-Дружбинина, Сомова и Бондарева в С.-Петербурге крайне вредным, я вместе с тем вошел с представлением к Г-ну Министру Вн. Дел о высылке их, как крайне вредных, на жительство Васильева и Бондарева в Архангельскую, а Максимова-Дружбинина и Сомова в Олонецкую губернии, с отдачей всех четырех на месте под строгий надзор полиции.

Доводя об этом до сведения Вашего Высокопревосходительства, имею честь просить, не соизволит ли и Ваше Высокопревосходительство оказать зависящее с Вашей стороны содействие к высылке поименованных лиц из столицы.

Свиты Его Величества генерал-майор **Козлов.**

СПБ Градоначальник
Отделение Секретное
7 марта 1878 г.
№ 1853.

№ 155

ДѢЛО

ДЕПАРТАМЕНТА

ПОЛИЦIИ.

ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО.

Секретаря

О потомственном почетном гражданинѣ Иванѣ Александровѣ Петровском

Начато [illegible] 1903 года.

Кончено [illegible] года.

На [illegible] листахъ.

Снимок с подлинного дела б. департамента полиции об ОКЛАДСКОМ.

Разгром «Земли и Воли» в 1878 г.

(Дело Мезенцова).

После разгрома «чайковцев» в 1873 — 74 г.г. и периода «хождения в народ», в общем стихийного и, за исключением редких, участвовавших в нем, кружков, почти неорганизованного, у переживших эти годы революционеров создался известный тактический опыт постановки пропаганды и агитации, а также и конспиративных приемов борьбы с правительством и его полицией.

Этим опытом широко воспользовалась первая, строго конспиративная народническая организация, образовавшаяся в Петербурге в течение 1876 г., главным образом из оставшихся «чайковцев» и революционеров, прошедших уже школу «хождения в народ». Организация эта известна была среди радикальной публики сначала под названием «троглодитов», а затем — общества «Земли и Воли».

Так называемая «организация» — Центральный Комитет «З. и В.» — должна была обязательно находиться в Петербурге, а ее филиальные отделения раскинуты были в разных городах и сельских местностях и носили названия «поселений» [1]).

Дело было поставлено так конспиративно, что в течение первых двух лет существования «З. и В.» разгромам подверглись лишь некоторые ее «поселения», что являлось, впрочем, почти неизбежным и в силу условий самой работы, в центре же «З. и В.» не произошло за это время ни одного крупного провала «организации». Если и происходили отдельные аресты ее членов, то они вызывались или случайностями: напр., арест М. Натансона в 77 г. — на улице, «Андреича» (Емельянова-Боголюбова) — после казанской демонстрации его арестовали на Невском, Плеханова и меня — тоже на улице, во время стачки на Новой Бумагопрядильной мануфактуре, когда мы проходили мимо фабрики; или же имели место аресты некоторых других товарищей-пропагандистов, работавших среди фабрично-заводских рабочих Петербурга, и самих рабочих; но все это были аресты частные, не затрагивавшие центра организации «З. и В.». Организация «З. и В.» оставалась цела, несмотря на ее интенсивную, энергичную работу как в столицах, так и на местах.

---

[1]) См. в конце книги в прилож. примеч. 1-ое. Ред

Такое длительное существование активного революционного центра об'яснялось не одной только относительной неорганизованностью секретной и всякой иной агентуры III отделения (другие кружки и в эти годы излавливались почти целиком), но, главным образом, самым строгим исполнением каждым отдельным членом «З. и В.» правил конспирации. Всякий знал только порученное ему дело и не имел права знать частности других дел. Всякий должен был неуклонно наблюдать, не попал ли он в сферу слежки, и если замечал за собою «сыщиков», как говорилось в то время, то не имел права заходить не только на «конспиративные» квартиры, но даже и к отдельным товарищам.

Нечего уже и говорить, что так называемая «болтливость» с приятелями о «деле», свойственная, вообще, экспансивной молодежи, совершенно отсутствовала среди членов «З. и В.» Да и обладающий таким свойством человек не был бы никогда принят в число ее членов. Избрание в члены обставлено было весьма строгими требованиями в идейном, моральном и конспиративном отношениях.

Даже после такого крупного акта, как казнь Мезенцова 4 августа 1878 г., когда на ноги поставлена была вся явная и тайная полиция, прошло более двух месяцев до арестов среди самой «организации», да и то они, по существу, были случайны, т. к. вызваны были исключительно доносом лица, находившегося в хороших отношениях с сестрою А. Малиновской.

Насколько политическая полиция была далека от предположений об истинных виновниках убийства самого шефа, мы видим из статьи покойного В. Я. Богучарского «В 1878 г.», появившейся в № 7—8 «Голоса Минувшего» за 1917 г.

В августе — сентябре 1878 г., после убийства Мезенцова и до назначения шефом жандармов ген. Дрентельна, высшей полицией заведывали тов. мин. вн. дел Л. М. Маков и и. д. шефа жандармов Ник. Дм. Селиверстов [1]). В. Я. Богучарский приводит 17 донесений Селиверстова царю, проживавшему в это время в Ливадии.

В этих донесениях подробно излагаются меры, принимавшиеся III отделением в видах изловления убийц, и перечисляются арестованные лица, которые, по предположениям III отделения, были причастны к этому убийству. Это мещанин Серышев, Григорьев, брат сосланного по д. казанской демонстрации, и Анна Клейн . . ., «заарестование которой, кажется, может повести к серьезным раскрытиям», пишет Селиверстов. Сообщается им также царю о выходе подпольной брошюры «Убийство Мезенцова» и что для открытия типографии делается все возможное, «с полнейшим рвением» . . . (Тут имеются высочайшие отметки: «досадно, что до сих пор не могли ее открыть» и «желал бы видеть успех»).

Из всего этого видно, что III отделение бродило, как в потемках, в своих совершенно бесплодных розысках виновников убийства Мезенцова, и весьма понятно недовольство Александра II Селивер-

---

[1]) В 1890 г. был убит в Париже эмигрантом Подлевским.

стовым, которого он должен был даже сам, через ген. Черевина, натолкнуть на виновника убийства. В виду этого царь и не утвердил Селиверстова шефом жандармов; вскоре его заменил ген. Дрентельн.

Характерно, что случайность даже поблагоприятствовала в это время III отделению напасть на верный след, но и тут оно не сумело воспользоваться, как следует, попавшими в его руки данными перлюстрации.

18-го августа Маков писал Селиверстову о двух письмах, полученных «с почты» [1]), из которых первое было получено еще при Мезенцове, а второе — 13-го августа. Из 2-го письма видно, что его автор и автор брошюры об убийстве Мезенцова — одно и то же лицо. Повидимому, III отделение тогда же заключило, что это лицо—Сергей Кравчинский, но видело оно в нем пока лишь *опасного руководителя* (донесение 9-го сентября 78 г.). Указание это было не очень важно... Важнее было следующее, по мнению Селиверстова: «мы имеем в руках положительные данные и, вероятно, на этих днях будет приступлено к арестам у некоторых лиц, начиная с матери В. Засулич» (?!!). А еще ранее — 20-го августа — тот же Селиверстов писал наследнику: «деятельные розыски, перехваченные письма и сведения, недавно добытые из-за границы, привели к убеждению, что главным руководителем революционной агитации является некий отставной поручик, Сергей Кравчинский, который должен, вместе с тем, считаться и автором появившихся в последнее время брошюр и об'явлений».

Эти розыскные потемки все более и более сгущались до самого получения 4-го октября Селиверстовым от ген. Черевина, из Ливадии, депеши о Малиновской; депеша эта была послана, очевидно, по получении там первого анонимного доноса об убийстве Мезенцова, который мы приводим ниже.

Но и тут III отделению не повезло: кто-то напутал с адресом Малиновской, т. к. Селиверстов понял из текста телеграммы, что Малиновская живет в Царском Селе, а не близ Царскосельского вокзала, в д. Сивкова.

5 октября он сообщает: «По содержанию вчера полученной депеши от ген. Черевина (из Ливадии) с указанием на рисовальщицу Малиновскую, проживающую в Царском Селе, имею счастье всеподданнейше донести, что эта личность, давно известная III отделению, действительно подозрительна и за ней имелось секретное наблюдение. Ныне наблюдение это усугубляется». А 7-го октября он с торжеством сообщает, что «Малиновская ныне проживает в Петербурге, на углу Обводного канала, а не в Царском Селе. Надлежащие меры для наблюдения за ней приняты»...

Наконец, 12 октября Селиверстов доносит:

«Сегодня ночью произведены три обыска, при чем открыто переплетное заведение революционных изданий. (Только-то! *Н. Т.)*.

---

[1]) Эти письма, написанные С. М. Кравчинским, адресованы были им в Берн, на имя M-me Анна. (А. Макаревич?).

Повод к обыску был следующий: наблюдение за известной вашему величеству Малиновской обнаружило, что она постоянно ходит в один дом 12-й роты Измайловского полка, где проживают два лица, в полиции непрописанные (?). Опасаясь, чтобы Малиновская и эти неизвестные люди не заметили, что за ними наблюдают, мною решено было вчера, в 8 ч. веч., произвести в ту же ночь обыски одновременно в трех домах, и для выигрыша времени — без участия прокурорского надзора. Во время обыска у Малиновской, жившая с нею на одной квартире Федорова (Загорская) два раза предательски выстрелила из револьвера в жанд. подполк. Кононова, разбиравшего бумаги в 3—4 шагах расстояния от преступницы, но бог помиловал Кононова, — обе пули в него не попали. В доме 12-й роты у неизвестного лица, назвавшегося Василием Павловичем Соболевым (Л. Ф. Бердников. *Н. Т.)*, найден револьвер. При сем прилагая донесение нач. спб. жанд. губ. упр. ген.-майора Комарова, имею счастье доложить, что более подробные донесения, к часу отправления фельдъегеря в Ливадию, не было возможности успеть составить».

Итак, III отделение совершенно не подозревало всего значения произведенных арестов для революционеров и кого оно арестовало 12 октября [1]). Даже еще 20-го ноября Селиверстов писал фрейлине NN: «Лошадь и дрожки найдены... Еще не вполне доказано, был ли (арестованный в октябре, когда мы еще не подозревали в нем «кучера») негодяй (Адр. Ф. Михайлов) кучером 4-го августа»...

Сделав это отступление, укажем теперь, что именно натолкнуло III отделение на верный путь раскрытия виновников убийства Мезенцова.

11—12 октября произошли, наконец, аресты, захватившие самый центр «организации».

При этом бросалась в глаза *осведомленность* III-го отделения, чего ранее не замечалось...

Оставшиеся не арестованными товарищи недоумевали, чему приписать эти аресты? Предательству? Но его, очевидно, не могло быть, т. к. все члены «З. и В.» были наперечет и интимно близко известны друг другу. Случайно проследили кого-либо, а через него и «организацию»? На этой гипотезе и остановилось большинство

---

[1]) Сами революционеры сразу поняли спешную необходимость восстановления своего центра, во чтобы то ни стало, и А. Д. Михайлов тотчас-же написал в Воронеж М. Р. Попову и А. А. Квятковскому, что он остался почти один, без средств, и предлагал им немедленно ликвидировать все в Воронежской губ. (т.-е. намеченное «поселение») и ехать в Петербург. (См. «Былое», 1906 г., № 8, М. Р. Попов, «З. и В.» накануне воронежского съезда», стр. 19).

С. Л. Перовская, подготовлявшая в это время побег из харьковских центральных тюрем и жившая в г. Харькове, по получении известия о петербургском разгроме, как чрезвычайно выдержанный и скрытный человек, никому не дала понять своего горя, но первые три ночи, когда ее товарка по комнате казалась спящей, она провела без сна, в непрерывных заглушенных рыданиях... (См. «Былое» — 1906 г., август, «К биографии А. И. Желябова и С. Л. Перовской», стр. 125).

оставшихся на воле [1]). В настоящее время из дел б. департамента полиции, куда поступил и архив б. III отделения, обнаруживается, что гипотеза эта была неверна, и провал «З. и В.» в октябре 1878 г. обусловлен был анонимным доносом, посланным самому Александру II.

Анонимный автор шести писем к царю не ограничился только одними доносами: он, после арестов 11—12 октября, старается направлять следствие и, очевидно, сводит с некоторыми оговариваемыми им лицами (Н. Ф. Анненским и Зиновьевым, отчасти А. Н. Малиновской) какие-то личные счеты. В конце концов, аноним, хотя и старается до конца законспирироваться, но делает это настолько неумело, что почти выдает себя.

Интересно отношение царя к этому анонимному доносу. Александр II с первого же письма заинтересовывается доносом; он передает письма генералу Черевину, на некоторых письмах делает собственноручные замечания, а затем все шесть писем он вручает Дрентельну, который на них же делает и свои отметки.

Письма, очевидно, опускались в известный ящик, вывешенный на дворце и предназначавшийся для жалоб, просьб и пр., т. к. сохранившиеся конверты лишены почтовых штемпелей и адресованы просто: «Его императорскому величеству. В собственные (sic!) руки».

Вероятно, из этого ящика все письма вынимались и пересылались царю в Ливадию в особом пакете. Дата первого письма неизвестна. Оно написано, может быть, даже в сентябре месяце, но, несомненно, именно оно и явилось причиной сначала наблюдения, а затем и ареста квартиры А. Малиновской. Почерк писем, установившийся, скорее всего напоминает писарский. Автор *относительно* грамотно пишет, хотя его слог и оборот речи иной раз значительно хромает. Это дает некоторый намек на то, что, может быть, автор не сам писал эти письма, а посылал их переписанными кем-либо другим. Мы сохранили в письмах орфографию подлинников. Первый донос получен был царем в Ливадии в начале октября 1878 г., и гласит следующее:

«Близ царскосельского вокзала в доме Сивкова проживает некто девица *Малиновская* [2]), которая выдает себя за художника, за-

[1]) «За Малиновской, читаем мы в «З. и В.», следили давно и медлили арестом, желая «накрыть сборище». Но вдруг на квартиру почти перестали ходить. Тогда жандармы решились действовать». («З. и В.» № 1 — «Разные известия»). Арест Оболешева (Сабурова) об'ясняли тем, что «у кого-то найден был его адрес». («З. и В.», № 2). В действительности, установив после анонимного доноса наблюдение за квартирой Ал. Ник. Малиновской, квартира Сабурова была прослежена агентами III отд., очевидно, через лиц, посещавших обе эти квартиры. Квартиру Сабурова, как паспортный стол и отделение редакции «З. и В.», посещало всего дватри члена «З. и В.», в том числе была и пользовавшаяся общим уважением и любовью, незабвенный товарищ Ольга Натансон. Она-же часто заходила и на квартиру Малиновской. Квартира Л. Ф. Бердникова («Соболева») прослежена была, как видно из донесения ген. Сильверстова, через А. Н. Малиновскую, которая постоянно посещала его.

[2]) На письме имеется знак, что царь читал его, а фамилия Малиновской дважды подчеркнута красным карандашем.

нимаясь раскрашиванием фотографических карточек. На каковом основании пользуется правом иметь открытую дверь для всех и каждого. Сама лично дыша злобою против власти (по собственному ее выражению, «в память отца своего родного, заклятого врага правительству»), принимает у себя всех возмутителей порядка и строя общественного. И вот у ней-то и проживает убийца генерал-ад'ютанта Мезенцова, носящий фамилию *Кравченский*.

«Сей Кравченский, между прочим, участвовал главным образом в истории побега Крапоткина, от которого и получил в дар лошадь. В последнее время до совершения преступления — убийства, находился в Италии, где приобрел и кинжал для убийства. В настоящее время в квартире Малиновской делаются собрания, которыми проектируется какое-то новое преступление.

Между многими подозрительными лицами замечается известная причастница дела Нечаева, госпожа *Дементьева*.

«Навести справку сколь возможно секретно и чрез известных преданнейших царю и отечеству лиц; так как, к крайнему прискорбию, означенное общество имеет друзей между чинами полиции, как сообщают те и другие нити сыскной полиции».

Если не считать утверждения анонима, что Кравчинский участвовал в освобождении кн. Крапоткина и получил от него лошадь, то все сообщаемое в доносе весьма близко к правде: проживание Кравчинского в Италии, приобретение там же кинжала, даже и самое упоминание о лошади, весьма характерно. Это самое *первое указание* на то, что лошадь [1]), участвовшая в побеге кн. Крапоткина, участвовала также и в убийстве генерала Мезенцова.

Указание на посещение Дементьевой квартиры Малиновской, хотя и ложно, но говорит о том, что анонимному автору известны были семейные отношения Н. Ф. Анненского, женатого на Ткачевой, за братом которой и была замужем эмигрантка Дементьева. Вообще, из содержания доноса видно, что автор его имел возможность сноситься с Малиновскими, как человек, которому доверяли, особенно

---

[1]) Знаменитый «Варвар», впоследствии присутствовавший и при взрыве 1-го марта, в качестве коренника в паре полицмейстера, ехавшего за каретой Александра II; в сани полицмейстера и помещен был после взрыва царь, и «Варвар» отвез его во дворец. При помощи «Варвара» увезен был Квятковским и Хотинским А. К. Пресняков из коломенской части в 1878 г.

На это указание о лошади III отд. должно было бы тогда же обратить особенное внимание в виду того, что в конце октября 1878 г. Вас. Фил. Трощанский, в разговоре со служившим в полиции А. П. Ждановым (передававшим ему разные секретные сведения) об убийстве Мезенцова, сказал, что «лошадь стоит в манеже, и кучер не особенно молод, но у него не растет борода». После 12-го октября он же сказал Жданову, что «кучер арестован». Благодаря всему этому была обнаружена лошадь в манеже «Русский Татерсаль», а также хозяин ея «Тюриков» и кучер «Поплавский» (Андриан Михайлов). О тожестве «Тюрикова» - Баранникова показал в марте 1880 г. Гольденберг (умер в Екатерининской куртине Петропавловской крепости, в июле того же года). — См. приложения в конце статьи.

младшая сестра, Вера, — сама, хотя и не принимавшая участия в революционных делах, но слышавшая у сестры кое-что случайно, и, к сожалению, слышавшая и видевшая, как оказалось, черезчур много лишнего для постороннего и непричастного к делу человека.

Второе письмо помечено 11 ноября, и на нем имеется отметка царя:

«Письмо это получено мною здесь [1]) 15 ноября, и, вероятно, из того источника. Оно заслуживает особого внимания».

Вот его содержание:

«Те личности, которые посещали Малиновскую с своими преступными политическими целями, почти все забраны полицией. Также взят с ними и убийца генерала Мезенцова — *Кравченский*. Сестра Малиновской, младшая, Вера Малиновская, которая отнюдь не причастница преступной компании, но она знает чрез посещение своей сестры личность убийцы Кравченского; отказалась же при допросе, что никого не знает из числа забранных подозрительных лиц, только ради избежания мщения со стороны кого-либо, имеющих получить оправдание. Более важные бумаги старшая Малиновская уничтожила, так как была преждевременно уведомлена об аресте, одним чиновником, *служащим в III отделении Зиновьевым* [2]), которого они считают своим адвокатом и ходатаем, а теперь много надеются на него».

Настойчивое утверждение доносчика, что в числе арестованных находится и Кравчинский, заставило III отделение думать, что в лице Вл. Сабурова, единственного лица, псевдоним которого открыт был только после суда, оно держит в своих руках убийцу ген. Мезенцова.

Мы увидим в дальнейшем, как трагично отразилось это убеждение жандармов на судьбе «Сабурова», т.-е. Алексея Оболешева.

Третье письмо, написанное, очевидно, вслед за вторым, продолжает топить Зиновьева и указывает следствию, что, «прижав» его, можно было бы изобличить и Кравчинского.

«Дело раскрытия убийства генерала Мезенцова», — пишет аноним, — «начато и поведено очень не мудро. Прежде времени узнали из чиновных лиц интимной полиции те, которые еще не успели заслужить доверия к себе. Каков, например, Зиновьев.

«Вера Малиновская при допросе, рассматривая карточки с арестованных и отказываясь полиции — что никого из них не знает, после своим доверенным высказывалась — «что почти все посещавшие сестру арестованы, а в числе их *«попался и убийца Кравчен-*

---

[1]) Т.-е. в С.-Петербурге.

[2]) Отметка Александра II: «если это окажется справедливым, то для примера следует его посадить в крепость».

Отметка, написанная рукою Дрентельна:

«На чем-нибудь да основывает она убеждение, что Кравчинский арестован. Может быть это Кравчинский, да не тот, которого мы ищем. Какой нибудь двоюродный».

ский». (Последние слова дважды подчеркнуты карандашем) [1]). Теперь же говорит,—«что слышала, будто бы убийца успел уже ускользнуть».

«Если так, то остается одна надежда на Зиновьева. Да и сами арестованные выражают опасение, чтобы Зиновьев не выдал Кравченского, если только догадаются остановиться на Зиновьеве и прижать его к стене».

Замечание, сделанное рукою Дрентельна:

«Указания на Зиновьева слишком утвердительны, чтобы можно было сомневаться в истине показания Веры Малиновской. Надо его розыскать; повидимому, он находится в сыскной полиции».

Аноним после этого письма, очевидно, ожидал, что Зиновьева сейчас же разыщут и арестуют, но так как этого не случилось (III отделение тогда еще не установило — о каком Зиновьеве идет речь!), то он и продолжает излагать свои дополнения о Зиновьеве, указывая даже его адрес. «Зиновьев состоит в числе интимных чиновников полиции. В то же время проходит должность адвоката по частным делам Малиновских. Потому-то он и предупредил Александру Малиновскую быть готовой к аресту. Кроме Зиновьева, в сыскной полиции есть и еще многие изменники долгу верноподданничества. Вера Малиновская, в день ареста своей сестры, получила со всех сторон множество адресов, вызывающих ее для свидания и переговоров; но ни на один она не ответила: однакоже, вместо заявления их полиции, она все их уничтожила.

«Арестованная с Малиновской *Федорова* считалась невестою *Кравченского* — убийцы. И если только один день промедлили бы с арестом, она бежала бы с Кравченским [2]). В арестованных письмах ее, много находится важных подробностей. Кравченский — убийца, 32 лет от рождения, по наружности своей — красивый брюнет.

«Преступники имели сообщников в разных городах и местах. Имея друг с другом переписку, к доставлению по принадлежности своей корреспонденции обыкновенно избирали в каждом городе такого, который был далек от всяких подозрений общества и полиции, и, таким образом, адресовали на имя его пакет, в коем находилось письмо с кратчайшим адресом: «отдать Петру, или передать Химику и т. п.». (Очень характерно, что приведены действительно существовавшие клички: Волошенко и Гартмана. *Н. Т.*).

---

[1]) Замечание Дрентельна: «невольно веришь тому, что Кравчинский сидит. Но с другой стороны странно, что никто из знающих Кравчинского не признал его в числе арестованных. Всех-ли показывали?».

[2]) Судя по этим подробностям, Вера Малиновская, не зная настоящих фамилий нелегальных лиц, посещавших ее сестру, но услыхав, что Мезенцов был убит Кравчинским, повидимому, принимала за него другое лицо, которое действительно было арестовано в это время. Приметы Кр., даваемые анонимом, не подходят, впрочем, ни к этому лицу, ни к Кравчинскому.

«Зиновьев убийцу — знает, и он может указать его. И если *Кравченский-убийца* скрылся или бежал, то Зиновьев должен знать его местопребывание».

Несмотря на такое упорное указание анонима на Зиновьева, до середины ноября 78 г. его к следствию (за неразысканием) не привлекали, вследствие чего аноним, повидимому, начинает терять терпение и дает прямые указания, как найти Зиновьева. Он сообщает в следующем очередном доносе, что Зиновьев другой фамилии не имеет, служит в III отделении простым писарем [1]) и обыкновенно ежедневно бывает на службе. Живет в Коломне, близ Покрова, около церковной площади, в каменном доме. Жена его — женщина простая, без всякого образования. Преступные сообщники избрали его, как адресата для своих писем. «От кого именно шло то или другое письмо, это было ему неизвестно», замечает аноним. «Обязанностью его было следить и передавать распоряжения тайной полиции. В последнее время у него хранилось не мало бумаг преступного содержания, но, ожидая себе ареста, успел уже по разным местам рассовать их. Теперь очень трусит; потому-то преступники и опасаются его, что легко может многое сказать и многих выдать. Он должен знать и *Кравченского*. Преступное общество чествовало его от себя — *именем чиновника интимной полиции*».

Покончив с Зиновьевым, аноним дает сведения о Н. Ф. Анненском и о самой А. Н. Малиновской, которую тоже, очевидно, недолюбливает. Следует отметить, что о последней его сообщения до мелочей верны; но об «инженере Аннинском» — его сведения сильно хромают, что не помешало, однако, как мы увидим в дальнейшем, отнестись к ним в III отделении с полным доверием.

«У инженера Аннинского имеется центральный комитет преступного общества. Почему делается у него переписка со всеми членами своего общества, в разных местах находящимися и хорошо зная каждого адрес. Ведет свое дело самым строгим, секретным и тонким образом; на каковом основании внезапный и неискусный арест его едва ли может открыть преступные его проекты. Лучше прежде прибегнуть к строжайше-незаметному наблюдению его действий [2]). По случаю ареста Малиновской, Аннинский сделался еще более осторожным и, кажется, приостановил переписку. Во всяком случае, почтовое ведомство *может помогать чрез вскрытие писем*».

Такие советы и указания давал «верноподданный» аноним своему царю, который, прочтя их, очевидно, даже и не возмутился!

«У *Александры Малиновской*, на случай своего ареста, для предупреждения о том других товарищей, сделан был условный знак: у входных дверей квартиры своей на ручке повешена была веревочка, которую когда бы посетители ее не заметили, то знали бы,

---

[1]) Отметка Дрентельна: «если по книге адресов служащих подтвердится, то надо его задержать и тотчас допросить».

[2]) III отделение пунктуально исполнило этот совет: оно стало «наблюдать» за Н. Ф., но обыска у него не сделало.

что арест ее состоялся [1]). Но этот знак почеу-то не всем был известен; так, например, Вера Малиновская не знала его.

«Во время ареста А. Малиновской и Федоровой, одна из них (отметки Дрентельна: «кажется, Федорова») отпросилась на минуту выйти в коридор: в это-то время и снята была с дверной ручки веревочка, о которой было говорено выше. Вот отчего некоторые из сообщников, которые знали об этом знаке, не найдя на ручке веревочки, спаслись от ареста. В. Малиновская, узнавши уже впоследствии от некоторых из спасшихся, очень негодовала на сестру, называя ее черною душою, за то, что скрыла от нее об этом условном знаке».

Затем идет весьма точное описание побега из-под стражи, на ст. Волхов, С. Л. Перовской, фамилии которой, впрочем, аноним не знает. Дрентельн отметил это описание замечанием: «надо проверить, был ли такой случай».

«*Осужденная*, следовавшая, кажется, из Одессы и *бежавшая* от жандармов (в нынешнее лето) с Волховской станции, николаевской жел. дор., с того времени пользовалась приютом у А. Малиновской, как давно знакомая. Вера Малиновская несколько раз встречала ее у своей сестры, и слышала лично от нее рассказ, как ей удалось убежать из рук правосудия. А именно: поместившись в последнюю ночь ареста в отдельной комнате волховского вокзала и лукаво представив себя в глазах жандармов чрезвычайно утомленною и требующею непременного отдохновения, после двенадцати часов ночи, дождавшись, когда жандармы уснули крепким сном, она, сделав из верхней своей одежды куклу и положив ее на диван, тихо отворила дверь и свободно вышла на улицу и укрылась в кустарниках, не очень далеко от станции, ожидая поезда из Москвы в Петербург; который, когда усмотрела, искусно прокралась и моментально влетела в вагон без билета. Перед Петербургом об'яснила обер-кондуктору, что утеряла свой билет, почему должна была заплатить двойные деньги. Но *главное* то, что по приезде в Петербург, *прямо* отправилась на квартиру Александры Малиновской.

«Еще Вера Малиновская передает, что не арестованные сообщники Ал. Малиновской очень грустят, что *при заключении в петропавловской крепости* прежние служаки заменены новыми».

Наконец, в письме, полученном царем 25-го ноября 1878 г., аноним сообщает, что «сегодня проверяется фамилия *Зиновьева*. Может быть, он имеет и другую фамилию, но то верно, что он служит в интимной полиции и адвокат по делам Малиновских. Фамилий у всех их каждому много; например, Кравченский имеет до пяти фамилий. Паспорты сами составляли фальшивые».

«На счет лошади», — говорится в письме, — «несмотря на газетные слухи, с достоверностью можно сказать, что это та самая лошадь, которую Кравченский получил в подарок от Крапоткина».

---

[1]) Замечание Дрентельна: «Это справедливо, Петр Любимов, пристав, это мне лично передал».

Аноним теперь уже твердо знает, что Кравчинский не арестован, так как он получает свои сведения из первоисточников, но, несмотря на это, *в III-м отделении продолжали упорно, до самого 1880 г. утверждать*, даже после суда, что Сабуров — это Кравчинский... И это утверждалось, без сомнения, только потому, что такого мнения, на основании первоначальной версии доноса, вопреки даже логике и дальнейшему развитию следствия, придерживался сам Александр II...

«Убийца генерала Мезенцова, *Кравченский*, кроется и теперь в Петербурге, скитаясь кое-где, из угла в угол», — пишет аноним.— «Вера Малиновская несколько дней назад нечаянно встретила его на улице. Уверенность Веры Малиновской в первое время, что Кравченский был арестован вместе с другими, ныне оказывается из ее же слов ошибочною [1]); но это об'ясняется тем смущением», — полагает наш аноним, — «в котором она находилась, когда ей показывали карточки всех заключенных. В нынешнее лето Кравченский нанимал себе дачу на Черной речке Выборгской стороны (?). После совершения своего преступления он сейчас же остриг себе волосы на голове и сбрил усы и баки. Кравченский очень гордился своим преступлением пред своими сообщниками, которые, в свою очередь, воздавали ему свои почести. С выражением особого уважения представляли его для знакомства Вере Малиновской, когда Кравченский, между прочим, и выразился, что он имеет хорошую дачу на Черной речке».

«На Веру Малиновскую при допросах должно влиять убеждениями; другие же способы ее ожесточают и заставляют упираться. В настоящее время лучше обождать делать допросы, доколе она высказывается своим друзьям. В последний раз при допросе в III отд., Вера Малиновская созналась, что фамилия убийцы — *Кравченский*, именно вследствие сердечных убеждений со стороны начальника отделения. Она была особенно потрясена словами начальника: «что легко может пострадать невиновный». Но теперь Вера Малиновская уже горюет, что сознала фамилию убийцы, и бранит себя, что поддалась влиянию начальника отделения» [2]).

Анониму, удачно покончившему и с Зиновьевым, очевидно, не дает покоя мысль, что Н. Ф. Анненский еще не арестован, и донос упирает, главным образом, на него:

«У Малиновских есть тетка [3]), у которой теперь проживает Вера Малиновская, и которая передает следующие сведения: что Ал. Малиновская окончательно усвоила свои преступные политические

---

[1]) Повидимому, после своего первого показания, В. Малиновская убедилась, из разговоров с знакомыми революционерами, что за Кравчинского она вначале принимала другое лицо.

[2]) См. прим. 2-е в прилож. Ред.

[3]) Было бы весьма интересно узнать имя, отчество, фамилию и почерк этой тетки, а также какая «старушка» посещала ее в те годы? Обе сестры Малиновские уже в могилах... М. б. это известно М. А. Коленкиной или А. Ф. Михайлову? Просим отозваться.

идеи в квартире инженера *Аннинского*, который служит на одной из железных дорог. Инженер Аннинский от'явленный враг власти, и у него по сие время делаются секретные собрания. Тетка Малиновских несколько раз являлась к Аннинскому с горькою укоризною — зачем он завлекает в свои идеи Ал. Малиновскую; и при сем настоятельно требовала от него, чтобы он оставил в покое хотя Веру Малиновскую.

«Теперь Аннинский заявил, что он постарается взять к себе на поруки Ал. Малиновскую из крепостного заключения. Аннинскому от полиции сданы при аресте какие-то вещи, принадлежащие Ал. Малиновской. Между вещами Ал. Малиновской находятся некоторые вещи из одежды бежавших преступников и преступниц, посещавших Ал. Малиновскую, и за которыми своими вещами разбежавшиеся боятся явиться» . . .

Наконец, 28 ноября 1878 г. составлена была в III отделении справка о Зиновьеве. На ней отметка Дрентельна: «Доложено и государь изволил одобрить».

Нельзя сказать, чтобы эта «справка» была очень вразумительно составлена, и из нее не видно также, какова была дальнейшая судьба теперь уже не одного только, а двух заподозренных Зиновьевых.

«По агентурным сведениям, собранным вследствие анонимного заявления о *Зиновьеве*, оказалось, что подозрение в выдаче секретных правительственых распоряжений падает на бывшего пристава 1 участка коломенской части *Зиновьева*, родственник которого, коллежский асессор Михаил *Зиновьев*, квартирующий в коломенской ч., на Покровской площади, в доме под № 109-111, кв. № 35, значится частным поверенным по делам и состоит письмоводителем в 1 уч. коломенской части.

«Пристав Зиновьев не так давно переведен из 1 уч. коломенской в 1 уч. адмиралтейской ч.; о нравственных его качествах имеются не вполне одобрительные сведения».

«Лиц, служащих в 3-м отделении и навлекающих на себя подозрение, в виду не имеется. 28 ноября 1878 г.».

Последнее письмо анонима послано было царю много спустя (2 февраля 1879 г.) и является как бы прощальным, но, вместе с тем, оно попрежнему имеет в виду доканать Н. Ф. Анненского, которого почему-то оставляют, как будто, в покое.

На письме этом рукою Александра II написано: «Кто этот Анненский, о котором здесь говорится?» — Таким образом, аноним, до известной степени, добился своей цели, но все же не вполне, как это будет видно из «справки» о Ник. Фед., явившейся в результате приведенного выше высочайшего вопроса.

В письме аноним снова, между слов, упрекает власти за неумелое ведение ими допросов (за инцидент с письмами, полученными Верой Малиновской от Зиновьева).

«До сего времени молчали потому», — так начинается это письмо, — «что та старушка, которая пользуется полным доверием от Веры Малиновской и через которую всё узнаётся, находила по-

своим соображениям необходимым реже бывать у Веры Малиновской в отстранении всяких подозрений» [1]).

«И вот теперь, в последние дни, были у Веры Малиновской, которая и передала следующее: что опять дважды ее допрашивала полиция, — один раз в квартире ее, а другой в III отделении; что в квартиру для допроса явились, когда она была в отлучке, и ожидали ее до 11 часов вечера. При первом шаге ее в квартиру, сделан был от них вопрос: «где у вас те письма, которые вам передал Зиновьев, просим их нам выдать».

«На это Вера Малиновская ложно ответила, что она эти письма сожгла. После чего сделан был в квартире обыск, но ничего не нашли. На самом же деле, эти письма хранятся у Аннинского, которому В. Малиновская тотчас по получении от Зиновьева отнесла во всей целости». Далее говорится, что В. Малиновская ложно показала, чтобы не выдать Анненского и не усугубить ответственности сестры, на имя которой эти письма были адресованы.

«При этом Вера Малиновская высказалась, что все опасения и предположения касательно трусости и нестойкости Зиновьева оправдываются, что все известное ему передается от него полиции».

И что вот благодаря ему, офицер Дубровин [2]) с своим сотоварищем арестованы. Но Дубровин, по словам В. Малиновской, не был в числе убийц генерала Мезенцова, хотя в известное время и являлся к Ал. Малиновской и писал ей свои письма, как обожатель преступных ее идей; и что может быть состоял каким-либо членом преступного сообщества у Аннинского.

«Друзья Дубровина крайне сожалеют о том, что зачем Дубровин при своем аресте стрелял из револьвера и с кинжалом в руках противился аресту: так как чрез это он окончательно доказал свою преступность, и лишил себя всякой надежды на оправдание.

«Вследствие того, что В. Малиновская приняла от Зиновьева письма и передала их Аннинскому, тетка ее, у которой В. Малиновская проживает, лишает ее своей квартиры, опасаясь, что она по своей глупости и ветренности чрез влияние Аннинского, опять сделает что-либо преступное и тем лишит ее покоя. Почему, Вера Малиновская ищет себе квартиру, где и думает поместиться совершенно одна.

«*Для будущего времени, если что надобно узнать от Веры Малиновской, тогда прежде всегда хорошо ее допросить со стороны полиции; при чем она полиции, хотя может сказать неправду, но после, чрез доверенную ее старушку, по этому поводу, легко и удобно вызывается к открытию истины.* 2-го февраля 1879 г.».

Последний абзац весь подчеркнут красным карандашем, и на полях имеется заметка: «Следует попробовать Г. М. Комарову сообщить» (т.-е., вероятно, для сведения и руководства?).

---

[1]) См. прим. 3-е.

[2]) Офицер Владимир Александрович Дубровин казнен 20 апреля 1879 г. в Петербурге по приговору военно-окружного суда за вооруженное сопротивление в Ст. Руссе 16 декабря 1878 г.

На этом анонимные письма к царю заканчиваются. Орфография их сохранена подлинная.

Нам остается привести еще «Доклад его величеству генерал-ад'ютанта Дрентельна», от 7 февраля 1879 г., о Н. Ф. Анненском.

Мы приводим этот доклад-справку in extenso, в виду того, что она не была еще обнародована, а всякий новый материал к характеристике Н. Ф. Анненского, сыгравшего такую крупную роль в истории освободительного движения в России в 1860—90 г.г., представляет, без сомнения, большой интерес. Вот этот «Доклад» (по 3-й эксп.).

«Упоминаемый в представляемой записке надворный советник Николай Федоров *Анненский* состоял опекуном с.-петербургской мещанки Александры Дементьевой (ныне находящейся за-границею, замужем за эмигрантом, самым крайним социалистом Ткачевым), в типографии которой в 1869 году печатались воззвания возмутительного содержания. К этому делу Анненский не был привлечен по неимению к тому данных. В 1870 г. Анненский был привлечен к нечаевскому делу и арестован. При обыске у него найдена печатанная в Лейпциге брошюра «О республике. Речь Эмилия Кастеляра, произнесенная в заседании испанских кортесов 20 мая 1869 г.». При производстве следствия не было обнаружено данных к обвинению Анненского в участии в преступных замыслах нечаевской партии и потому, постановлением сенатора Чемадурова, Анненский признан не причастным к делу и освобожден из-под стражи.

«В 1872 г. у Николая Анненского произведен обыск по поводу возникшего в то время дела о переписке с нашими эмигрантами некоторых лиц, живущих в России, причем у него найден отрывок письма от неизвестного лица, где описывалась деятельность Бакунина как в России, так и после побега его за-границу. По этому делу Анненский не был привлечен к ответственности, по недостаточности улик. С тех пор об Анненском не поступало никаких сведений.

«Затем, когда возникло в прошлом году дело Малиновской, Федоровой и других, обращено было внимание на *Анненского*, как на одного из лиц, бывавших у Малиновской.

«По собранным сведениям оказалось, что Анненский женат на сестре вышеупомянутого Ткачева, и служит столоначальником в департаменте общих дел министерства путей сообщения.

«За Анненским учреждено было самое тщательное секретное наблюдение, которое указало на необходимость на некоторое время прекратить наблюдение, *чтобы не спугнуть раньше времени группирующийся кружок. При этом Анненский не выпускается из виду.* (Подчеркнуто мною. *Н. Т.*). 5 февраля 1879 г.».

Провокаторские приемы «секретного наблюдения» III отделения, очевидно, заслужили высочайшее одобрение, но сколько времени они продолжались и почему они окончились в это время без неприятностей для Николая Федоровича — из переписки не видно [1]).

---

[1]) В своих воспоминаниях А. Н. Анненская («Из прошлых лет» «Р. Б.», январь, 1918 г.) сообщает, что зимою 1878—79 г.г., когда они жили в Измайловском полку, они заметили за собою усиленную слежку. У их дома

По результатам обысков 11—12 октября 1878 г. центральной фигурой будущего процесса в глазах III отделения являлся «техник Владимир Сабуров», арестованный в д. № 11, кв. № 22, по 12-й роте Измайловского полка. На его квартире арестованы были также Адриан Федорович Михайлов (кучер «Варвара») и давно разыскивавшаяся видная революционерка, принадлежавшая еще к кружку Н. В. Чайковского, Ольга Александровна Натансон (Шлейснер). Помимо этого, у Сабурова взято было «артистически обставленное паспортное бюро» (так назыв. «небесная канцелярия») и, главное, три листа корректур, еще не появлявшегося тогда 1-го № газеты «Земля и Воля». «Сабуров», как и многие другие из арестованных, отказался давать показания, он даже отказался подписываться на чем бы то ни было, а тем более открыть свое настоящее имя.

«Сабуров» (Оболешев) обладал очень красивой внешностью; особенно хороши были его большие, проникновенные глаза. Кроме того, он был темный шатен, и ему можно было дать на вид около 30 лет.. Все это могло подойти к описанию Кравчинского, данному в доносе анонима, хотя последний и говорит, что Кравчинский — брюнет. Одним словом, решено было «верхами», что ими захвачен убийца Мезенцова — Кравчинский, и сообразно с этим велось и следствие...

Сопроцессник Алексея Оболешева — Адриан Федорович Михайлов на мой вопрос дал следующее описание тюремного периода жизни Оболешева, составленное им со слов покойного доктора О. Э. Веймара, с которым они вместе отбывали каторгу на Каре.

«Веймар охотно вспоминал и передавал содержание своих перестукиваний с Оболешевым. Из них, к теме, интересно следующее:

«Раскрытие псевдонима «Сабурова» интересовало III отделение в высшей степени, в гораздо большей, чем раскрытие всякого другого революционного псевдонима.

«При обыске у «Сабурова» был взят обширный паспортный стол, с точки зрения отделения — художественно-артистический; был найден корректурный № 1 «Земли и Воли», следов которого не было найдено ни у одного из участников процесса. Из опросов дворника и жильцов дома оказалось, что жил «Сабуров» крайне таинственно: редко куда выходил и то больше вечерами; к нему приходили редкие и весьма немногие посетители. «Дальнейшее поведение «Сабурова» только усиливало интерес к нему III отделения.

дежурили сначала 2, а затем 3 сыщика. После 2-го апреля 1879 г. (выстрел Соловьева) Ник. Фед. был арестован, но затем его отпустили под залог (10 т. р.). Так как на обыске у него ничего предосудительного найдено не было, то Анненские и думали, что им не грозят никакие осложнения. Однако, 29 февраля 1880 г. произведен был вновь (безрезультатный) обыск; Ник. Фед. вновь был арестован и выслан административным порядком в Зап. Сибирь... Причина ссылки осталась для них неизвестной.

Не повлиял ли на эту высылку донос анонима, вызвавший «любознательность» Александра II?

«Отказавшись подписать протокол обыска, сняться в фотографии и от дачи показаний, «Сабуров» твердо и неуклонно держался до конца этой линии поведения. И полтора года предварительного заключения были, по отношению к нему, систематическим рядом попыток раскрыть этот загадочный псевдоним. Ухищрения добыть, хотя бы его подпись, доходили до того, что однажды тюремная администрация явилась к «Сабурову» с заявлением: «такой-то (названа была фамилия одного из сопроцессников) передал на ваше имя 25 р., ввиду отсутствия у вас денег». — «Хорошо, поблагодарите его, хотя я его совершенно не знаю», — сказал «Сабуров». — «Распишитесь в получении». — «А, в таком случае деньги мне не нужны», — был ответ. С фотографией успех был не бо̀льший. От времени до времени «Сабурова» вызывали на допрос. Каждый раз «Сабуров» повторял, что от дачи показаний он отказывается. Тогда заводились «частные беседы», во время которых «Сабуров» замечал подозрительное движение в стороне и, всмотревшись, открывал замаскированный фотографический аппарат; попытка сфотографировать обрывалась.

«Незадолго до процесса был сделан, наконец, опыт насильственного фотографирования: перед об'ективом аппарата оказались четыре дюжих жандарма, тщетно старавшихся удержать неподвижно лицо тщедушного «Сабурова». Четыре пары рук, конечно, были убраны со снимка, но фигурировавшая на суде карточка слишком мало напоминала человеческое лицо.

«Не бо̀льший успех имело и пред'явление «Сабурова» бесчисленным, в течение полуторых лет, «опознавателям». В числе их был и родной брат его, тогда офицер одного из гвардейских кавалерийских полков, — Оболешев, который тоже не признал в нем известного ему человека. Этому, вероятно, способствовала темнота камеры нижнего этажа Трубецкого бастиона и необычайность обстановки. Впоследствии, когда псевдоним «Сабурова» был раскрыт после процесса, тот же брат узнал своего брата».

Генерал Шебеко, автор известной официальной «Хроники социалистического движения в России, 1878—87 г.г.», утверждает, что к «Сабурову» обращался сам граф Лорис-Меликов с предложением открыть свою настоящую фамилию. Точно также и Н. К. Михайловский, осведомлявшийся из народовольческих первоисточников, писал в августе 1880 г. («Листок Народной Воли», № 2, 20-го августа 1880 г.; см. также «Сочинения», т. X, стр. 41), в статье «К характеристике Лорис-Меликова»:

«Все помнят, что суд по делу Адриана Михайлова, Веймара, Сабурова и других (происходил 7—14 мая 1880 г.), назначенному к слушанию в конце апреля, был отложен на неделю. Все помнят также, что приговор Сабурова к смертной казни вовсе не вытекал из данных, выяснившихся на суде».

«Вот об'яснение этих фактов. Граф (Лорис-Меликов.—*Н. Т.*) почему-то уверился, что Сабуров есть убийца Мезенцова. Незадолго

перед судом, диктатор явился к Сабурову [1]) и долго вилял перед ним своим мягким лисьим хвостом, всячески убеждая его открыть свое настоящее имя. Граф обещал помилованье, обещал сохранить тайну имени, говорил о своем великодушии, оцененном даже в Европе. А когда Сабуров остался непоколебим, граф оставил лисий хвост и разинул волчий рот. Он об'явил Сабурову напрямик, что он будет повешен. На другой день к Сабурову явился Черевин, подтверждая и просьбу, и угрозу принципала. В конце разговора он дал Сабурову неделю на размышление, вследствие чего суд и был отложен на неделю. Так как Сабуров за неделю не одумался, то финалом гнусной комедии суда был смертный приговор, чудовищный, в юридическом смысле, но вполне соответствующий азиатской совести диктатора».

Так думал Н. К. Михайловский... Мы знаем теперь, что тут фигурировала совесть не одного Лорис-Меликова, но и совесть Александра II, которая мирилась с осуждением на казнь человека на основании *только анонимного доноса*...

А. Ф. Михайлов говорит о приговоре по их делу:

«Суровость приговора по отношению к «Сабурову» (смертная казнь), совершенно не соответствующая обстоятельствам дела, выяснившимся на суде, впервые раскрыла глаза как участникам процесса, так и самому Оболешеву. Стало несомненным, что III отделение, а за ним и военный суд, видели в лице «Сабурова» убийцу Мезенцова.

Это подтвердилось заявлением генерала Черевина, посетившего Оболешева в 3 часа ночи, тотчас по об'явлении резолюции суда. Черевин, посетивший Оболешева впервые (ошибочность сведений Н. К. Михайловского—*Н. Т.*), прямо заявил: «Как вы ни скрывали, но мы твердо установили, что вы — убийца Мезенцова, г. Кравчинский. — Более чем возможно, что такого твердого убеждения у III отделения не было (мы теперь знаем, что его действительно не было! *Н. Т.*),— иначе», — говорит А. Ф. Михайлов, — «нечего было бы генералу Черевину вести разговоры с Оболешевым на эту тему. А, может быть, Лорис-Меликову не хотелось казнить человека, о котором нельзя было бы оповестить официально, что это убийца Мезенцова. Повидимому, необходим был достоверный и пригодный для публичного оглашения материал.

«Но результат получился как раз обратный. Новое посещение «Сабурова» офицером Оболешевым и признание последним в «Сабурове» брата — Алексея Оболешева, разрушило гипотезу: «Сабуров»—Кравчинский».

«Смертная казнь была заменена 20-ти летней каторгой, но смерть, в другом виде, уже стояла на пороге камеры Алексея Оболешева»...

Доктор Орест Эдуардович Веймар говорил: «после процесса, трое из участников его — Оболешев, Веймар и Адриан Михайлов —

[1]) Со слов самого А. Оболешева, о чем будет сказано дальше, нам известно теперь, что ген. Шебеко и Н. К. Михайловский ошибались: с Сабуровым виделся только один генерал Черевин.

были водворены в Трубецком бастионе и подвергнуты, так называемому, каторжному режиму.

«Здоровье Оболешева, «слабогрудого» и на воле, сильно пошатнулось за время полуторагодичного предварительного заключения и резко ухудшилось в течение 10 дней процесса. Дело в том, что по тюремному расписанию с 1 мая в доме предварительного заключения отопление прекращалось, и участники процесса, помещенные в самом нижнем этаже, сильно страдали от холода и сырости. Кашель Оболешева, заметный и раньше, но не бросавшийся в глаза, принял «зловещий» характер». («Веймар был, как известно, опытным, знающим и наблюдательным врачем», замечает А. Ф. Михайлов).

«Каторжный режим быстро продвинул дело развития болезни дальше. Скудная пища: 2 ф. плохо выпеченного ржаного хлеба, щи с серой кислой капустой, 2—3 микроскопическими кусочками мяса на обед, каша-размазня, с пахнущим салом — на ужин и кипяток, без чая, — вот весь пищевой рацион на день, не изменявшийся даже для больных; холод, от которого совсем не защищали серые штаны и такая же куртка арестантского сукна и такого же сукна одеяло; душевное состояние, от которого нельзя было отвлечься даже чтением (книг «каторжане» были лишены на все время пребывания в Трубецком бастионе) — делали свою разрушительную работу.

«Оболешев, вначале деятельно поддерживавший сношения с своим ближайшим соседом — Веймаром, — к зиме 1880 г. стал жаловаться, что он сильно устает от перестукиванья. К весне 1881 г. жалобы эти резко усилились. Оболешев все реже отзывался на стук, и из его камеры доносился, особенно по ночам, только непрерывный кашель.

«В один из вечеров конца июля, или начала августа (точно Веймар не помнит), кашель в камере Оболешева прекратился...

«Началось суетливое хождение в его камеру Лесника (смотритель Труб. бастиона) с жандармами и присяжными (надзирателями); после одного из вторжений в камеру, слышен был в коридоре жирный голос доктора Вильямса, и затем звук группы шаркающих по мату ног людей, что-то общими усилиями несущих. Но ни единого звука голоса Оболешева... Уносили его тело». «В этом Веймар был убежден», — прибавляет А. Ф. Михайлов.

Остается еще добавить, что во время суда III отделение уже достоверно *знало* из показания Гр. Д. Гольденберга (см. приложения: «Материалы и пр.») как точные приметы Кравчинского, так и то, что он находился в 1879 г. за границей. Таким образом, оно не могло искренно заблуждаться в том, что крупного роста, плотный брюнет Кравчинский, проживавший заграницей, — когда небольшого роста, щуплый шатен «Сабуров» уже давно сидел в крепости, — одно и то же лицо. Все это «заблуждение», очевидно, искусственно поддерживалось III отделением в угоду Александру II, сразу поверившему доносу анонима.

Январь, 1918 г.

Приложение.

Материалы к делу об убийстве шефа жандармов Мезенцова.

1. Характеристика Сергея Михайловича Кравчинского, составленная полковником Новицким.

Получив в конце сентября 81 г. извещение из департамента полиции о том, что эмигрант С. М. Кравчинский, проживающий во Львове, часто ездит в г. Киев, известный полковник Новицкий, отличавшийся всегда поразительным словообилием и феноменальным легкомыслием в своих выводах и гипотезах о революционном движении и революционерах, ответил департаменту полиции следующей характеристикой С. Кравчинского (6 октября 1881 г., № 1854. Орфография подлинника).

Секретно.

«Зная еще с 1874 года особо энергичную и решительную преступную деятельность разыскиваемого с означенного года отставного поручика Сергея Михайловича Кравчинского, пользующегося огромным влиянием в преступном сообществе, стоявшего всегда на стороне политических убийств, начало которым в России Кравчинский и положил, ознаменовав свою деятельность в сообществе убийством шефа жандармов Ген.-Ад'ют. Мезенцова, — я всегда придавал особое значение аресту Кравчинского, почему и напрягал усилия, несколько лет, к задержанию Кравчинского, и собранию о нем возможных сведений из агентурных источников, которые давали следующие указания. Кравчинский проживал за границей, бывал в России, одно время он имел документы на имя князя Владимира Ивановича Джандиерова, после смерти которого документами завладел, что он живет гражданским браком с красивой еврейкой Фанни Личкус, паспорты, впрочем, весьма часто меняет, и в настоящее время не чужд участию покушения на жизнь государя императора, ныне царствующего; он находился в С.-Петербурге во время совершения злодеяния 1 марта сего года, но счастливо отгуда выскочил. Кравчинский человек очень развитый, от природы одарен большим умом и неугасимою энергией, причем в высшей степени осторожного, недоверчивого характера, с людьми партии сходится весьма осмотрительно. За указание Кравчинского можно дать большое вознаграждение агентам; я его признаю главою эмигрантов русских за границею и он несомненно влиятельнее Крапоткиных, Драгомановых, Подолинских и других. В общениях, речах своих Кравчинский производит потрясающее впечатление на молодежь, имея за собою репутацию кинжального деятеля, не на словах, а на деле. Лекции Кравчинского баррикадно-революционного свойства, читанные фабричнозаводским рабочим, производили подавляющее впечатление; написанная им брошюра, под заглавием «Чтой-то, братцы», и отпечатанная, расхватывалась окружающими, ведение пропаганды Кравчинским в среде рабочих и мастеровых было цветущим временем и носило название «золотого века» пропаганды».

В заключение полк. Новицкий сообщает, что слышал, будто в делах б. III отделения имеется фотографическая карточка брата Кравчинского, имеющая «поразительное» сходство с разыскиваемым Кравчинским, почему и просит прислать эту карточку... Эту дикую затею искать

человека по карточке его брата департамент полиции одобрил и карточку Новицкому послал, оговорившись, впрочем, что ему неизвестно, чья это карточка Сергея или Дмитрия Кравчинского...

Эта затея Новицкого не удалась, ибо Кравчинский в Киев не приезжал.

II. Выписка из заявления купеческого сына Григория Давыдовича Гольденберга.

(Заявление умершего в Петропавловской крепости, в июле 1880 г., Гольденберга; дано им в марте 1880 г.).

«4 августа 1878 г. у знакомой Орлова, Екатерины Тумановой, узнал я об убийстве шефа Мезенцова, но кем совершено это преступление — я тогда не узнал... Только в октябре 1879 года, при встрече с Дейчем, в Харькове, я узнал, что в убийстве Мезенцова принимал участие и Сергей Кравчинский, кажется, воспитывавшийся в артиллерийском училище. Кроме него и Кошурникова (Баранникова), третьим участником этого убийства является Адриан Михайлов, арестованный в С.-Петербурге.

«Сергея Кравчинского я знаю, но мало. Встречал его в Петербурге, кажется, 1-го августа 1878 г. Он, кажется, артиллерист и знаю, что разыскивался по процессу 193-х; приметы его: выше среднего роста, плотный, с черной бородой, лет около 30-ти. В то время, когда об его участии в деле Мезенцова мне передавал Дейч, то, по словам последнего, Кравчинский находился тогда за границей, кажется, в Женеве, и где он ныне, мне не известно. Кто собственно из трех лиц был убийцей, достоверно не знаю, но сколько мог заключить из всех рассказов, то таким являлся Кравчинский».

По поводу этого показания II уголовное отделение доложило министру юстиции (по возбужденному вопросу о выдаче Кравчинского Швейцарией): 1) что обвинение Кравчинского основано исключительно на показании у м е р ш е г о государственного преступника (? — еще не судившегося...) Гольденберга, который был допрошен л и ш ь п р и д о з н а н и и, и показывает т о л ь к о с о с л о в Д е й ч а; Дейч же по сему делу допрошен вовсе не был, а если будет допрошен, то, несомненно, отвергнет ссылку на него Гольденберга, и 2) что, как видно из смысла письма российского посла Гамбургера, возможность успешного исхода требования о выдаче Кравчинского обусловливается представлением твердых доказательств его виновности...

Таковы были, по мнению самих русских юристов, те «твердые доказательства» виновности Кравчинского, на основании которых русское правительство требовало (принципиально не без успеха!) выдачи Кравчинского Швейцарией...

В будущем мы познакомим читателей «Былого» с этим любопытным делом, изобилующим сознательным умолчанием и особенной отделкой и перефразировкой официальных документов, посланных в Швейцарию.

III. Выписка из дознания о террористах (Дело о 20).

Показания Александра Баранникова (он же Кошурников).

Т. I, стр. 522. «На вопрос отвечаю: Адриана Михайлова, Сергея Кравчинского я не знаю и в 1878 г. не проживал под именем Тюрикова в квартире Штуцер»...

Т. II, стр. 164. «Признаю, что я участвовал в убийстве Мезенцова 4-го августа 1878 г. с двумя лицами, коих назвать не желаю, из коих один был кучером и сидел на козлах, а другой сидел со мной на тех дрожках, на которых скрылись... Когда было решено покуситься на жизнь этого лица, мы, выследив его, 4 августа сделали нападение, причем, я должен был прикрывать отступление того лица, которое совершило убийство»...

IV. Из «Записки», составленной в мин. юст. по делу об убийстве генерал-ад'ютанта Мезенцова.

а) Показание полковника Фомы Мессюра-Тарриани.

По словам г. Мессюра, он был 2 августа (1878 г.) в Демидовом саду, где раскланялся и говорил с ген.-ад'ют. Мезенцовым. Когда Мессюра отошел, то к нему обратился какой-то очень прилично одетый молодой человек, в темном пальто, в шляпе-цилиндре, с черными усами и эспаньолкой, гулявший с каким-то другим лицом, и просил указать генерала Мезенцова. Покойный в это время разговаривал с графом Левашевым и Черевиным. Не успел Мессюра исполнить эту просьбу, как молодой человек спросил: «не этот ли высокий генерал?». Получив утвердительный ответ, неизвестный раскланялся, отошел и потом несколько раз подходил к Мезенцову и осматривал его (л.л. 24 и 25, т. I).

Свидетель, очевидно, описал наружность С. М. Кравчинского, нисколько не похожего на «Сабурова»-Оболешева.

б) Баронесса Гейкинг, вдова убитого в Киеве 24 мая 1878 г. жанд. штабс-капитана, заявила, что она видела 31 июля, 1, 2 и 3 августа, днем, в Летнем саду, бежавшего из киевской тюрьмы, после убийства ее мужа, арестанта Дейча, которого она хорошо знала в лицо. Он был блондин, в светло-сером пальто, в очках и пострижен довольно коротко. Дейч, видимо, следил за Мезенцовым, приходившим в Летний сад завтракать. По совету своего родственника, доктора Витте, свидетельница, 4-го августа, убедившись, что не ошибается, пошла заявить ген.-ад'ют. Мезенцову о Дейче, но было уже поздно» (л. 20 и 21, т. I).

в) Свидетель Греков выяснил следующее: «отправляясь на службу к 9-ти часам, он, по обыкновению, зашел в Михайловский сквер и хотел присесть на скамейку, налево от входа, прямо против Михайловской улицы, но сидевший на ней «молодой человек в светлом платье, блондин», так дерзко оглядел его с ног до головы, что Греков сел на другую скамейку. Белокурый был довольно коротко острижен, а сидевший с ним рядом брюнет имел длинные волосы и одет был в темное пальто. Посидев недолго, неизвестные направились к Б. Итальянской, а минут через семь последовал выстрел по Макарову. В карточке Льва Дейча Греков признал некоторое сходство с блондином, брюнета же, по его словам, ему напоминает карточка госуд. преступника Стефановича (л. 22 и 23, т. I) [1].

---

[1]) Описание «брюнета» напоминает не Стефановича, а Кравчинского, как и описание многих других очевидцев события 4-го августа, но совсем не сходно с внешностью «Сабурова»-Оболешева.

Здание у Цепного моста.

Книга для записи арестованных при III отделении и департаменте полиции за 1880—1883 г.г.

I.

Это «здание у Цепного моста» получило громкую известность с момента учреждения указом 3-го июля 1826 г. III отделения собственной его величества канцелярии.

С 1827 г. главным начальником и руководителем III отделения в его двухсторонней деятельности (искоренения крамолы и злоупотреблений властей) являлся шеф только что учрежденного корпуса жандармов.

По общераспространенной легенде, вместо инструкции, император Николай I передал первому шефу жандармов, ген. Бенкендорфу, только свой платок... Шеф должен был утирать им слезы невинно пострадавшим и незаслуженно обиженным...

Но не в «утирании слез» тут было дело!

В историю III отделение перешло с репутацией тайного судилища, искоренявшего крамолу, а отнюдь не учреждения, «утиравшего слезы» незаслуженно обиженных.

Весьма скоро это учреждение создало себе незавидную репутацию какой-то привилегированной «с'езжей», где даже секут (не исключая и дам!), но при этом соблюдается абсолютная тайна сего отеческого вразумления.

Рассказывали, что допрашиваемый в «комиссии» при III отделении помещался на известном квадрате паркета; если словесные внушения воспринимались провинившимся туго, то нажималась специальная пружина, виновный проваливался в открывшийся люк до пояса, и над провалившейся его частью совершалась экзекуция, причем секуторы не могли, конечно, видеть лица своей жертвы.

Такого рода слухи циркулировали в кругах молодежи еще в 60-х г.г. и даже в начале 70-х. И. А. Худяков, в своей «Автобиографии» утверждает, что 24 апреля 1866 г. следователи заявили ему, будто царь «требует от него немедленного сознания», а то приказано «об'явить его *вне законов*, пытать и затем расстрелять через шесть дней военным судом». Худяков поверил возможности пытки и, под

влиянием этой мысли, дал ложное показание на Ишутина (предварительно Худякова избили!) [1].

Пишущему эти строки рассказывал и Ник. Петр. Гончаров [2]), что когда его, еще совсем зеленым юношей, привели в первый раз на допрос в «комиссию» и допрашивавший пригласил его подойти поближе к столу, за которым заседали члены комиссии, то он, Гончаров, сомневаясь в устойчивости пола, хотя и повиновался, но подошел к столу не прямо, а с краю его, а на повторенное предложение подойти еще поближе, стал настолько внимательно всматриваться в пол, все же не вступая на указываемое место, что это бросилось в глаза членам комиссии, которые, поняв, наконец, опасения юноши, сначала, видимо, возмутились, а затем разразились хохотом, добродушно попеняв Гончарову за подобное недоверие к их учреждению, руководствующемуся «только законными средствами»....

Но насколько порою в этой «комиссии» допросы производились *настойчиво и продолжительно* (чтобы не сказать — пристрастно!), автору однажды пришлось убедиться на примере Н. И. Кибальчича.

В октябре 1875 г. меня арестовали по первому делу Николая Ивановича, обвинявшегося в передаче у себя на родине «Сказки о 4-х братьях» отставному солдату. Дело в том, что Кибальчич проживал это лето у своего брата-доктора, вместе с студентом мед.-хир. академии Н. С. Тютчевым, как значилось в увольнении этого лица, выданном из м.-х. ак. (*это лицо не было обнаружено ни тогда, ни после*). Осенью я получил своевременно свое увольнение обратно, переменил его на соответствующий билет, т. ч. мне не представлялось затруднения доказать, что в Киевской губ. проживал не я (т. к. я провел лето в Симбирск. губ.), увольнения же своего никому не давал...

Мне была дана очная ставка с Н. И. Кибальчичем, на которой он и подтвердил, в конце концов, что в Киевской губ. с ним жил не я, а кто-то другой, выдававший себя за студ. Т.

Когда меня ввели на очную ставку в «комиссию», то меня поразила внешность Кибальчича: этот уравновешенный человек, ничем невозмутимый хохол, был бледен, как полотно, глаза его блуждали и по лицу его спадали крупные капли пота; даже его смятая рубашка была, видимо, вся влажная... Очевидно, его допрашивали уже не один час, не давая ни минуты опомниться... Только этим я и об'яснил себе его состояние крайнего утомления и как бы растерянности. Сначала он даже признал свое знакомство со мною, что было бы для меня при данных условиях подавляющей уликой, и только после категорического моего протеста и отрицания, он отказался, видимо недоумевая, от своего первоначального заявления.

Только тут я впервые и уразумел, каким бывает *настоящий* допрос в «комиссии» III отделения!

[1]) Ив. Александр. Худяков: «Опыт автобиографии». Женева, 1882 г. Стр. 131 и сл.

[2]) Судился впоследствии и сослан был на поселение в В. Сибирь в 1872 г. Вернулся в Евр. Россию после revол. 1905 г.

С Пантелеймоновской ул. в III отделение вели железные решетчатые ворота. Они находились (как и теперь) в самом углу загиба, делаемого улицей, и вели узким проездом под арку, где, с левой ее стороны, был под'езд «комиссии». Последняя помещалась во втором дворе длинного двухэтажного здания, существующего и в настоящее время.

Пройдя вышеупомянутую арку и тотчас же за нею завернув направо, арестованные, сопровождаемые всегда двумя (а иногда и четырьмя) жандармами с обнаженными саблями (по старому уставу — один впереди и другой сзади), проходили, между экипажными сараями — слева и каким-то одноэтажным длинным зданием — справа, под следующую арку и вступали, наконец, на другой двор, где, с правой его стороны, несколько наискось, находилось трехэтажное здание, с железными решетками на окнах. Вдоль этого здания круглые сутки ходил часовой-жандарм. Это и была столь известная тюрьма в «здании у Цепного моста», куда, на протяжении почти полувека, сажали людей, только что арестованных или привозимых (непременно в карете, с опущенными шторами) для допросов и очных ставок в «комиссии» из крепости, Литовского замка, а впоследствии и из вновь выстроенного дома предварительного заключения.

В нижнем этаже этой тюрьмы помещалась кордегардия, а во втором и третьем этажах находились камеры для заключенных. Проникнуть в каждый этаж возможно было только через единственную массивную дверь из железных прутьев, за которою стоял особый часовой-жандарм, отпиравший эту дверь имевшимся у него ключем. Когда вы входили, наконец, в коридор, то слева вы видели глухую стену, а справа находились 4 двери изолированных камер. В дверях этих не было столь известных по новым тюрьмам «глазков»: верхняя их часть была просто стеклянная. Часовой-жандарм, проходя взад и вперед по коридору, видел, таким образом, все, что делает заключенный в своей камере. Если мимо заключенного нужно было проводить другого заключенного, то на это время дверь закрывалась темно-зеленой шторой, приспособленной для этого со стороны коридора у каждой двери.

Камеры были довольно большие, хорошо отапливались. В каждой было по два окна, замазанных белой краской, а чтобы заключенный не мог выкинуть что-либо через форточку — существовала, помимо наружной решетки, еще внутренняя проволочная сетка. Форточку открывать разрешалось самому заключенному, но смотреть в нее, для чего необходимо было встать на подоконник, не позволялось. Иногда, впрочем, заключенному удавалось, незаметно от часового, быстро заглянуть в форточку, услышав, что кого-то приводят или уводят, и тогда сидевшим во 2-м этаже возможно было даже увидеть товарища-заключенного. Автору, например, удалось таким способом увидеть всех арестованных по одному делу с ним в марте 1878 г., а также и всех арестованных на улице после процесса Веры Ивановны Засулич.

Стены камер были окрашены охрой — снизу был темный бордюр, как и в Алексеевском равелине. В них помещались: железная кровать, с хорошим, мягким волосяным матрасом и двумя подушками, двумя простынями и байковым одеялом, деревянный, небольшой стол, с ящиком, и деревянный же стул. Этим и ограничивалась вся меблировка камеры. При приеме заключенные переодевались во все казенное (халат давался тонкого сукна — офицерский), а собственное платье, белье и все вещи отбирались; даже папиросы у арестованного отбирались и взамен выдавался десяток (или два) казенных, с соответствующим количеством спичек. Долго сидевшим выдавались также и книги для чтения, но какое это было разрозненное старье! Мне, например, удалось в 75 и 78 г.г. получить только несколько книжек «Морского Сборника» и «Русского Вестника», начала 60-х г.г., и более ничего в библиотеке не было!

Пища давалась сносная. Утром подавали два стакана чая с 2 кусками сахара и 5 коп. булкой, обед состоял из трех блюд, которые, повидимому, приобретались в каком-либо соседнем трактире (мясо было мелко нарезано, так как ни ножа, ни вилки не давалось); вечером полагалось также 2 стакана чая с такою же булкой. В общем — было сытно. Черного хлеба давалось, сколько потребуется. На время умывания, по утрам, в камеру приносилось все необходимое. Прогулок и бани совсем не полагалось. Был ли при этой тюрьме доктор, пишущему неизвестно.

Не разрешалось заключенным иметь в камере и писчие принадлежности, и указания «Книги» в отдельных случаях, что оне выданы арестованному, говорят об исключительном его положении в этой тюрьме.

Арестованного со всеми его вещами приводили в назначенную ему камеру, где он и переодевался во все казенное, а дежурный жандармский офицер составлял тут же опись его вещам и деньгам, занося ее в «Книгу для записи арестованных при III отделении»; в сдаче и приеме вещей заключенному предлагалось собственноручно расписываться. Личного, унизительного обыска, как он практиковался, например, в Петропавловской крепости, при III отделении, насколько я могу судить по собственному опыту в 1875 и 1878 г.г., не производилось.

Дежурные офицеры, сменяясь по утрам, ежедневно обходили камеры и задавали заключенным вопрос: не имеется ли с их стороны каких-либо заявлений? Насколько мне известно, к заключенным в камеру, помимо дежурных офицеров, никто не пропускался, кроме шефа жандармов. Но и он посещал заключенных только в исключительных случаях. Например, меня посетил и посидел минут 10 генерал Мезенцов.

Я об'ясняю это тем, что мой отец занимал в то время (в 1878 г.) довольно высокий пост в деп. уделов, почему Мезенцов и мог, или лично, или на случай возможного вопроса царя, заинтересоваться сыном служащего в мин. импер. двора. При этом Мезенцов задал мне довольно нескромный вопрос: зачем я, студент из состоятельной

6

среды, служил в патронном заводе табельщиком? Я дипломатически ответил, что очень интересуюсь рабочим вопросом, изучить который исключительно по книгам — нет возможности. Мезенцов возразил, что в такое смутное время студентам не следовало бы поступать на заводы, а лучше было бы утолять свои научные интересы только литературой... Он покачал головой, и мне уже казалось, что он задаст мне еще более нескромный вопрос об убийстве одного из агентов III отделения, и я приготовился было к резкому ответу, но он круто переменил разговор, сказав, что моему отцу разрешено свидание со мной, а затем спросил: доволен ли я пищей, не надо ли чего-либо, напр., кофе, сигар? Хотя я и очень любил сигары, но, будучи в те годы строгим ригористом в отношениях со всяким начальством, я, к своему сожалению, вынужден был, поблагодарив Мезенцова, отказаться от них, под предлогом, что сигар я еще не курю...

II.

В архиве департамента полиции сохранилась «Книга для записи арестованных при III отделении».

В «Книге» этой 46 прошнурованных и пронумерованных листов, и она обнимает период в три года, с 16 мая 1880 г. по 17 мая 1883 г., т.-е. время наибольшего расцвета деятельности «Народной Воли» и начала ее упадка.

В эту книгу дежурные офицеры вписывали, по порядку рубрик: звание, имя и фамилию арестованного, откуда и кем он доставлен, перечень вещей и сумму денег, отобранных у арестованного, время доставления и отправки заключенного, куда и кем он отправлен. Затем имеются еще три графы: расписка заключенного в сдаче вещей, в приеме их и «особые отметки».

В «Книге» имеются, поэтому, автографы многих лиц с громкими в революции именами, есть и автографы предателей и ренегатов. Есть и «неизвестные»: некоторые, действительно, в то время еще неизвестные жандармской полиции, но многие из «неизвестных» были ей хорошо известны и записывались так, только ради различных специальных соображений.

Судя по «Книге», всех камер (или «комнат», по терминологии ее) было 13, но в том здании, во втором и третьем этажах которого сидел автор, имелось всего 8 камер. Где находились недостающие 5 камер — в настоящее время определить нет возможности, так как самого здания этой старой тюрьмы уже не существует, и на месте ее воздвигнута большая четырех'этажная пристройка к главному фасаду б. деп. полиции, значительно выдавшаяся в глубь двора, по сравнению со старым зданием.

Всех, содержащихся в течение трех лет, было 94 человека, но из этого числа некоторые сидели по нескольку раз, так что всего содержалось 84 чел. [1]).

---

[1]) По нескольку раз сидели: Влад. Дриго — 2, Лев Златопольский — 3, Н. Рысаков — 2, неизвестный (Окладский) — 3, барон Штромберг — 2, Яков

Главный контингент заключенных составляли только что арестованные в С.-Петербурге или доставленные из провинции, подвергавшиеся первоначальным допросам, в так называемой, «комиссии», которая в те годы вела дознания о государственных преступлениях.

Обыкновенно таких арестованных, если они не склонны были к откровенным показаниям, держали при III отделении недолго: 2—3 дня, редко с неделю или несколько более.

Следующую категорию составляли революционеры, вступившие в какие-либо компромиссные соглашения с властями: дававшие откровенные показания или писавшие для властей разные «истории революционного движения», докладные записки о «причинах» возникновения его и о «мерах» к его искоренению, или же «проекты» социального оздоровления общества (Л. Златопольский). Таких лиц за этот период было всего 3—4 чел.; некоторые из них содержались по нескольку раз.

К этому разряду заключенных принадлежат Праотцев и Дриго.

С 23 по 30 июля 1880 г. сидел привезенный «из Москвы» (из Саратова — *Н. Т.)* нотариус *Василий Степанович Праотцев;* он отправлен был затем в дом предварительного заключения. Это тот самый Праотцев, который был затем секретным сотрудником и эмигрантом в Париже и Ю. Америке [1].

Стефанович — 3, лейтенант Буцевич — 2. В хронологической последовательности были заключены следующие лица:

Авериан Богданов (16/V 80 г.), Александра Семен. Ивановская (Малышева), Екат. Мих. Трощанская, Елиз. Петр. Дурново, Филарет Спир. Ковригин, Оттон Рицци (итальянск. поданн.), Л. Кобылянский, Ал-й Ник. Ульянов, Евг. Петр. Александрова, Вас. Степ. Праотцев (будущ. секр. сотр.), Андрей Корнеевич Пресняков, Ст. Гр. Ширяев, Ал-й Слободин, Кирик Филипп. Рыбка, Вл. Вас. Дриго, Алекс. Малиновская, Георгий Зурабович Кананов, Екат. Саланика, Ек. Конст. Барназус, Густав Адольф. Шульц, Конст. фон Дауэ (русск. поданн.), Н. Н. Сергеев, Ел. Н. Ковальская, Ник. Павл. Щедрин, Ив. Андр. Щербин, Ос. Фом. Белявский, Ал. И. Баранников, Макар Тетерка, Ник. Вас. Клеточников, Лео Іоганнес Соломонов Златопольский, Н. И. Рысаков, А. И. Желябов, неизвестный (Меркулов?), С. Л. Перовская, Ал. Дубровин, М. Н. Тригони, Ник. Ив. Кибальчич, М. Ф. Фроленко, Ал-й Егор. Скворцов, Ал-др Георг. Гельмерсен, Ант. Викт. Босяцкий, Як. Петлицкий, Н. И. Паули, Ал-др Ив. Родзевич, лейт. Август Ант. Гласко, лейт. Ал-др Павл. барон Штромберг, неизвестный (22/V отправл. в крепость), М. Ланганс, Л. Терентьева, Фед. Семенов, Ник. Кони (сс.-пос. Енис. губ.), неизвестный (по распор. мин. вн. дел — отправл. в приемный покой Литейн. части 14/X 81 г.), Ник. Еф. Орешков, Мих. Огрызко, Я. Стефанович — («запечатанный»), Вас. Сем. Ухов, Игн. Ветцель, Леон. Никушкин, Конст. Пентусов, Ив. Фридольф. Лямпе, Мих. Бармалеев, Ал-др Вик. Буцевич, майор Н. Тихоцкий, Над. Безпалова, Ник. Вас. Гильченко, Хаим Дворкевич, отст. офиц. Литвинов, Пав. Алексеев. Сикорский, Ник. Плат. Вукотич, «Затушеванный» (Окладский), П. Поливанов, Ник. Зенников (из Ср.-Колымска), Елена Протасова, А. В. Буцевич, В. Н. Фигнер, Арк. Вл. Тырков, отст. шт. кап. Липпоман, подпор. Тиханович, Ал-др Мушкин, поруч. Рогачев, Л . . . . (Л. Ф. Мирский), Аполлон Карелин, княжна Мария Шервашидзе, Мих. Кайсарович Кипиани, Степ. Чрелаев, поруч., г. Шепелев.

[1]) О нем см. в книге В. Б. Агафонова, «Заграничная охранка». Изд. «Книги». Петроград, 1918 г.

К той же категории принадлежит и *Владимир Васильевич Дриго*, сидевший в этой тюрьме дважды, в августе 1880 г.

О нем А. Д. Михайлов сказал на суде:

«Он заключил с III отделением условие, по которому он обязался способствовать разысканию известных ему социалистов, а III отделение обещало оставить ему состояние Лизогуба. Дриго старательно выполнял свое обязательство, как агент III отделения, но III отделение изменило ему так же вероломно, как он изменил Лизогубу, и отдало его, по миновении в нем надобности, в руки военного суда, продержав предварительно более полугода под арестом».

Дриго был осужден по «процессу 16-ти» 1880 г. к ссылке на житье в Томскую губ., где и умер.

О Я. Стефановиче и Л. Златопольском будет сказано ниже.

К третьей, самой незначительной категории, принадлежат уже упомянутые доносчики, привезенные из Сибири. Их было всего двое.

Николай Кони, уголовный сс.-поселенец из Енисейской губ., сидел с 10 октября по 3 ноября 1881 г. История его доноса о готовившемся цареубийстве интересна лишь по случайному совпадению с датой 1-го марта. Он сделал донос *перед* 1-м марта, но местные власти, зная Кони, как человека, ничьим доверием не пользовавшегося, на заявление его никакого внимания не обратили. После 1-го марта, когда об этом доносе узнали в Петербурге, местным властям был сделан строжайший нагоняй, а самого Кони выписали в Петербург, но тоже вскоре вынуждены были убедиться, что вся эта история — не более, как мыльный пузырь.

Другой административно-ссыльный из Ср.-Колымска, которого, по сибирской терминологии, почему-то и в «Книге» именуют «политическим преступником», Николай Зенников (в «Книге» записан «Зеньков»). Он дал обширные показания о всех своих знакомых и, главным образом, об адресах, паролях и явках, которыми пользовались политические при побегах из Сибири.

Кое-что в его разоблачениях — плод его собственной фантазии или перепутанные им сведения из случайно подслушанных разговоров товарищей по этапам и ссылке (лично Зенников доверием не пользовался), но некоторые его данные все же были ценны жандармам; как раз в это время производилось следствие об общесибирской организации, имевшей целью способствовать побегам политических из Сибири. Как известно, заложили основания этой организации Ю. Богданович и Ив. Калюжный, а затем и В. Дебагорий-Мокриевич.

Зенников содержался при департаменте полиции более двух месяцев — с 5 ноября 1882 г. по 9 января 1883 г.

Перед отправкой психически больных в психиатрическую лечебницу в Казань и при возвращении оттуда выздоровевших заключенных также проводили через тюрьму при деп. пол., вероятно, чтобы лично убедиться в действительности болезни или выздоровлении преступника.

Так, 6 сентября 1880 г. была привезена и на другой день отправлена в Казань осужденная по делу Мезенцова Ал. Малиновская.

Она была, повидимому, так больна, что у нее даже не отбирались ее вещи; и подписи ее, поэтому, не имеется. 7 марта 1883 г. привезен был из Казани выздоровевший первомартовец Арк. Вл. Тырков и на след. день увезен в д. пр. закл., откуда он и был отправлен по высоч. повелению в г. Минусинск, в бессрочную административную ссылку, которая уже при Николае II ограничена была двадцатилетней . . .

Освобождавшийся из Алексеевского равелина и отправляемый на Кару (что являлось делом совершенно исключительным в эти годы!), Лев Филиппович Мирский также побывал при деп. пол. Его привезли 13 апреля 1883 г. и увезли на следующий день в крепость, записав в «Книге» только инициал его имени — Л . . . . . , с отметкой, что вещи казенные.

Не записан был по фамилии и Поливанов, предназначенный к заточению в Алексеевском равелине, но его подпись в сдаче вещей имеется. Просидел он в департаментской тюрьме, в камере № 2, с 27 по 29 октября 1882 г. и отправлен был затем в Трубецкой бастион крепости, а оттуда, спустя две недели, он переведен был в Алексеевский равелин.

Тогда же, с 25 октября по 31 декабря 1882 г., сидел в этой тюрьме и Иван Окладский.

Следует отметить еще двух «неизвестных», фамилии которых установить пока не удалось. Один из них, прошедший через тюрьму 22 мая 1881 г. (из «комиссии» — в крепость), был, повидимому, простолюдином, т. к. из одежды имел лишь пальто, шапку, рубаху и шаровары, да сапоги, а другой, привезенный 14 октября 1881 г., в 12 ч. 45 м. ночи, по распоряжению мин. внутр. дел, штабс-капитаном Веселаго, был одет весьма изысканно в сюртучную пару, цилиндр и пр. Он имел золотые очки, часы, серебряный портсигар, 24 р. 40 коп. денег. По распоряжению В. К. Плеве в тот же день, в 1 ч. 10 м. дня, этот неизвестный был отправлен в приемный покой ближайшей литейной части. Доставлен ли он был уже больным или раненым, или с ним что-либо случилось в тюрьме деп. полиции — сведений нет.

III.

25-го июля 1880 г. привезен был Андрей Корнеевич Пресняков, арестованный накануне на Вас. О., на улице, и оказавший при этом вооруженное сопротивление. В «Книге» отмечено, что сюртук его «снизу оторван», так же как и «половина воротничка рубашки» — очевидно, это результаты борьбы Преснякова с арестовавшими его сыщиками. На другой день Пресняков отправлен был в крепость. А. К. Пресняков, по профессии слесарь, слушал ранее курс в петербургском учительском институте, который бросил, чтобы целиком отдаться революционной работе среди петербургских рабочих. Весьма скоро он приобрел среди них большую популярность и успешно стал организовывать вместе с С. Халтуриным и К. Иванайненом, а потом с Ник. Павл. Щедриным, все новые и новые кружки на

разных заводах Петербурга. Но тут его деятельность встретилась с вражеской, с агентурой III отделения. Пресняков, со всем пылом своей энергичной натуры, отдался тогда борьбе с шпионством, и уже летом 1877 г. от его руки пал шпион Шарашкин; им же был убит 4 февраля 1880 г. Жарков, выдавший типографию «Черного Передела». После Шарашкина Пресняков занялся двумя другими агентами — Белановым и некием «Козлом», но уничтожить их ему помешал его арест в начале 1878 г. Этого «истребителя шпионов» III отделение тогда, очевидно, еще не дооценило, и потому он попал не в крепость, и даже не в дом предв. закл., а сначала в Спасскую [1]), а затем в Коломенскую часть. Пресняков тотчас же воспользовался этим, и весьма быстро были налажены правильные сношения с ним.

Организация «Земли и Воли» решила устроить его побег и поручила организацию его А. А. Квятковскому и пишущему эти строки. Квятковский в это время был кучером знаменитого «Варвара», стоявшего в «Русском Татерсале». Побег возможно было совершить только в те дни, когда заключенных водили в торговую баню, так как при части своей бани не было. Затруднение состояло в том, что заранее, до «дня бани», никому из заключенных не сообщалось, кого именно поведут в баню. В «банные» дни мы приезжали на «Варваре» к части и останавливались у рыбного садка, стоявшего как раз против под'езда в часть. Я, как «барин», входил в садок и что-либо должен был покупать там; на мне же лежала обязанность пройти затем во двор части и незаметно взглянуть на решетку одной из камер третьего этажа, где сидел Андрей. Он всегда был на окне, но условный знак появился лишь однажды.

В этот день мне вновь пришлось вернуться в садок и согласиться, наконец, на несуразно высокую цену живой стерляди. Но, пока ее вылавливали, в баню провели не Андрея, а кого-то другого... Так мы с Квятковским раз 5—6 вынуждены были покупать совершенно зря рыбу, которую, впрочем, весьма одобряла его жена — Екатерина Константиновна — пока, наконец, я не был случайно арестован 1 марта [2]). Моя функция — принять и защитить при побеге Андрея — перешла к Хотинскому, которому и удалось, наконец, 16 апреля счастливо помочь Преснякову вскочить в пролетку [3]).

Приговором в.-окр. суда 30-го октября 1880 г. Пресняков был признан виновным в покушении взорвать императорский поезд под Александровском 18-го ноября 1879 г., в вооруженном сопротивлении при аресте и пр. и присужден к смертной казни.

4 ноября 1880 г. Квятковский и освобожденный им из тюрьмы Пресняков были повешены на левом фасе Иоанновского равелина

---

[1]) Где его избил собственноручно ее смотритель.

[2]) По документам (см. выше) 2 марта. Ред.

[3]) М. Р. Попов («Из моего революционного прошлого», стр. 299, в «Былом», 1907 г., № 5), говорит, что Пресняков бежал из Литовского замка. Память изменила М. Р—чу: Пресняков бежал из Коломенской части, что у Египетского моста.

Петропавловской крепости [1]), там же («на кронверке»), где в 1826 г. повешены были декабристы [2]).

Степан Григорьевич Ширяев, техник по взрывчатым веществам, изучивший эту специальность за границей, арестован был в Петербурге, 4-го декабря 1879 г. В тюрьму при III отд. он был привезен, как отмечено, «из Москвы», 27-го июля 1880 г. Очевидно, его возили в Москву, а, может быть, и далее на юг, т. к. он обвинялся в покушении и под Александровском и под Москвой, 19-го ноября 1879 г. Смертная казнь, вынесенная ему приговором в. окр. суда по тому же процессу 16-ти, была заменена вечной каторгой, и в ноябре 1880 г. он заключен был, как четвертый узник (Шевич, Нечаев, Л. Мирский), в Алексеевский равелин. Нечаев в это время уже распропагандировал гарнизон равелина, и ему недоставало лишь адреса для организации правильных сношений с исполнительным комитетом Народной Воли. Ширяев дал этот адрес, направив переписку своему гимназическому товарищу, студенту медико-хирургической академии, тоже саратовцу, как и Ширяев, Евгению Дубровину, и, таким образом, сношения установились.

Летом или осенью 1881 г. Ширяев умер в том же равелине, при обстоятельствах, до сих пор еще не вполне выясненных. По словам С. Г. Нечаева, Ширяев умер 16-го сентября 1881 г., когда у него уже развилась чахотка. В этот день он был в каком-то «странном, возбужденном» состоянии, «вскакивал на стол, как в горячечном бреду, говорил что-то такое, наконец, громко закричал и упал мертвый». Нечаев предполагал, что Ширяева «отравили, дав ему какого-то возбуждающего», чтобы «выпытать какие-то сведения»... Мы не знаем, правда ли это; не мешает, впрочем, прибавить, что к очень многому из сообщавшегося Нечаевым исп. к-ту, с очевидной целью, чтобы это сообщаемое попало в печать и произвело известное впечатление, следует относиться с большим сомнением. По другой версии Ширяев, с целью самоубийства, поставил на стол табурет и, наложив на него все имевшиеся у него книги, взобрался на это сооружение и бросился головой вниз, разбив себе череп об пол... *Суще-*

---

[1]) См. прим. 4-е в прилож. Ред.

[2]) А. В. Прибылев, возвращаясь к себе на Кронверкский пр. с Больш. Дворянской ул., рано утром 4 ноября 1880 г., видел на крепостной стене, правее ворот, возвышавшуюся виселицу и двух уже повешенных в саванах, уже висевших неподвижно... За несколько дней до казни Пресняков написал на бумажке от папиросной гильзы несколько слов к тому из товарищей, кто найдет эту записку. Записку и маленький кончик карандаша он спрятал в ворот своего крепостного халата. В нем и нашел эту записку в 1883—84 г.г. Степан Александрович Андржейкович, передававший мне ея содержание. Буквально я его теперь не помню, кроме одной фразы, с которой она начиналась: «Пишу с тоски, в ожидании окончательного решения»... Затем Андрей Корнеевич сообщал, что бодр духом и сидит в каторжном коридоре (камеры №№ 31—36), просит передать его последний привет товарищам на волю и пожелания успешной борьбы и победы. Таково было содержание записки. Андржейкович, прочтя и выучив наизусть это краткое завещание Преснякова, заложил его снова в халат...

ствует и еще одна версия смерти Ширяева, она основана на рассказах солдат гарнизона Алексеевского равелина, сосланных в Сибирь. Проверить эту версию пока еще не удалось [1]) . . .

Ширяев сидел при III отд. всего два дня, и 29 июля 1880 г. был переведен в крепость.

Николай Васильевич Клеточников принят был в тюрьму в 6 час. вечера, 29 января 1881 г., только на другой день после ареста, из «комиссии», где его, очевидно, до этого времени допрашивали. 8 февраля его перевели в крепость.

Клеточников, присужденный по процессу 20-ти к бессрочной каторге, посажен был после суда в Алексеевский равелин и предназначался к заточению в Шлиссельбурге, но не дожил до перевода туда и умер от цынги 13 июля 1883 г.

Поливанов («Алексеевский равелин») говорит о Клеточникове: «Соколов («Ирод» — смотритель Алекс. рав., а затем Шлиссельбургской крепости) отлично знал Клеточникова, когда тот был столоначальником III отд... Это обстоятельство обостряло злобу Ирода. Как и все, Клеточников заболел цынгой, но в более тяжелой форме, чем у некоторых других. Возмущенный, что его все-таки заставляют есть постную пищу, он начал голодать, требуя молока и белого хлеба. Голодал дней 9—10, но потом Ирод, который заходил к нему после раздачи обеда, садился, со словами: «ешь! — не уйду, пока не будешь есть!», как-то сумел заставить его есть. Поевши два дня, Клеточников стал голодать снова и, хотя ему дали требуемое, организм его так уже был подточен болезнью, что он умер, чуть ли не через неделю после получения молока» [2]).

Александр Иванович Баранников поступил 28 января 1881 г., как «неизвестный», и расписался в сдаче и получении вещей фамилией Алафузова [3]).

Николай Иванович Рысаков поступил 2 марта, в 4 ч. дня, из Петропавловской крепости и возвращен туда же 4 марта, в 11¼ веч., т. к. предполагалось тотчас же судить его. Характерно, что арестованный доставлен был в «комиссию» без шапки, которая, впрочем, уже имелась, когда Рысакова привезли вторично 12 марта, в 3 часа ночи. На этот раз Рысаков содержался здесь до 4 ч. ночи 24 марта, когда его перевезли в дом предв. заключения.

Андрей Иванович Желябов поступил 3 марта, в $3^3/_4$ часа ночи, из дома предварительного заключения, куда он был помещен после

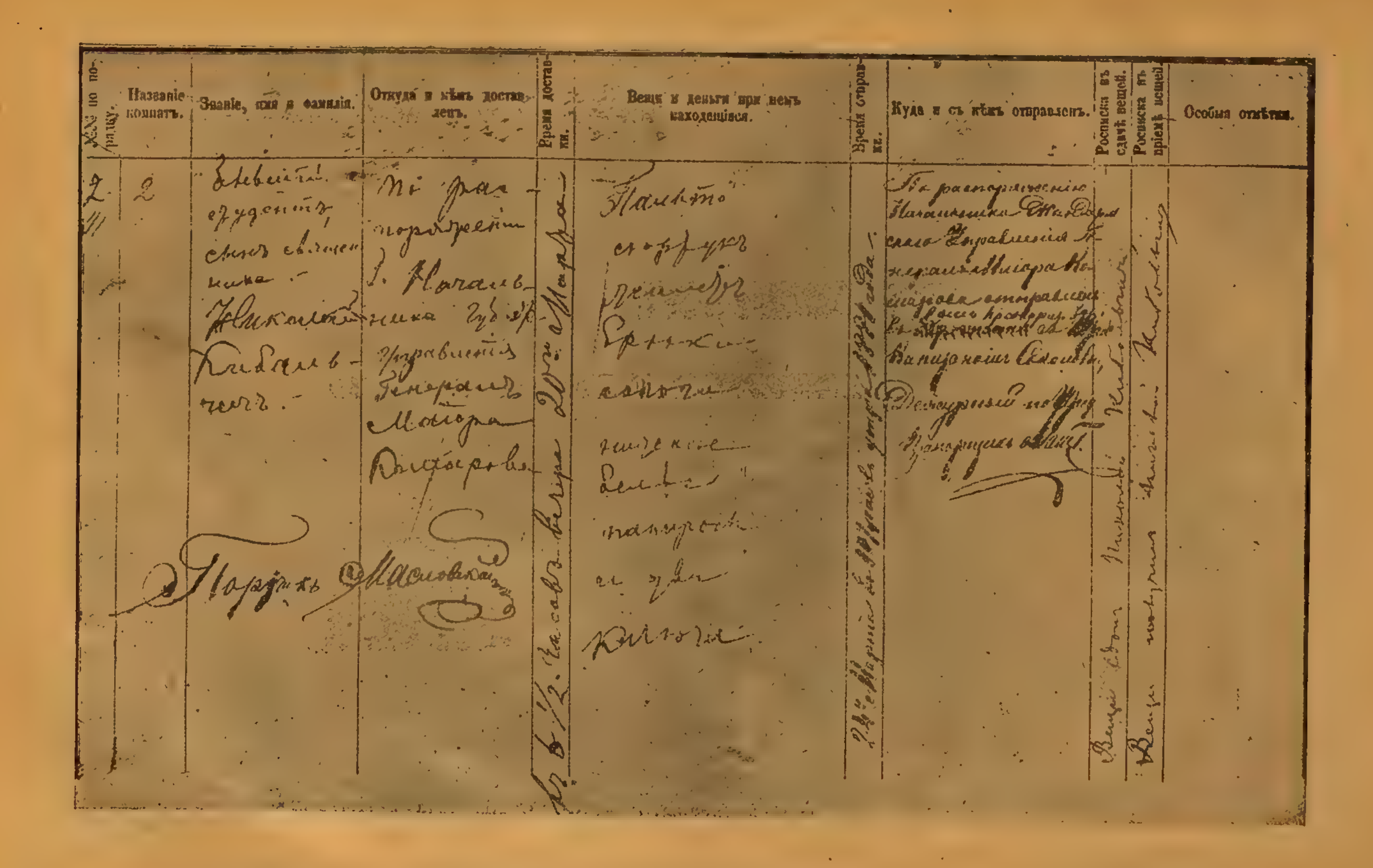
---

[1]) «Четвертым узником» равелина, о котором говорит Н. С. Тютчев (см. выше) был не — «Шевич», а Бейдеман, о котором см. в известной книге П. Е. Щеголева «Таинственный узник». О смерти Ширяева см. так же у Щеголева в статьях «Нечаев в Алексеевском Равелине» в «Красн. Арх.», №№ 3—6, в частности стр. 197, № 5-го. Ширяев умер 18 августа 1881 г. от бугорчатки и воспаления правого легкого. Обстоятельства смерти его могут считаться — выясненными. Ред.

[2]) Официальные документы «О смерти арестанта Николая Клеточникова». См. у Щеголева, «Кр. Арх.» — ук. ст., стр. 102—103, том VI. Ред.

[3]) См. письма А. И. Баранникова в № 10—11 «Былого» за 1918 г.

№№ по порядку.	Названіе комнатъ.	Званіе, имя и фамилія.	Откуда и кѣмъ доставленъ.	Время доставки.	Вещи и деньги при немъ находящіяся.	Время отправки.	Куда и съ кѣмъ отправленъ.	Росписка въ сдачѣ вещей.	Росписка въ пріемѣ вещей.	Особыя отмѣтки.
37	1	Софія Перовская. Прапорщикъ Мелентьевъ	Штабсъ-Капит. Соколовскій	11 е Марта [illegible] часа пополуночи	Платье. Кольцо золот. Папиросы. Запонки отъ рукава изъ 2 гин. и 5 коп. серебр. и бархатная коробочка маленькая съ альбомъ.	24 Марта 1881 г. въ [illegible] вечера. 11 Марта въ 6 часовъ вечера	Отправлена съ Штабсъ-Капит. Соколовскимъ въ крѣпость. Привезена обратно Штабсъ-Капит. Соколовскимъ въ 8½ ч. вечера. По распоряженію Г. Исполняющаго Должность Губернскаго Жандармскаго Управленія отправлена съ Штабсъ-Капитаномъ Соколовскимъ въ [illegible]. Дежурный по Штабу Штабсъ-Капитанъ [illegible] [illegible] Дежурный по Штабу Прапорщикъ [illegible]			Вещи получила Варвара Перовская

№№ по порядку.	Названіе комнатъ.	Званіе, имя и фамилія.	Откуда и кѣмъ доставленъ.	Время доставки.	Вещи и деньги при немъ находящіяся.	Время отправки.	Куда и съ кѣмъ отправленъ.	Росписка въ сдачѣ вещей.	Росписка въ пріемѣ вещей.	Особыя отмѣтки.
2	2	Бывшій студентъ, сынъ священника Николай Кибальчичъ. — Поручикъ Масловскій	По распоряженію Начальника Губ. [illegible] Управленія Генералъ Маіора [illegible]	въ 6½ часовъ вечера 20го Марта	Пальто, сюртукъ, жилетъ, брюки, сапоги, нижнее бѣлье, папиросы и 2 ключа.	24го Марта въ 10 час. утра 1881 года.	По распоряженію Начальника [illegible] Управленія Генералъ Маіора [illegible] отправленъ въ домъ предвар. заключ. съ [illegible] Соколовымъ. Дежурный по [illegible]	Вещи сдалъ Николай Кибальчичъ	Вещи получилъ Николай Кибальчичъ	

ареста 27 февраля, т. к. тогда власти еще не знали о его руководящей роли в партии и организации нового цареубийства.

После признаний Рысакова, Желябова тотчас же, ночью, перевезли из д. пр. закл. и доставили в «комиссию», где он и сделал свое известное заявление о своем участии в организации цареубийства 1-го марта.

4-го марта, в $11^1/_4$ ч. вечера, Желябов отправлен был в крепость (для предполагавшегося суда), причем его сопровождал туда впоследствии снискавший столь печальную известность шт.-кап. Соколов — будущий смотритель Алексеевского равелина и Шлиссельбурга («Ирод»).

Расписки Желябова в получении своих вещей в «Книге» нет (есть только отметка, что его серебр. часы переданы ш.-к. Соколову): его, повидимому, прямо с допроса отправили в крепость, не заводя в камеру № 4, где он содержался со 2-го марта.

Софья Львовна Перовская была арестована 10 марта 1881 г., на Невском просп. В камеру № 1, как значится в «Книге», ее посадили ночью на 11 марта, в 4 часа пополуночи, а до этого времени ее, очевидно, продержали на допросе в «комиссии». Доставил ее тот же шт.-кап. Соколов. Собственной ее подписи в сдаче вещей в «Книге» нет, есть только перечень отобранных у нее предметов: пальто, золотое кольцо, пенснэ, запонки к рукавчикам из 20 и 5 коп. серебряных монет и воротниковая маленькая вуалька. Все эти вещи обратно получила уже не сама С. Л., а ее мать, Варвара Степановна.

В тот же день, 11 марта, в 6 ч. вечера, С. Л. Перовская была отправлена в крепость (вероятно, для пред'явления кому-либо), но в тот же вечер, в $8^3/_4$ часов, ее вернули обратно и вновь водворили в той же камере, где С. Л. и просидела до суда. В д. пр. закл. ее увезли 24 марта, в 3 ч. 25 дня. Таким образом, свое известное письмо к матери, датированное 22 марта, С. Л., очевидно, писала тут же, в камере № 1.

В связи с взятыми у С. Л. Перовской адресами подруг распропагандированных Нечаевым равелинских солдат, арестован был 12 марта и содержался при деп. до 20 марта 81 г. унтер-офицер комендантского упр. Александр Дубровин. Отправлен он был в д. пр. закл. Арест этот не помешал равелинцам сноситься после этого с исп. ком. еще более года [1]).

В связи с делом 1-го марта, в числе заключенных значится «неизвестный», который доставлен был из крепости 2-го марта, в 4 ч. дня, а 3-го марта, в $11^1/_2$ дня, увезен был обратно, но в 4 ч. того же дня его вновь вернули и снова посадили в камеру № 2 (рядом с Рысаковым), в которой, до отправки в крепость, он и просидел до 9 ч. вечера 4-го марта. Особенность его записи в «Книге» состоит в том,

---

[1]) Об адресах равелинских солдат, взятых у С. Л. Перовской при ее аресте (а также еще раньше о таких же адресах, взятых при аресте Желябова), см. в новейшей работе П. Е. Щеголева: «Нечаев в Алексеевском равелине», «Красн. Арх.» № 5, стр. 189—191. Ред.

что в рубрике «вещи и деньги» и пр. ничего не обозначено, т.-е. арестанта не переодевали во всё казенное и собственных его вещей у него и не было, и он доставлен был одетым во всё казенное. Следовательно, это был один из осужденных по предыдущим процессам, содержавшийся в крепости, и потому он хорошо был известен жандармам.

Нам известно теперь из следственного производства по делу 1-го марта, что под именем этого «неизвестного» фигурировал Иван Окладский, о котором впереди особая речь.

Другой «неизвестный» доставлен был 8 марта, в 12 часов ночи, судя по записи, из «комиссии», и на другой день, в 3 часа дня, препровожден был в крепость. Он имел собственные вещи, так что это не был кто-либо из осужденных уже, как И. Окладский. Возможно, что это был Василий Меркулов.

Через три дня после этого «неизвестного» привезен был из крепости, в 3 часа ночи, 12 марта, Мих. Ник. Тригони.

Обратно в крепость Тригони увезен был 21 марта, в 2 ч. дня.

В тот же день, в только-что покинутую им камеру № 4 посажен был «Денис Капустин», т.-е. Мих. Фед. Фроленко, арестованный 17-го марта, в квартире Н. И. Кибальчича.

М. Фроленко отправлен был в крепость, но в «Книге» не указано, когда именно.

Николай Иванович Кибальчич был арестован 17-го марта, на своей квартире, по Лиговке, 83, а в «Книге» отмечен прибывшим только в 6½ час. веч. 20 марта. Он заключен был в камере № 2, рядом с Перовской, но в камерах первомартовцев день и ночь дежурили часовые, так что, очевидно, соседям снестись друг с другом было невозможно. В дом предварительного заключения Кибальчич отправлен был в 10½ ч. утра 24 марта.

С 2-го по 31 мая 1881 г. содержался в заключении лейтенант Александр Павлович барон Штромберг, о непосредственном участии которого в деле 1-го марта власти в это время еще не знали. Штромберг был сослан, вследствие этого, администр. порядком в г. Верхоленск, Ирк. губ. Но, когда участие его в цареубийстве 1-го марта 81 г. было установлено оговорами разных лиц, Штромберга вернули из Сибири, и, по процессу В. Н. Фигнер, он был приговорен к смертной казни и казнен, одновременно с Рогачевым, в 1884 г., в Шлиссельбурге [1]).

Помимо только-что перечисленных участников 1-го марта, в здании у Цепного моста находилась также в это время часть тела погибшего при взрыве 1-го марта Игнатия Иохимовича Гриневецкого.

Лет семь спустя, когда я впервые вновь встретился с Дм. Ал. Клеменцом, он рассказал мне инцидент, который произвел на него очень тягостное впечатление . . .

---

[1]) Казнен вместе с Н. П. Рогачевым, на Большом Дворе цитадели, в Шлиссельбурге, 10 октября 1884 года.

Ред.

Через несколько дней после 1-го марта, Клеменца привезли из крепости в III отделение, но ввели не в «комиссию, и не в тюрьму, а в какой-то неотапливаемый сарай, находящийся на дворе отделения. Туда же явились чины прокуратуры и жандармские офицеры. После этого ему пред'явлена была заспиртованная в банке голова неизвестного ему молодого человека, с многочисленными поранениями всего лица.

Последовал вопрос: «знаете ли вы, кто это?» — «Нет, не знаю». — «Вы знаете Ник. Серг. Тютчева?» — «Да, мы были знакомы». — «Не он ли это?». Клеменц подтвердил, что это не я, и тогда ему сообщили о событии 1-го марта и что пред'являемый ему неизвестный бросил бомбу, от взрыва которой погибли Александр II и сам, бросивший ее.

Слух об этом предположении жандармов о фамилии «неизвестного» проник тогда же и в газеты. В «Голосе» (№ 68) было помещено известие, что погибший при взрыве «неизвестный», оказался таким-то, бежавшим из В. Сибири [1]).

Хотя Клеменцу жандармы, повидимому, и поверили, но запрос в Читу и в Баргузин, — нахожусь ли я на месте? — все же был сделан [2]).

IV.

П. С. Поливанов рассказывает, что 27 октября 1882 г. его привезли из Саратова в Петербург и поместили в арестантском отделении, у Цепного моста [3]).

«Проходя мимо двери № 1, я был удивлен тем, что она была не только заперта, но и *запечатана*. Замок был обвязан бичевкой, концы которой были припечатаны к четвертушке бумаги», — сообщает Поливанов. — «Ничего подобного ни у меня, ни у моего соседа в № 3 не было, и кто сидел в № 1, — я и до сих пор не знаю. На следующий день я убедился, что всякий раз, когда заходили к этому таинственному узнику, при этом присутствовал офицер, лично взламывавший печать и снова запечатывавший замок». — «К этому узнику, — говорит Поливанов, — заходили после всех, и однажды он даже отчетливо слышал, как офицер спросил жандарма: «а сургуч у тебя есть?» — «Точно так, в. бл.!», — послышался ответ.

Поливанов несколько раз пытался стуком вызвать на разговор узника в № 1, но к его зову последний оставался глух...

---

[1]) Подробнее об этих сообщениях «Голоса» см. во вступительной статье. Ред.

[2]) По странной случайности, за несколько дней до 1-го марта мой отец в проехавшей мимо него конке увидел молодого человека, которого он принял за меня. Это сильно встревожило его, а известие в «Голосе» (которое он опроверг в следующем-же №) окончательно подавило. Мое письмо, вскоре полученное из Баргузина, успокоило, наконец, старика.

[3]) П. Поливанов «Алексеевский равелин». Отрывок из воспоминаний. Изд. Вл. Распопова. 1905 г.

Несмотря на чрезвычайную точность всех описаний П. С. Поливанова, картинно рисующих жизнь заключенных в Трубецком бастионе и особенно в Алексеевском равелине, этот его рассказ о каком-то «таинственном узнике» — о какой-то своеобразной «Железной Маске» царствования Александра III — вызывал у читателя если не сомнения, то, во всяком случае, некоторый скептицизм...

В настоящее время рассказанный Поливановым эпизод может считаться доказанным, благодаря нашей «Книге». Теперь мы знаем, что в указываемое время в камере № 1 сидел известный Я. В. Стефанович...

На стр. 60 «Книги» записано, что 18-го февраля 1882 г. был принят и посажен в комнату № 1 дворянин Михаил Огрызко, доставленный из Москвы, по распоряжению деп. гос. полиции. «Вещи сдал М. Огрызко», — значится в рубрике сдачи вещей, которых у арестованного оказалось столько, что опись их не уместилась в рубрике, а захватила еще две других.

3-го июня того же года, при передаче арестованного пор. Кандыбе, для доставления его в крепость, все эти вещи получил Яков Стефанович.

Итак, в этот первый раз Стефанович содержался при деп. гос. полиции более 3½ месяцев. Как мы увидим дальше, Стефанович после этого еще дважды сидел в той же камере, и второй раз он содержался в ней более 8 месяцев.

Чем же было вызвано столь необычно длительное пребывание этого заключенного в тюрьме при деп. полиции?

Сам Яков Васильевич неоднократно рассказывал впоследствии товарищам по этапам и по Каре, что ему поручено было директором деп. полиции В. К. Плеве написать «Историю революционного движения»; он принял это предложение и, пользуясь доставлявшимися ему материалами и текущими делами из деп. полиции, написал эту «Историю». Поэтому ему и пришлось так долго (почти все время предварительного заключения, а также и после суда, до отправки в Сибирь), просидеть при деп. полиции. Конечно, такого рода историческая работа в достаточной степени об'ясняет столь долгое заключение Я. Стефановича при департ. полиции... К сожалению, в нашем распоряжении пока еще нет самого исторического труда Стефановича, почему мы и лишены пока возможности судить, насколько Стефанович был *об'ективен*, как он утверждал товарищам, при изложении и, главное, при освещении событий, и не были ли сделаны им выводы, полезные для политического сыска. Почему именно ему, а не любому интеллигентному человеку, Плеве поручил исполнить эту компилятивную работу? Мы пока этого не знаем, но нам известно из собственноручных писем самого Стефановича, что в это именно время он не только писал «Историю», но и вел с В. К. «разговоры» и «переговоры» о способах прекратить террор... [1]).

---

[1]) Ср. ниже статью: «К характеристике Як. Стефановича». Ред.

Вот результат одного из известных нам «разговоров»:

Э. С. (Э. А. Серебряков) сообщил, со слов покойной М. Н. Ошаниной-Баранниковой (урожд. Оловенниковой), видного члена исполнительного комитета Народной Воли, жившей в 80 г.г. в Париже под фамилией М. Н. Полонской, следующий эпизод:

«В Москве, между прочим, были арестованы Стефанович, Буланов (Анатолий, *Н. Т.*), Юрий Богданович и др. М. Н. и Богданович жили в это время на одной квартире (по Садовой ул., в д. Бычкова, под фамилией Прозоровских. *Н. Т.)*; они заметили за собою слежение. М. Н., поднимаясь по лестнице, заметила, как из-за стоявшего там шкафа выглядывала фигура сыщика, а в стоящем во дворе кучере узнала начальника московской охраны. Они с Богдановичем решили убраться из квартиры и благополучно ушли. Прошло дня два-три, никто квартиры не трогал, и Богданович решил, что он успеет еще раз зайти на квартиру и сможет забрать там кое-что, что ему казалось ценным. Его отговаривали, но он все-таки пошел и был там арестован». («Былое», 1907 г., июнь, «К истории партии Народной Воли». «Показания» М. Н. Полонской. С пред. Э. С.).

В этом же Париже, на улице Boulard, существовал до революции 1917 г. (а, может быть, существует и теперь?) архив центрального комитета партии с.-р. В нем сохранялась также часть архива «Н. Воли». В числе документов ее архива имеются несколько обширных писем Я. Стефановича, которые он писал, сидя при деп. полиции, Л. Дейчу, жившему в то время за границей. Благодаря счастливой для истории случайности, письма эти получались не Л. Дейчем, а Л. Тихомировым и М. Н. Ошаниной, почему они и сохранились до сего времени в архиве п. с.-р. Подробно излагая свои переговоры и разговоры с Плеве и сделанные ему предложения, Стефанович, между прочим, писал, что в разговоре с Плеве он как-то проговорился, подтвердив, что под именем Прозоровского скрывается Ю. Богданович (Кобозев)... При этом «разговоре», если мне не изменяет память, Плеве обещал ему, Стефановичу, что живущая с Богдановичем женщина арестована не будет...

Нужно ли прибавлять, что автор чигиринской мистификации крестьян, «революционер», об'яснявший в письмах к приятелю свое вступление в члны Народной Воли намерением изнутри взорвать партию и дать *иное* направление ее деятельности, автор «Истории революц. движения», написанной ad usum д-та полиции и пр. и пр., что такой человек *не мог* в «разговоре» с Плеве невольно проговориться? Все, знавшие Стефановича [1]), такой «обмолвки» с его стороны допустить не могут.

В результате таких «разговоров в деп. полиции» Стефанович, член партии Нар. Воли и инициатор чигиринского тайного братства крестьян, вместо *бессрочной* каторги, к которой его приговорило особое присутствие сената, попал всего на 4 года каторги [2]), тогда

---

[1]) В это время ему было уже 30 л., и зеленым юношей он давно уже перестал быть.

[2]) Ср. ниже стр. 110. Ред.

как судившиеся «по чигиринскому делу в Киеве» Малавский и Ю. Круковская *только за то, что они «очистили» квартиру Стефановича*, осуждены были: Малавский на 16 лет, а Ю. Круковская на 14 лет каторжных работ [1]).

В обвинительном акте по процессу «о 17 лицах» (1883 г.), в котором судились Ю. Богданович и Я. Стефанович, указано, что Стефанович был арестован 6 февраля 82 г. и затем изложены обстоятельства его ареста. Непосредственно вслед за тем в том же акте сказано: «вслед за сим в Москве был произведен ряд арестов выдающихся членов сообщества. Первым арестован... Юрий Богданович (10-го марта)... Проживавшая вместе с Богдановичем, под именем его жены, *неизвестная женщина* (?) успела скрыться. Вскоре затем, 23 марта, были открыты квартиры» (И. Калюжный и Н. Смирницкая) и т. д.

Находятся ли эти дальнейшие аресты тоже в связи с «разговорами» Стефановича с В. К. Плеве, из обвинительного акта не видно.

Увезенный 3 июня 1882 г. вечером в Петропавловскую крепость, уже через неделю Стефанович вновь появляется при департаменте полиции, но 10 июня он значится принятым уже «из дома предварит. заключения». Итак, в течение одной недели он содержался и в крепости, и в доме предв. заключения, чтобы замаскировать его постоянное заключение при деп. полиции?

На этот раз Стефанович содержался при деп. полиции вплоть до суда (происходившего с 28 марта по 5 апреля 1883 г.). В дом предв. закл. он увезен был 26 марта 1883 г.

Особенность его содержания на этот раз отмечена в «Книге» примечанием: «вещи при арестованном». Такой льготой пользовался в этой тюрьме из политических только один Стефанович, если не считать редких исключений, когда заключенным женщинам, с разрешения дир. деп. полиции, позволялось иметь в камерах некоторые части их туалета, а писавшим «покаянные» или «проекты» — иметь писчие принадлежности.

Из уголовных заключенных, Кони тоже имел при себе, в камере, свои вещи.

Это второе заключение Стефановича при деп. полиции и отметил П. С. Поливанов, рассказав, что неизвестный ему узник сидел в камере № 1, *запечатанный сургучной печатью!*

---

[1]) Характерно также отношение защитника Я. Стефановича, прис. пов. Кедрина, к своему клиенту. Его первая речь в защиту Буцевича являлась панегириком подсудимому, вторая-же — в защиту Стефановича — была «сухим перечнем фактических опровержений обвинения и на слушателей скорее произвела впечатление вынужденной защиты... и как бы указывала на отсутствие у него больших симпатий к клиенту» (А. В. Прибылев. «Процесс 17 лиц 1883 г.» — «Былое», № 11, 1906 г.).

Стефанович, вступивший в соглашение с директором деп. пол. [1]), понятно, не мог в то же время сноситься с другими заключенными, не желая, конечно, обнаруживать своего длительного пребывания при деп. полиции, но Поливанову все это было неизвестно, и он неоднократно пытался перестукиваться с таинственным соседом. Как мы уже говорили, сосед не откликался . . .

Департамент полиции, понимая, что собственные интересы заставят Стефановича изолироваться от других заключенных, *запечатывая* его, имел целью предупредить сношения не с ними, а *с часовыми-жандармами*, с которыми, вследствие долговременности заключения, Стефанович мог завязать более близкие отношения и пытаться через них, минуя официальный контроль, пересылать письма на волю.

С формальной же стороны, чтобы не шокировать самолюбия нужного департаменту заключенного явно выраженным ему недоверием, предлогом подобной изоляции могло быть выставлено желание д-та сохранить тайну документов и дел, доверяемых «историку революции».

Во всяком случае, в данных условиях *«запечатывание» Стефановича могло практиковаться только с его согласия, хотя бы и молчаливого.*

Третий раз Яков Стефанович появился в той же камере уже после суда: он привезен был 20 апреля 1883 г. из дома предв. закл. и увезен туда же 30-го того же месяца. При каких условиях он сидел эти 10 дней, сведений у нас пока нет. Известно только, что кроме «Истории», он написал еще и «Записку об эмиграции» [2]).

Вскоре после этого Стефанович отправлен был на Кару. В период первой революции он опубликовал свои карийские воспоминания — «Дневник карийца». В них автор, следуя обычному настроению и психологии большинства ренегатов, желчно относится ко всему, чему ранее поклонялся, а сотоварищей-каторжан пытается опошлить и загрязнить . . .

Вернувшись после 1905 г. в Европ. Россию из ссылки, Стефанович уже не принимал непосредственного участия в общественной жизни; он вел уединенную жизнь на родине, в Киевской губ., где, несколько лет тому назад, он и умер.

---

30 января 1881 г. привезен был в первый раз в деп. полиции арестованный накануне, на квартире Колоткевича, мещанин, б. технолог, *Лев (Лео) Солом. Златопольский.* Его продержали здесь до 7 февраля и отправили затем в дом предварительного заключения.

---

[1]) Перед арестом Стефанович хотел повторить свой чигиринский опыт с подложными манифестами, имея в виду раскольников. Некоторые практические шаги в этом отношении были им уже приняты. Этим проектом высшие сферы очень заинтересовались, а в частности мин. вн. дел гр. Игнатьев и Плеве. Мы передадим впоследствии подробности этого эпизода, еще совершенно неисследованного в печати.

[2]) Ср. ниже статью: «К характеристике Я. Стефановича». Ред.

Вторично Лео Златопольский попал в тюрьму при деп. полиции «по распоряжению директора деп. гос. полиции» уже из крепости, 16 января 1882 г., одетый в «арестантское платье». 21 января он был перевезен в дом предв. закл.; судился Лео Златопольский в особом присутствии сената 9—15 февраля того же года, по «процессу 20-ти».

Почему он был в арестантском костюме еще до суда—остается невыясненным, а причина его привоза, перед самым судом, в деп. полиции — будет ясна из дальнейшего.

Наконец, в третий раз Лео Златопольский был привезен в тюрьму при деп. полиции уже осужденным на 20 лет каторжных работ, 2 марта 1882 г., и по распоряжению Плеве ему «выданы были в камеру письменные принадлежности».

Посажен он был в камеру № 4 и писал там свой проект новой социальной организации общества, а в это же время, в камере № 1, Я. Стефанович писал свою «Историю революционного движения».

Сущность этого проекта Златопольского мы изложим ниже, теперь же скажем, что Златопольского держали в этот раз при деп. полиции до 27 мая, когда, по распоряжению директора деп. пол., он был отправлен «к месту назначения», т.е. в крепость. На Кару Златопольский пошел в партии 1883 г., а до этого его продержали еще год в Петропавловской крепости.

К нему деп. полиции не отнесся так отечески мягко, как к Стефановичу, и понятно почему: он не давал в руки жандармов полезных для сыска данных.

В архиве б. деп. полиции найдено «Дело № 29» — 1882 г. «По заявлению государственного преступника Лео Златопольского» — начато оно 15 января и окончено 11 августа 1882 г. На обложке надпись: «хранить всегда».

15 января 1882 г. комендант крепости переслал директору деп. полиции прошение Л. Златопольского о «желании его передать словесно директору деп. полиции сведения о современном социально-революционном движении».

Переведенный на другой же день в тюрьму при деп. пол., Златопольский, после разговора с Плеве, принялся излагать свой проект социального оздоровления, и результатом его работы явилась записка: «Идейные люди» — на 15 полулистах, которую он и передал 21 января Плеве, после чего сейчас же был отправлен уже не в крепость, а в дом предварительного заключения.

Отсюда, 29 января, Златопольский в дополнение к «Идейным людям» написал докладную записку, касающуюся взводимого на него обвинения. Ссылаясь на обвинительный акт и приводимый в нем оговор его Гольденбергом, Златопольский говорит, что со слов его защитника ему известно, что в этом оговоре Гольденберг показывал о Савелии Златопольском, но обвинительный акт почему то не упомянул об этом, а приписал обвинение ему, Льву Златопольскому.

Затем Златопольский отрицает свою тождественность с «механиком Львом», участником, по оговору В. Меркулова, в приготовлениях осенью 1879 г. в г. Одессе к цареубийству.

Он говорит, что, по понятным мотивам, не может назвать того, кто фигурирует под этой кличкой, но уверен, что это лицо само назовет себя, когда узнает, что другому приписываются его деяния. Узнать же это лицо может только после обнародования судебного следствия предстоящего процесса.

Таким образом, ему, Златопольскому, остается ждать приговора, и на суде он не может даже по существу оправдываться. Если же «механик Лев» и после суда не сделает соответствующего заявления, то он, Златопольский, будет считать себя в праве не хранить молчания, ибо по своим убеждениям он не террорист.

Следующее заявление Златопольского датировано 17-м февраля и послано им из дома пр. закл. уже после суда, приговорившего его к 20 годам каторги.

«Приговорили меня, — пишет он, — не к смертной казни, гораздо снисходительнее, чем бы следовало по букве закона. Но, конечно, особое присутствие имело на это и основание и право». Далее он выражает вновь уверенность, что через несколько месяцев новый политический процесс «покажет полную его невиновность», и он, Златопольский, будет реабилитирован и освобожден. Между прочим, тут же Златопольский говорит о каком-то другом «проекте», поданном им на высочайшее имя. Проекта этого в деле нет.

На другой день Златопольского вновь привезли в деп. пол., где он вновь беседовал с Плеве о своем «проекте». Из нового заявления Златопольского, от 27 февраля, посланного уже из крепости, куда накануне он привезен был из д. пр. закл., видно, что Плеве поручил ему изложить этот проект письменно.

Он спрашивает о «размере времени», коим можно располагать для удовлетворительного исполнения предпринятого труда, и просит снабдить его «департаментскими конвертами» для предупреждения предварительной цензуры. Срок для окончания этой работы—около месяца, а так как условия крепости (темнота помещения, отсутствие стула, неудобоваримая пища и пр.) не соответствуют успешности работы, то он просит перевести его в департамент.

Нужно удивляться, что именно могло заинтересовать Плеве в «проекте» Златопольского, являющегося одной из многочисленных вариаций на тему, разработанную в известном романе Беллами, тем более, что Златопольский держал себя, видимо, корректно, никого не выдавая и текущих дел не касаясь. Факт тот, что Златопольский уже на следующий день был вновь в тюрьме при департаменте пол., где и писал свой «проект» целых три месяца... 27 мая, в своем заявлении директ. деп. пол., он пишет, что, «получив разрешение не стесняться временем», он начал свой труд и увидел, что, вместо предполагавшихся 5—6 печ. листов, его сочинение займет листов 30... Исполненная им половина труда потребовала трех месяцев, вторая половина потребует еще больше... Приложено и оглавление этого

труда — «Основание рациональной системы общественно-экономической деятельности» и общее введение — на 14 полулистах. В заключение Златопольский просит директора принять его «в свободную минуту». Повидимому, эти 30 печ. листов и более 3-х месяцев возымели обратное действие, и долготерпение Плеве, ничего практического из Златопольского не извлекшего, на этот раз лопнуло, ибо в тот же день его перевезли в крепость, вместе с его «трудом».

30-го июля комендант сообщил Плеве, что Л. Златопольский «желает заявить о чем-то важном», Златопольского снова вызвали в деп. пол., но уже не спешно на этот раз, а 12 августа, и после приема его у Плеве его в тот же день отвезли обратно, в крепость.

Очевидно, к этому времени всякий интерес к его «проекту» уже испарился в жандармском ведомстве!

По существу этот труд Златопольского, как мы уже упомянули, ничего интересного и нового собою не представляет; в рисуемой им будущей, возможной, по его мнению, идиллии все довольны: и рабочий, и крестьянин, и капиталист и... само правительство, поэтому не имеет быть места и террору, этой bête noire русского правительства перед предстоявшей коронацией Александра III.

Попытка Плеве, предпринятая им в эти годы при помощи многочисленных, намечавшихся им эмиссаров (Стефановича, О. Любатович, Николадзе и др.) вступить в соглашение с Народной Волей ради временного прекращения террора, не удалась ему и в иной сфере: для него, как практика, стоящего исключительно на злободневной почве, «проект» Златопольского, очевидно, являлся не более, как навязчивой мыслью кабинетного теоретика-идеалиста.

Л. Златопольский умер на поселении, в г. Чите, в феврале 1907 г.

Апрель 1918 г.

Приложение [1]).

«Правдивый исследователь старины».

В статье: «Здание у Цепного моста» (Былое», №№ 10—11) г. Тютчев производит в высшей степени пристрастное прокурорское дознание, стараясь вырвать у читателей злой приговор над памятью Якова Стефановича. Неоспоримым данным этого дознания является долговременное пребывание Стефановича под арестом при III отделении.

Г. Тютчев рассказывает, что сам Стефанович об'яснял товарищам по этапу и каторге свое пребывание при III отделении тем, что, по поручению Плеве, писал «историю революционного движения, пользуясь доставлявшимися ему материалами и т е к у щ и м и д е л а м и (курсив В. З.) из департамента полиции».

Стефанович писал не «историю», а записку о революционном движении, которую Плеве обещал доложить царю. Записку все на ту-же тему, занимавшую так много места между 1-м марта и коронацией, — о том, что вызвало в мирных пропагандистах настроение, приведшее к террору, и что должно сделать правительство, чтобы исчезло это настроение.

Я видалась с Стефановичем после его возвращения из Сибири только в ноябре и дек. 1905 г. В тогдашнем водовороте нам было не до того, чтобы перебирать прошлое. Об этой записке мог бы гораздо лучше написать Дейч, пробывший со Стефановичем несколько лет на Каре. Но, что я знаю наверное, так это то, что никаких «текущих (т.-е. незаконченных, о которых еще производилось следствие) дел» Стефановичу не давали и говорить о них он не мог. Но для наводящих внушений эти «текущие дела» далеко не бесполезны.

Написанной Стефановичем «истории» г. Тютчев еще не имеет в своем распоряжении, «почему, — продолжает он, — мы и лишены пока возможности судить, насколько Стефанович был о б ' е к т и в е н, как он утверждал товарищам, и не были-ли сделаны им выводы, полезные для политического сыска».

На стр. 212-й г. Тютчев еще «лишен возможности судить», но на стр. 216-й он рассудил.

В то же время, когда Стефанович писал в камере № 1-й свою «историю», в № 4-м Златопольский писал проект новой социальной организации, но «к нему департамент полиции не отнесся так отечески мягко», как к первому: Стефанович продолжал себе писать, а Златопольского через

---

[1]) Статья Н. С. Тютчева: «Здание у Цепного Моста», в той части, которая касается Я. В. Стефановича (см. выше стр. 93—97) вызвала резкую критику, и даже протест, со стороны В. И. Засулич (а в новейшее время со стороны Л .Г. Дейча, о чем см. приложение к этой книге, стр. 167). В № 13 «Былого», за 1918 г., на стр. 178—181, В. И. Засулич поместила заметку: «Правдивый исследователь старины», посвященную защите Я. В. Стефановича. Вскоре после опубликования этой заметки В. И. Засулич умерла, так что отвечать на данную ею критику, Ник. Серг. пришлось, когда Веры Иван. не было уже в живых. Статья Н. С. Тютчева, написанная в возражение В. И. Засулич, помещена ниже, но для того, чтобы читатель мог полнее ориентироваться в этом вопросе о Стефановиче, мы приводим здесь полностью заметку В. И. Засулич, ничего из нее не выбрасывая. Р е д.

3 месяца отправили обратно в крепость, «и понятно почему: он не давал в руки жандармов полезных для сыска данных».

Кроме писания «истории» Стефанович вел с Плеве разговоры, и результатом одного из разговоров был арест Богдановича, — повествует далее г. Тютчев. Источником его сведений об этом, как и об «истории», является опять-таки сам Стефанович, ибо «в архиве партии с.-р. хранится часть архива «Народн. Воли» и среди других документов имеются письма Стефановича к Дейчу, которые по счастливой случайности попали не к тому, кому предназначались, а к Тихомирову и Ошаниной». Так вот в этих письмах Стефанович, будто бы, сообщает, что «в разговоре с Плеве как-то проговорился» относительно имени, под которым жил Богданович. И дальше слова «проговорился в разговоре» г. Тютчев ставит уже в кавычки, как будто это слова Стефановича.

В подлинных письмах Стефановича такой фразы нет, как нет, впрочем, и подлинных его писем в архиве «Нар. Воли».

Стефанович, действительно, передал своему адвокату два письма для пересылки их Дейчу, и эти письма попали в руки Тихомирова и Ошаниной. «Счастливая случайность» заключалась в том, что привез их приехавший каяться Дегаев. Когда мы узнали о существовании этих писем, они были нам переданы. Их читали — все ближайшие друзья, бывшие в то время за границей. Одни из них уже умерли, — Кравчинский, Плеханов, Хотинская; другие еще живы и наверно каждому читавшему врезались в память трагические строки, относящиеся к Богдановичу: «Судейкин наклонился ко мне и, глядя в упор мне в глаза, вдруг спросил: — «а, ведь, под фамилией Прозоровского скрывается Богданович?» — Я любил Богдановича больше всех в России; я почувствовал, как вся кровь бросилась мне в лицо, и у меня вырвалось восклицание, подтвердившее догадку Судейкина».

Я не ручаюсь за буквальную точность своей передачи этих строк, но уверена, что передаю их очень близко к подлиннику. Я помню, что у всех читавших на ряду с ужасом перед самым фактом этого невольного преступления, просыпалась и жгучая жалость к самому Стефановичу. Несомненно, до самой смерти эта минута осталась самым тяжким его воспоминанием.

Помню отзыв Плеханова: «его можно обвинить только в том, что, так плохо владея своими расшатанными нервами, он вернулся к революционной работе в России».

Опираясь затем на свою, приписанную им Стефановичу подлую фразу — «в разговоре как-то проговорился», — г. Тютчев показывает затем умышленность предательства со стороны Стефановича.

«Нужно-ли прибавлять, — пишет он, — что автор чигиринской мистификации крестьян, «революционер», об'яснявший в письме к приятелю свое вступление в члены «Народн. Воли» намерением изнутри взорвать партию и дать иное направление ее деятельности, автор «истории революц. движения» ad usum д-та полиции и пр., и пр., — что такой человек не мог в «разговоре» с Плеве невольно «проговориться?».

Невольно не мог, следовательно, выдал умышленно. Без очередной и весьма крупной фактической неправды г. Тютчев не обошелся и в только что приведенной тираде. Никогда Стефанович не об'яснял свое вступление в «Народн. Волю» намерением «изнутри взорвать партию», но с негодованием сообщил, что такое обвинение взвел на него и Дейча один заграничный народоволец.

«Находятся-ли эти дальнейшие аресты (Калюжного со Смирницкой и друг. В. З.) в связи с «разговорами» Стефановича с В. К. Плеве, из обвинительного акта не видно», — инсинуирует затем г. Тютчев, очевидно, надеясь, что хорошо подготовленный читатель сообразит, что «находятся».

Даже сообщая о постигшем Стефановича наказании, г. Тютчев считает нужным уменьшить его ровно вдвое. Не 4 года, а 8 лет провел Стефанович в Карийской каторжной тюрьме и лишь в 1890 году он был отправлен по этапу на поселение в Якутскую область. Непонятно, зачем

понадобилось г. Тютчеву последнее заушение такой простой истины? По отношению к тем аргументам, которые он приводит для доказательства противуестественной мягкости приговора над Стефановичем, 8 лет каторги годились бы так же точно, как и 4.

В самом деле, инициатор, Стефанович, приговорен к 8 годам, а такие третьестепенные подсудимые по чигиринскому делу, разбиравшемуся в 1878 году в Киеве, как Малавский и Круковская, были приговорены к 16 и 14 г.г. каторги. Да, если бы он судился в 1878 г., вместе с Круковской, ему и вечной каторги было бы, пожалуй, мало. Не миновать бы и Клеменцу многолетней каторги, судись он вместе с другими пропагандистами, а после 1-го марта он отделался административной ссылкой без лишения прав состояния. Благодетельное влияние террора на правительственную расценку сравнительной важности преступлений не раз констатировалось в писаниях террористов.

Вопреки утверждения г. Тютчева, не сжигал Стефанович ничего из того, чему когда-либо поклонялся. Сохранил и пристрастие своей ранней юности к работе среди крестьян. Вернувшись на родину, он завел обширные знакомства в этой среде. Крестьяне той местности, где он поселился (в Конотопском уезде, Черниг. губ.) хотели послать его депутатом в первую государственную думу. Этому помешало его звание лишенного прав состояния каторжанина. То же самое помешало ему жить в центре. Паспорт он мог доставать только из Якутской области, из той волости, к которой был приписан, а оттуда, несмотря на все хлопоты, ему ничего не присылали.

За последние годы жизни, долгая, тяжелая болезнь уже сама по себе не допускала никакой деятельности. Но до последней минуты он остался верен социализму и свободе. Террору, как методу революционной борьбы, он никогда не поклонялся, но и не «сжигал» его, а к чему, действительно, всегда относился очень недружелюбно, это ко всякой позе, ко всякому фразерству, хотя бы и на революционной подкладке.

Но как же, не будучи убежденным террористом, попал он в «Народн. Волю»? Дело в том, что после 1-го марта в жизни партии «Народн. Воли» был такой момент, когда часть партии — и к ней принадлежал вождь этого момента Тихомиров, — не помышляя о новом покушении на царя, которое было бы и не под силу расшатанной организации, стремилась укрепить и расширить другие отрасли деятельности партии. Для этого оказались пригодными не только Стефанович, но и все бывшие чернопередельцы, видоизменившие свои взгляды в сторону будущей программы группы «Освобожд. Труда» и признавшие необходимость политического освобождения и борьбы за него.

В. Засулич.

К характеристике Я. В. Стефановича.

(По поводу статьи В. И. Засулич).

Возражение на «Письмо в редакцию» В. И. Засулич, по поводу моей статьи «Здание у Цепного Моста» («Былое», № 10—11), по техническим и общим условиям переживаемого нами «книжного» кризиса, появляется в печати только теперь, когда В. И. Засулич уже навсегда покинула нас... [1]).

В виду этого, мое возражение, естественно, должно принять совершенно иную форму и ограничиться исключительно лишь фактическими поправками тех неточностей и искажений исторической перспективы, которыми полно вышеупомянутое «Письмо в редакцию», озаглавленное автором «Правдивый исследователь старины». Читатель найдет в настоящей книге «Былого» весьма характерный документ, разысканный недавно в архиве б. департамента полиции, — «записку» Я. В. Стефановича «об эмиграции», написанную им, когда он сидел в 1882 году в «запечатанной» камере № 1 при деп. полиции [2]). «Записка», как читатель мог убедиться, дает исчерпывающий ответ друзьям Стефановича, пытавшимся восстановить репутацию его, как безупречного революционера и общественного деятеля. Из этой «Записки» ясно обнаруживается, что Стефанович вступил в соглашение с директором департамента полиции В. К. Плеве и выдавал своих товарищей...

Вот, например, что писал Стефанович в своей «Записке»: «Единственная попытка завести непосредственные сношения с родиной была сделана Аксельродом (в 1880 г.), выписавшим через Женеву в Яссы одного из Одессы чернопередельца, который на обратном пути в Россию был арестован». Здесь в рукописи сделана выноска и рукою В. К. Плеве на полях написано: «Кто именно?». Видно, что, задавая этот вопрос, Плеве не сомневался получить на него ответ.

---

[1]) Письмо Н. С. Тютчева в первоначальной редакции, написанной до открытия записки Стефановича, доставлено нам в 1918 г. (Напечатано «Былое», № 16—1921 г.). Прим. ред. «Былого».

[2]) В такой же папке, в которой была обнаружена записка, найдены были и письма его к Л. Г. Дейчу и ответные письма к нему Л. Г. Дейча. К сожалению, копии письма Стефановича об инциденте с Ю. Богдановичем и Ошаниной пока еще не найдены.

И, действительно, внизу рукою Стефановича приписано: «Имя неизвестно, содержался он в Кишиневском замке». Этих указаний Стефановича было, конечно, вполне достаточно, чтобы безошибочно установить личность одесского чернопередельца. Оговор самого Павла Аксельрода тоже очевиден; Стефановича нельзя оправдывать обывательским оправданием подобных оговорок, ссылаясь на то, что де в тот момент Аксельрод находился за границей, так как Стефанович, конечно, не мог ручаться, что Аксельрод навсегда останется в сфере «недосягаемости»... Итак, в одной короткой фразе Стефанович выдал русскому правительству двух товарищей.

Затем Стефанович оговаривает группу «набатовцев» (Френка, Турского, Морозова, О. Любатович), зная при этом, что Морозов, Любатович и зачеркнутый им в рукописи «Романенко» были уже в данное время жандармами арестованы. Далее он оговаривает (и инсинуирует по пути!) группу «Общего Дела», группу «Украинской Громады» (Драгоманова, Подолинского, Павлика, Лохоцкого, Жилку), группы примыкавших к «Народной Воле» (Ефрона, Зелинского, Туманову, Голдовского, Рома (?), вновь того же Подолинского, Бени)... К «Черному Переделу» Стефанович отнес Бохановского и Похальского, не говоря уже о других, — о Плеханове, Дейче, Засулич...

Говоря об агитации, поднятой в Швейцарии князем П. Кропоткиным по поводу Геси Гельфман (присужденной к смертной казни по делу 1 марта и готовившейся стать матерью), Стефанович прибавляет: «чему, впрочем, многие крайне не сочувствуют, опасаясь вызвать со стороны швейцарского правительства *справедливые* (подчеркнуто мною. *Н. Т.)* упреки в злоупотреблении его гостеприимством»... Паинька Стефанович, очевидно, мил сердцу Плеве: Плеве снисходит до того, что сам редактирует его рукопись и заменяет неудачные выражения Стефановича, могущие шокировать высочайшие уши, более подходящими: так — он вычеркнул титул П. Кропоткина «prince», а в фразе Стефановича (по поводу 1 марта): «хотелось верить, что близость лучших времен не за горами», заменил слово «лучших» выражением «иных»... Трогательное сотрудничество революционера и мастера розыскных дел, совместными усилиями составляющих доклад Его Величеству!

Об эмигрантской колонии в Румынии есть тоже донос — сообщение. Стефанович пишет: «Если эта колония и имела какое-нибудь вредное (!) значение для правительства, то гораздо больше для румынского, чем для русского, и то в лице одного Судзиловского. Этот человек жил в Яссах под именем Росселя, занимая официально положение врача, и вел пропаганду среди румынской молодежи и даже (!) написал социалистическую брошюру на этом языке». (Затем Стефанович перечисляет по фамилиям всех эмигрантов, живших в то время в Румынии, дает их характеристики и указывает их профессии).

После приведенных выписок, полагаю, беспристрастный читатель не ответит решительным отрицанием на вопрос — способен ли был Стефанович выдать Судейкину Юрия Богдановича, даже зная, что

ему, как «Кобозеву», по делу 1 марта угрожает виселица... Я имею теперь об'ективное право высказать свое суб'ективное мнение, что Стефанович сознательно выдал Богдановича, но выговорил при этом, что живущая с Богдановичем М. Н. Ошанина (Баранникова-Полонская) арестована не будет. Это было do ut des, т.-е., попросту, — договор между Стефановичем и охраной. И друзьям Стефановича никакими маниловскими ламентациями (о «невольном преступлении», о «самом тяжком воспоминании его до самой смерти» и пр.), теперь вряд ли удастся завуалировать этот факт выдачи Ю. Богдановича, замученного потом в Шлиссельбурге...

В натуре Я. В. Стефановича, очевидно, заложены были черты, побуждавшие его достигать намеченных целей окольными путями и не стесняться в средствах, даже и тогда, когда эти пути в корне подрывали самую основу главной цели. Так он действовал в чигиринском деле, обманув крестьян заявлением, что действует, как эмиссар царя. В «Народную Волю» он вступил тоже с закрытым забралом, как настоящий Конрад Валленрод... Попав в руки жандармов, Стефанович в первые же дни заключения решил совершить политическое грехопадение и тем облегчить свою участь... Стефанович был последователен в своей тактике!

Как же и когда совершилось грехопадение Стефановича? Найденное досье дает указания на этот вопрос. В досье находится несколько писем Стефановича к Л. Г. Дейчу, проживавшему в то время за границей, и несколько ответов последнего на эти письма. За исключением первого письма Стефановича, датированного 15 февраля 1882 года, т.-е. десятым днем после его ареста, вся эта корреспонденция велась официально, через жандармов. Особенно интересно для характеристики автора именно это первое письмо, которое, будто бы, должно было придти, минуя жандармов...

20 февраля 1882 г. московский обер-полицеймейстер препроводил в департамент полиции «копию письма, переданного Стефановичем (содержавшимся в одном из моск. участков) 16 февраля одному из служителей участка» для отправки этого письма по почте. Стефанович сообщает в этом письме своему другу Л. Г. Дейчу, что его завтра или послезавтра увезут в Питер. Затем он прощается с Дейчем и пишет: «Уж, конечно, не видать нам больше друг друга, повесят ли меня, не повесят, все равно не видать мне тебя больше». После этого Стефанович просит Л. Г. Дейча не приезжать в Россию, по крайней мере, до тех пор, пока он не будет повешен или сослан на каторгу. «Меня будет вдвойне, — пишет он, — мучить твое присутствие здесь. Во-первых — постоянная мысль, что ты провалишься, во-вторых — провалишься, не нашедши для себя никакого делового удовлетворения, унесши с собою *невыполненные планы «новшеств»* (курсив мой. *Н. Т.*), да — весьма вероятно — недовольство кащеями (т.-е. народовольцами, как видно из той же переписки. *Н. Т.*)... Я бы не с такой смелостью просил тебя обречь себя на пребывание за границей до моей смерти или каторги, если бы не считал вероятным 2-й пункт в результате твоего приезда, каково же мне

сознавать, что ты арестован, да еще в таком нравственном состоянии».

Из этих строк видно, что планы «новшеств» были известны адресату и потому для него не требовалось комментарий. Из дальнейшей же корреспонденции, из некоторых мест «Записки об эмиграции» и из «Дневника Карийца» (Стефановича) с несомненностью вытекает, что «планы» эти состояли в том, чтобы «Народная Воля» прекратила террористическую деятельность; целью этих «планов» было, как я выразился в своей статье, «взорвать «Н. В.» изнутри» . . .

На этом кончается первая часть письма . . . Как видит читатель, содержание ее достаточно мрачно: автор опасается (по крайней мере, он так пишет), что ему может грозить даже виселица, и притом при сознании, что провести в жизнь «новшества» ему не удалось . . . Тем более непонятным кажется, по первому впечатлению, после этого пессимизма внезапный скачек в крайний оптимизм второй части письма, с первого взгляда отзывающий даже легкомыслием . . . Стефанович продолжает так свое письмо: . . . «Будешь же ты жить на свободе, и я буду жить . . . Я стану измышлять все способы, чтобы иметь от тебя вести и о себе тебе подавать знать, и надеюсь, что это не последнее мое письмо к тебе. *Мало того, я буду искать случая опять жить с тобою, восстановить мою неразлучность с тобою не в заключении, конечно, а на воле.* Всем этим я буду занимать себя, пока жив». (Место, набранное курсивом, отчеркнуто на оригинале, вероятно, самим Плеве, точно так же, как и даваемый Стефановичем адрес и следующая за ним фраза. *Н. Т.)*. Давая адрес для получения телеграммы, извещающей о получении этого письма (Петербург, Николаевский вокзал: Степану Васильевичу Яковлеву), Стефанович пишет: «Я устрою так, чтобы ее получить» . . . и далее: «думаю, что смогу (писать), хоть через жандармов даже». . .

Все это достаточно ясно, даже и для профана, а тем более, все было ясно для Плеве . . . Получив это письмо 21 февраля, когда Стефанович уже был перевезен в Петроград (18 февраля), Плеве написал на отношении московского обер-полицеймейстера: «Завтра вызвать Стефановича». И уже «завтра», т.-е. 22 февраля, тот же Плеве сообщил начальнику телеграфа о задержании телеграмм («до востребования на Николаевский вокзал») на имена Яковлева, Степана Васильевича и Дмитриева, Степана Ивановича . . . Таким образом, появился еще новый адрес Дмитриева (о котором в письме Стефановича не было ни слова!) . . . Очевидно, этот адрес, во время разговора с Плеве, сообщил ему сам Стефанович, причем ему разрешено было при этом отправить письмо с этими адресами Л. Г. Дейчу, ведь ясно, что ожидать ответных телеграмм возможно лишь на отправленное письмо.

Итак, соглашение Стефановича с охраной состоялось уже 22 февраля . . . Обе стороны даром времени не теряли. При этом невольно возникает еще следующий вопрос: действительно ли Стефанович был настолько легкомыслен, чтобы передать свое письмо совершенно неизвестному ему ранее служителю участка для отправки его по почте?

Но Стефанович был далеко не легкомысленным человеком и к тому же не новичком, первый раз попавшим в тюрьму... Спросим себя: выгодно ли ему было бы, если бы это письмо попало в руки властям? На этот вопрос можно ответить лишь положительно. Во-первых — оно являлось для него цертификатом по отношению к террору, а это было ему весьма существенно; во-вторых — оно давало ясно понять жандармской власти, что автор его согласен идти на какое-то соглашение с нею... Первые шаги на этом пути, понятно, весьма неприятны даже и для весьма податливого самолюбия, ну, а при подобной комбинации — первый лед пришлось бы проламывать самим властям... Ничто не ново под луною! Далее, и самый примененный Стефановичем способ — соблюдя все аппарансы невинности, довести до сведения властей желательное — не нов: он практиковался некоторыми арестованными и ранее... Очень наивные или черезчур ослепленные дружбой люди одни только и могли поверить, что Стефановичу, только «ради его прекрасных глаз», как говорится, жандармы разрешили вести переписку с товарищем эмигрантом. А до чего доходило подобное ослепление, видно, между прочим, и из письма Л. Г. Дейча, от 22 апр.—4 мая, ответного на 3-е письмо Стефановича. (На этом письме рукою Стефановича написано, между прочим: «Позвольте на-днях прочесть еще раз. Пожалуйста. Стефанович»). Л. Г. Дейч сообщал в этом письме о получении карточки Стефановича, посланной через жандармов, и писал: «очень благодарен твоему начальству за нее и за предоставленную нам с тобою переписку; *за это я и презентую ему свою карточку* (курсив мой. *Н. Т.)*. Тебе, конечно, я также пришлю ее»...

Так и кажется, что друзья переписываются через своих добрых знакомых, которым эмигрант вполне безопасно может подарить свою фотографию, будучи уверен, что она не попадет в руки жандармов, т.-е. не может послужить к его аресту, а через него и к вероятному аресту его товарищей по революционным делам...

Из дел департамента полиции видно, что Плеве, вообще, пользовался прирученным им Я. Стефановичем для разнообразных справок. Так, например, в январе 1883 г. (№ 29) известный киевский жандармский полковник Новицкий донес в департамент полиции, что, «по имеющимся у него сведениям, жена князя Кропоткина (эмигранта, П. А. — *Н. Т.)* должна быть по фамилии Рабинович и, если эти сведения совпадут с имеющимися в департаменте полиции, то он «не замедлит донести о тех лицах, проживающих в России, с коими жена Кропоткина имеет связь и ведет переписку». На этом донесении имеются такие пометки Плеве: «Прошу вызвать завтра Стефановича»; делопроизводителя: «Исполнено 14/I»; снова Плеве: «Уведомить, что действительно женщина, выдающая себя за жену Кропоткина, Софья Рабинович. Дир. Плеве» [1]).

---

[1]) Последняя пометка сделана 15/I—III. Дел. № 1109 (81 г.).

На этом можно и покончить с досье Я. В. Стефановича: моральная и политическая физиономия последнего обрисовалась уже вполне достаточно.

Перехожу теперь к фактическим поправкам выставленных против меня обвинений в «Письме в редакцию «Былого».

Сличив текст моей статьи «Здание у Цепного моста» с фразами, будто бы мною приписываемыми Стефановичу, взятыми автором «Письма» в ковычки, читатель сам может убедиться, что «ковычки» эти созданы воображением самого автора «Письма» («проговорился в разговоре», «изнутри взорвать партию», «сжигал корабли»). Ограничусь, поэтому, только этим замечанием. Исторические неточности и прямые извращения истории требуют более детального разбора, в виду того, что современный читатель в большинстве совершенно не знаком с историей нашего революционного движения и потому утверждения покойной В. И. Засулич в его глазах могут показаться ему авторитетными. Мой критик, например, пытался об'яснить, как могло случиться, что Стефанович, «не будучи убежденным террористом», попал в Народную Волю. Критик говорит: «Дело в том, что после 1 марта (1881 г.) в жизни партии «Н. В.» был такой момент, когда часть партии — и к ней принадлежал вождь этого момента Тихомиров,—не помышляя о новом покушении на царя, которое было бы и не под силу расшатанной организации, стремилась укрепить и расширить другие отрасли деятельности партии. Для этого оказались пригодными не только Стефанович, но и все бывшие чернопередельцы, видоизменившие свои взгляды в сторону будущей программы группы «Освобождения Труда» и признавшие необходимость политического освобождения и борьбы за него». Такое об'яснение, конечно, могло бы оправдать вступление Стефановича в члены «Н. В.», если бы действительно он был только «неубежденным террористом», а не непримиримым принципиальным его противником, если бы в данном случае возможно было ссылаться на Л. Тихомирова и если бы при этом не была извращена вся историческая перспектива... Стефанович вернулся в Россию в сентябре 1881 г. и тогда же был принят в члены «Н. В.», весь наличный состав Исполнительного Комитета которой был тогда еще в России. Прошло всего 5—6 месяцев после казни Александра II, и планы о цареубийстве Александра III еще не были отложены ни тогда, ни даже во время ареста Стефановича, в феврале 1882 г., когда организация «Н. В.» еще не была разбита. Она была разбита, и планы эти, действительно, были отложены, но лишь два года спустя после этого: после лопатинского всероссийского разгрома партии «Н. В.».

Я считал необходимым внести эту поправку и восстановить историческую перспективу событий, в виду того, что с историей «Н. В.» незнакомы даже видные современные революционные деятели. Например, один из них в своей речи при открытии памятника С. Л. Перовской, произвел Рысакова в члены Исп. Ком. «Н. В.», а другие предлагали даже назвать одну из улиц г. Череповца — родины Рыса-

кова — именем этого слабого человека, сыгравшего такую позорную роль на следствии о 1 марте...

Далее автор «Письма» пишет: «даже сообщая о постигшем Стефановича наказании, г. Тютчев считает нужным уменьшить его ровно вдвое. Не четыре года, а восемь лет провел Стефанович в карийской каторжной тюрьме»... При поправках надлежало бы быть более точным. Действительно, у меня указан был срок каторжных работ Стефановича четырехлетний: я цитировал его по редакционному примечанию «Былого» к статье «Процесс 17 народовольцев в 1883 г.» [1]). Почему друзья Стефановича не исправили этой ошибки в течение 12 лет? Да просто потому, что тут фактической ошибки почти и не было! По коронационному манифесту 1883 г. 8-летний срок Стефановичу был сбавлен на одну треть [2]), т. е. до 5 л. и 4 мес., а с обычными сокращениями (Кара считалась рудником, а не крепостью или заводом), из этих 5 лет и 4 мес. следует еще вычесть, если я не ошибаюсь, по 2 мес. на год. Остается, следовательно около 4½ лет каторжных работ. Правда, Стефанович пробыл на Каре дольше: с конца 1883 г. по осень 1890 г., но, как видно из его «Дневника», он сам добровольно задерживал срок отправки его на поселение.

Мне остается еще сказать несколько слов по поводу замечания автора «Письма», что Стефанович, будто бы «всегда относился очень недружелюбно ко всякой позе, ко всякому фразерству, хотя бы и на революционной почве». Утверждение это совершенно неверно.

Достаточно даже бегло пробежать «Дневник Карийца», чтобы убедиться, что его автор типичный революционный фразер. Он позабыл уже свои грешки, проделанные в запечатанной камере при департаменте полиции — благо, они были или неизвестны, или более или менее правдоподобно об'яснены публике, и, встав в позу цензора нравов, морализирует с первой и до последней страницы своего «Дневника», уснащая свою менторскую мораль революционной фразеологией и... инсинуациями (о Н. П. Щедрине, Савелии Златопольском, М. Н. Ошаниной и о многих других) и измышлениями, вроде, например, пущенной еще Гольденбергом и подхваченной жандармами версии о «Распорядительной Комиссии «Н. В.», никогда, как известно,— фактически не функционировавшей. Стефанович же утверждает, что «Р. К.» существовала и функционировала. Инсинуациями переполнена также и его «Записка об эмиграции», в чем читатель и сам может убедиться.

О приемах борьбы, практиковавшихся Стефановичем даже и по отношению к революционерам, мы можем судить по воспомичаниям О. С. Любатович и Н. А. Морозова.

О. Любатович в своих воспоминаниях о периоде, непосредственно следовавшем за Липецким и Воронежским с'ездами, рассказывая, как осенью 1879 г. произошел окончательный раздел организации на «Н. В.» и «Черный передел», говорит, что «некоторые обвиняли даже,

---

[1]) «Был.», 1906 г., № 10, стр. 458.

[2]) См. Г. Ф. Осмоловского: «Карийцы» — «Мин. Годы», 1908 г. VII.

что Стефанович подлил масла в огонь, ускорив окончательный разрыв» [1]). А ему именно поручено было вести эти переговоры.

Н. А. Морозов рассказывает, что на Воронежском с'езде были приняты, по его предложению, в «Землю и Волю» В. Засулич («в полной уверенности, что она будет сторонницей нового способа борьбы», террора) и несколько других членов, и что из них Стефанович сильно способствовал потом окончательному распадению «З. и В.». «Он был тогда очень властолюбив», — прибавляет Н. А. Морозов. — У него же мы находим и указание на способы, которыми пользовался Стефанович для достижения такого результата. «Когда, — пишет Н. А. Морозов, — после Воронежского с'езда, где достигнуто было формальное примирение обеих фракций «З. и В.» и выработан modus vivendi, участники его вернулись в Петербург... Стефанович начал вербовать себе сторонников среди лиц, имевших тесные сношения с «З. и В.», и завербовал в том числе хозяйку нашей типографии Крылову. Она заявила, что не позволит печатать ни одной статьи в новом направлении, так как гражданская свобода будет способствовать развитию буржуазии и, таким образом, пойдет во вред рабочему народу. Благодаря такому положению дел в типографии, издание «Земли и Воли» оказывалось фактически неосуществимым, несмотря на то, что все остальные наборщики стояли за новое направление. Такое положение тянулось два месяца» [2]).

Из всего предыдущего, мне думается, моральная физиономия Я. В. Стефановича обрисовалась настолько ясно, что друзьям его едва ли удастся восстановить его доброе имя.

Но и политическая его деятельность (обман чигиринских крестьян) не может быть оправдана, даже с революционно-утилитарной точки зрения, не говоря уже о моральной.

В русском революционном движении красной нитью проходят два типа деятелей. К превалирующему принадлежали: А. Д. Михайлов, С. Л. Перовская, А. И. Желябов; к второму типу — С. Г. Нечаев, Я. В. Стефанович и немногие другие. Эти люди, ради достижения текущих злободневных целей, допускали пригодность всех средств, даже и таких, которые подрывали самую сущность основной цели всего движения. Я назвал бы их фанатиками успеха данной минуты. История не знает ни одного великого революционера, который шел бы такою извилистою дорогою, ибо великие революционеры, конечно, понимали, что подобный путь всегда в конечном счете неизбежно приводит к крушению самой идеи революции. Но этот путь чреват и иными опасностями для слабых характером людей; раз допустимы все средства, то почему не воспользоваться ими и ради личного спасения и для облегчения своей участи. Ведь принципиальной разницы в большем или меньшем обмане не существует. К таким слабым лю-

---

[1]) «Былое», июнь. 1906 г.

[2]) Н. Морозов. «Повести моей жизни». Т. IV. Изд. «Задруги». М. 1917 г. Стр. 302 и 303.

дям принадлежал и Я. В. Стефанович, и... он покатился по наклонной плоскости.

С. Г. Нечаев, обладавший неослабевающей энергией и железным характером, кончил совсем иначе: он боролся с властями до конца, щепетильно оберегая свое достоинство человека и революционера, и погиб на посту, сохранив к себе, несомненно, уважение даже врагов.

Но, конечно, не всякому дано!.. Из этого, впрочем, не следует, чтобы возможно было защитить незащищаемое, как это пытались сделать друзья Я. В. Стефановича [1]).

---

[1]) См. приложение в конце книги: «Н. С. Тютчев в оценке Л. Г. Дейча». Ред.

Судьба Ивана Окладского.

Среди таинственных страниц «Книги для записи арестованных при III отделении» одна останавливает внимание нарочитой и сугубой таинственностью. На странице 39-й мы находим характернейшую запись.

Имя и фамилия заключенного, вписанные в первую рубрику, как это и полагалось, дежурным поруч. Кондыревым, а также собственноручная расписка арестанта в сдаче им вещей, — на следующий день, *по распоряжению директора деп. гос. полиции* (В. К. Плеве), были настолько тщательно «*затушеваны*» чернилами, что даже фотографическим способом не поддаются востановлению, и прочтены, следовательно, быть не могут.

Бросается в глаза также и то, что при доставленном из крепости заключенном препровождены были также и все его вещи, до провизии и табаку включительно.

Помимо перечисленных в приемной ведомости, были еще и другие какие-то вещи, полученные из деп. гос. полиции и сданные таинственному узнику при передаче его — по приказу директора д-та В. К. Плеве — известному сотруднику Судейкина Янковскому. Узник просидел при III отделении тоже необычно долго, и был сдан Янковскому только в 6 час. вечера 31-го декабря, под новый год. Это тоже что-то выходящее из нормы, т. к. даже и III отделение в торжественные дни свои текущие дела прекращало.

Все это в совокупности указывает, что, вопреки нормальным условиям тюрьмы при III отделении, таинственный узник *оканчивал* свои тюремные мытарства этой тюрьмой, а не *начинал* их ею, как это бывало с другими.

Кто же этот таинственный заключенный «без имени», сидевший в комнате № 4?

В «процессе 16-ти террористов» [1]), разбиравшемся петербургским военно-окружным судом 25—30 октября 1880 г., в числе глав-

---

[1]) См. «Процесс шестнадцати террористов» (1880 г.). Под ред. В. Бурцева. Русск. Истор. Библиотека, № 3. Петербург, 1906 г.

ных обвиняемых (в цареубийстве) был Иван Федорович Окладский, державшийся на суде весьма гордо и даже дерзко, явно бравируя положением человека, которому грозит смертная казнь...

И. Ф. Окладский — мещанин Псковской губ. — воспитывался в уездном училище, но курса его не окончил. По профессии он был до ареста слесарем. Арестован в Петербурге 4-го июля 1880 г. По оговору известного Гольденберга Окладский принимал непосредственное участие, осенью 1879 г., в покушении взорвать императорский поезд под г. Александровском, Екатеринославской губ.

На предварительном следствии Окладский признал, что «в начале октября 1879 г., в бытность свою в Харькове, он, по предложению Гольденберга, согласился принять участие в работах по устройству взрыва динамитом полотна жел. дороги, под Александровском, при обратном следовании царя из Крыма в Петербург. Означенное согласие им дано было после того, как Гольденбергу удалось убедить его, что деятельность социалистов возможна будет только тогда, когда начнется другое царствование. Он приступил к изготовлению для динамита медной трубы, причем в этой работе ему помогал рабочий Николай [1]), которому о назначении этой трубы ничего известно не было; по окончании этой работы, он отправился в г. Александровск и поселился на отдельной квартире. Вскоре по приезде он, вместе с Тихоновым и «Борисом» (Желябовым), приступил к заложению мины под полотно жел. дороги, просверлив отверстие в насыпи и введя затем туда сделанную им медную трубу, наполненную динамитом. При этом динамита оказалось недостаточно, и часть трубы была наполнена песком. За несколько минут до проездки императорского поезда, он, под'ехав на телеге, вместе с «Борисом» и Тихоновым, к тому месту, где находились концы проволоки, достал их из земли и передал «Борису»; затем, вложив в батарею цинковые и угольные пластинки, стал наблюдать за приближением поезда, и когда над миной прошло несколько вагонов, он дал сигнал «Борису» [2]), причем, хотя последний тотчас же сомкнул цепь, взрыва не последовало. После неудавшегося взрыва спираль Румкорфа, проволока и батарея были переданы им на хранение в г. Харькове воспитаннику Александру Сыцянко».

На суде, на вопрос председательствующего о вероисповедании, Окладский заявил, что его вероисповедание «социалистическо-революционное»; засим он признал себя членом Народной Воли и подтвердил, что участвовал в попытке взорвать поезд. «Но если взрыв не произошел, то это не от меня зависело», — прибавил подсудимый. Признав, что о покушении при помощи взрыва ему известно было еще в Харькове, Окладский старался на суде даже выгородить Преснякова, которого Гольденберг оговаривал, что он участвовал в пред-

---

[1]) Хрущев. Осужд. в 1880 г. в каторжные работы по киевскому проц. В 1882 г. арест. был вместе с И. Мышкиным во Владивостоке, после побега с Кары.

[2]) Закричав «жарь»!

варительных совещаниях в Харькове и в самом покушении под Александровском.

В своей речи Окладский сказал: «в деле, по которому я обвиняюсь, нет свидетельских показаний, которые уличали бы меня в том, что я, действительно, пытался взорвать императорский поезд. Есть одно показание Гольденберга, в котором он говорит, что одна труба сделана мною, и что я принимал в этом участие; но он не подтверждает своего показания фактами, так что оно совершенно голословно. Для обвинения меня существует лишь мое собственное сознание, *которое, однако, мною было дано не потому, чтобы я раскаивался и желал облегчить свою участь, о чем я никогда и не думал*». «Затем, — говорится в отчете о «процессе 16-ти», — подсудимый стал излагать столь неуместные рассуждения, что председатель признал нужным лишить его слова».

В последнем своем слове Окладский сказал: *«я не прошу и не нуждаюсь в смягчении своей участи; напротив, если суд смягчит свой приговор относительно меня, я приму это за оскорбление!»*.

Итак, поведение Окладского на следствии и на суде было весьма гордое.

Но, ничто не вечно под луною! В. Л. Бурцев, говоря о дальнейшей судьбе обвинявшихся в «процессе 16-ти», об Окладском писал: «еще хуже кончил Окладский: в 1881 г. он подал прошение о помиловании, дал показания, и его выпустили на свободу . . . Он жил где-то на Кавказе» . . . О том, что Окладский давал впоследствии откровенные показания и что он жил затем на Кавказе, известно было еще ранее, в конце 80 г.г.

Но почему и как он попал на Кавказ, — сведений об этом до сих пор не имелось.

В архиве б. департамента полиции найдено два дела «о секретном сотруднике д-та полиции Иване Александровиче Петровском». Вначале вопрос идет о высочайшем пожаловании ему личного, а затем потомственного почетного гражданина и, наконец, о назначении ему пенсии. Мы расскажем перипетии этого любопытного дела потом, а теперь приведем «справку» о «Петровском», приложенную к делу № 135 (секретаря) за 1903 г.

«Справка» эта была составлена в октябре 1902 г. особым отделом (секретным) д-та полиции по просьбе 1-го делопроизводства того же д-та, но не была в последний передана, а была лишь пришита к «делу И. А. Петровского, так что тайна о «Петровском» не вышла за пределы самого секретнейшего отделения самого секретного учреждения царской администрации.

С п р а в к а. «Негласный сотрудник департамента полиции, Иван Александрович Петровский, личный почетный гражданин, происходит из мещан. 30 октября 1880 г. решением с.-петербургского военно-окружного суда, за государственное преступление, приговорен к смертной казни чрез повешение. Наказание это в ноябре 1880 г., по монаршему милосердию, заменено бессрочной каторгой.

Затем, так как Петровский, под влиянием убеждений лиц, производивших дознание, вступил на путь полной откровенности и сообщил весьма ценные для правительства сведения, то ему каторга была заменена сперва (24 июня 1881 г.) ссылкой на поселение в Вост. Сибирь, а затем (15 октября 1882 г.) ссылкою на Кавказ [1]). Наконец, 11 сентября 1891 г. Петровскому, во внимание значительных его заслуг по раскрытию государственных преступлений, всемилостивейше даровано было полное помилование с представлением звания личного почетного гражданина и настоящих имени, отчества и фамилии.

Благодаря указаниям и содействию Петровского были обнаружены:

1) в 1880 г. две конспиративные квартиры в С.-Петербурге, из коих в одной помещалась тайная типография, и в другой изготовлялся динамит, а также заложенная под Каменным мостом, на Гороховой ул., мина — две гуттаперчевые подушки с динамитом и приспособлениями для взрыва, и

2) в 1881 г. личности задержанных после злодейского преступления 1 марта злоумышленников были обнаружены, главным образом, при негласном пред'явлении их Петровскому.

На Кавказе Петровский старался также, по мере возможности, быть полезным местному жандармскому управлению.

Последовательность направления деятельности Петровского, на пути преданного отношения к правительству, послужила основанием к вызову его в 1889 г. с Кавказа в С.-Петербург, где он и оправдал оказанное ему доверие тем, что успешно завязал связи с некоторыми деятелями спб. революционного кружка Истоминой и, кроме того, обнаружил главных деятелей революционной пропаганды среди заводских рабочих в С.-Петербурге.

Петровский, со времени дарования ему в 1891 г. звания личного почетного гражданства, выслужил требуемый по закону 10-ти-летний срок и потому может быть представлен к награждению званием потомственного почетного гражданина, но не в обычном порядке, чрез наградной комитет, а по установившейся для таких лиц особой практике — путем особого всеподданнейшего доклада министра внутренних дел».

По данным этой «справки» легко установить, кто такой Иван Петровский.

30 октября 1880 г. с.-петербургский военно-окружной суд вынес приговор по «процессу 16-ти», причем к смертной казни приговорены были: Александр Александрович Квятковский, Андрей Карнеевич Пресняков, Степан Григорьевич Ширяев, Яков Тихонович Тихонов и *Иван Федорович Окладский*. Первые двое были казнены 4-го ноября того же года в Иоанновском равелине Петропавловской крепости [2]),

---

[1]) После этого вскоре и переведен был из крепости в III отд. таинственный узник.

[2]) См. «Народная Воля», № 4—5 декабря 1880 г. «По поводу процесса 16-ти».

а Ширяева, Тихонова и Окладского царь помиловал 2-го ноября, заменив им смертную казнь бессрочной каторжной работой; С. Ширяев умер в Алексеевском равелине, 16 сентября 1881 г.; Я. Тихонов умер на Каре, летом 1882 г.; в живых остался лишь И. Окладский, так гордо заявивший на суде: «я не прошу и не нуждаюсь в смягчении моей участи; напротив, если суд смягчит свой приговор относительно меня, я приму это за оскробление»... Он и есть, следовательно, И. А. Петровский — ревностный секретный сотрудник д-та полиции... до 1917 года!

Окладский, повидимому, тотчас же после приговора принес свою повинную...

Две конспиративные квартиры, обнаруженные им, находились: одна на Большой Под'яческой, 37, кв. 27, где приготовлялся динамит (там жили: Гр. Исаев, А. Якимова и Т. Лебедева), и вторая — по Подольской, 11, кв. 21, где одно время помещалась тайная типография; в ней работали М. Грачевский, П. С. Ивановская и Людмила Терентьева. В ней же одно время проживал, кажется, и Н. Кибальчич. Обнаружены были эти квартиры, впрочем, уже тогда (во второй половине января 1881 г.), когда они были оставлены революционерами.

Возникает вопрос, как мог знать об этих квартирах Окладский, арестованный еще в июле 1880 г.?

Косвенное указание имеется и на это в одном запросе, сделанном 26 ноября 1881 г., за № 9791, комендантом Петропавловской крепости директору д-та полиции В. К. Плеве.

Комендант крепости ген.-лейт. Ганецкий сообщает, что 25-го октября им принята от шт.-капитана Домашнева дочь колл. ассессора Ольга Любатович и, согласно письма В. Плеве от 10 ноября (О. Любатович арестована была в Москве, 6-го ноября), заключена в отдельный каземат Екатерининской куртины [1]).

Затем ген. Ганецкий спрашивает: «прошу уведомить, следует ли переводить из Трубецкого бастиона в *соседний с Любатович каземат преступника Ивана Окладского* с дозволением, в случае их желания, *войти между собою в сношение?*» — Плеве положил резолюцию на сем запросе: «Уведомить, что да».

Из этой переписки видно, что Окладского *подсаживали* в соседи к нужному для д-та заключенному, который, как лично знакомый с Окладским еще по воле, конечно, доверял ему, по старой памяти, и поэтому был с ним откровенен.

Повидимому, адреса конспиративных квартир и стали известны Окладскому благодаря кому-либо из соседей, которым его новая роль предателя не была еще известна в это время.

Мины под Каменным мостом, на Гороховой ул., заложены были, в начале лета 1880 г., в виде двух гуттаперчевых подушек, напол-

---

[1]) В эту куртину сажали заключенных с целью изолировать их от содержащихся в Трубецком бастионе. Так, туда сажали некоторых товарищей во время голодовок в 1878 и 79 г.г.; там же повесился Гольденберг и там же сидела А. В. Якимова с грудным ребенком.

ненных гремучим студнем и опущенных на дно Екатерининского канала. Провода были прикреплены к плоту, стоявшему около моста. Взорвать мину предполагалось во время проезда царя с царскосельского вокзала в Зимний дворец. С этой целью в назначенный день Макар Тетерка должен был, неся на себе корзину, наполненную картофелем, со скрытою в нем гальваническою батареей, спуститься к плоту и начать промывать картофель, а Желябов должен был, в момент проезда царя через мост, произвести взрыв.

Покушение не удалось вследствие того, что царь выехал в Ливадию прямо из Царского Села, не заезжая в Петербург.

После этого решено было выловить обратно гуттаперчевые подушки, во избежание случайного несчастья, но попытка эта террористам не удалась, так как употребленные для вылавливания якоря оказались слишком короткими.

Вот эту-то мину и выдал, как оказывается, Окладский. «Неизвестные», задержанные после 1 марта, также показывались, как оказывается, «негласно» Окладскому, и имена их были обнаружены «главным образом» при его участии.

Обыкновенно такое опознание «неизвестного» производилось в крепости, в доме предварительного заключения след. образом: к глазку в двери подводился сыщик или предатель, и осматривал заключенного, не подвергаясь риску быть им узнанным, т. к. кроме его глаза заключенный ничего увидеть не мог [1]).

После этого, уже на Кавказе, Окладский (под фамилией Александрова?) работал в железнодорожном депо, кажется, в Тифлисе или Александрополе, и «старался быть полезным» жандармам, как говорится в «справке». Несколько его «крестников» разновременно попадали в сибирскую ссылку, в конце 80 г.г., после знакомства с «Александровым» . . . К концу 80 г.г. в сибрской ссылке уже достоверно известно было, что Окладский живет на Кавказе, под фамилией Александрова.

О деятельности Окладского в 1889—90 г.г. в Петербурге имеются некоторые указания в докладах директора деп. полиции П. Н. Дурново м-ру внутр. дел. Доклады эти передавались последним Александру III, и на каждом из них имеется знак рассмотрения или даже царские замечания. Доклады представляют собою резюме «розыска» за известное время, и в них излагаются планы и предположения, как наилучше обставить дело о покушении и захватить преступников с поличным... За эти годы главным действующим лицом в секретной агентуре является Ландезен-Гекельман, но фигурирует также и, так называемый, «наш техник», т. е. Окладский.

Первый раз он упоминается 11 февраля 1890 г. Очевидно, в это время «техник», уже выписанный ad hoc с Кавказа, отрекомендован был кружку Истоминой Ландезеном, незадолго до этого побывавшим в Петербурге.

---

[1]) О роли Окладского в следствии по делу 1 марта см. в настоящей книге, в статье: «К делу 1 марта». Ред.

В докладе значится:

«Что касается нашего «техника», то до сего времени к нему никто не являлся, чем, несомненно, доказывается чрезвычайная осторожность здешней компании».

14 марта 90 г. докладывается:

«В течение (sic) этого времени и наш «техник» начинает выступать на сцену. 20 февраля, более нежели через месяц после от'езда Ландезена, к «технику» явился студент Бруггер, квартира которого служила местом свидания Ландезена с Фойницким. Бруггер заявил, что одна дама очень интересуется с ним познакомиться, беседовал о рабочих и пригласил его придти 4 марта к себе. В назначенный день «техник» посетил Бруггера, который снабдил его революционными книжками и просил «техника» раздать эти книжки рабочим. Серьезных разговоров не было, и Бруггер выразил намерение посетить «техника» в пятницу, 16 марта. — «Я, может быть, приду не один», — прибавил он.

«Так как я могу видеться с «техником», — продолжает П. Н. Дурново, — только у себя на квартире, то мне приходится избегать частых свиданий, ибо квартира моя известна очень многим, и «техник» легко может попасться. Поэтому он весьма благоразумно, не имея ничего существенного, и воздерживался приходить ко мне до самых последних дней».

«В заключение обязываюсь присовокупить, — говорит П. Н. Дурново, — что аресты в тех случаях, когда сведения исходят от лица, стоящего в ближайших сношениях с революционерами, приходится, очевидно, откладывать до тех пор, пока не попадется какая-нибудь прямая нить от известных уже фактов к людям, задетым секретными указаниями».

Далее в докладе следует наглядный пример, как было в аналогичном случае недавно поступлено с двумя студентами, которых долго не трогали, поджидая указаний на них.

В докладе 26 апреля 90 г. сказано:

«На прошлой неделе, в пятницу, к «технику» явилась какая-то молодая женщина, об'явившая, что она пришла от Егора Егоровича Бруггера. После общих разговоров о положении революционного дела, она заявила, что последовательное совершение террористических актов представляется единственным способом успешной борьбы с правительством. По ее словам, люди для этого есть и еще будут. Способы покушений должны зависеть от обстоятельств, но снаряды, наполненные панкластитом, представляются наиболее удобными. Никаких определенных указаний она «технику» не давала, видимо стараясь выяснить себе его убеждение. В заключение она просила уведомить Бруггера, если «техник» переменит квартиру.

«По пред'явлении «технику» фотографической карточки Истоминой, он признал в ней вышеупомянутую женщину».

В докладе 10 мая 1890 г. сообщается: «Перед от'ездом (в Пензу) Истомина писала «технику», прося его придти с ней повидаться, но, вследствие недоразумения, свиданье не состоялось. «Техник» про-

должает поддерживать сношения с Бруггером, который намерен познакомить его с другими лицами. Следующее свидание назначено на воскресенье, 13 мая».

Следует отметить, что, начиная с 19 апреля, доклады подписываются уже министром внутр. дел Ив. Дурново и лично им докладываются царю.

К концу мая 90 г. все лица, принадлежавшие к кружку Истоминой и Фойницкого, были арестованы, и дальнейших сведений о провокаторской деятельности И. Окладского в докладах уже не встречается.

Долголетние важные услуги Окладского - «Петровского» д-ту полиции, о которых знал сам царь, несомненно заслуживали поощрения и награды.

В «деле», к сожалению, отсутствуют всеподданнейшие доклады министра внутренних дел о даровании «Петровскому» звания личного почетного гражданина (11 сентября 1891 г.) и потомственного почетного гражданина (31 июля 1903 г.). Сохранились лишь их конверты. Самое «дело» начинается докладной запиской П. Н. Дурново министру вн. дел, в которой министр предупреждается им, что редакция посылаемого на его подпись рапорта в сенат о высочайшем пожаловании Петровскому личного поч. гражданства составлена по личному соглашению П. Н. Дурново с герольдмейстером (Ник. Ив. Непорожневым).

Несмотря, однако, на это «соглашение», имевшее, конечно, в виду избежать необходимость представлять документы, удостоверяющие личность «Петровского», с выдачей последнему грамоты на звание личного почетного гражданина, вышла все же заминка.

В указе сената (23 октября 1891 г.) было сказано, «что если бы (Петровский) пожелал получить свидетельство на личное почетное гражданство, то он обязан представить в сенат... (гербовые пошлины)... и *метрическое свидетельство*, которым бы удостоверялась его личность»...

Выдавая весьма часто своим секретным сотрудникам и агентам подложные паспорта, д-т полиции не решался заняться подлогами и таких документов, как метрические свидетельства.

Необходимо было обойти это препятствие, и к герольдмейстеру Непорожневу командируется делопроизводитель д-та полиции Семякин. В результате, «согласно преподанным Н. И. Непорожневым указаниям», «Петровский» подал прошение о выдаче ему свидетельства на пожалованное звание не в сенат, а в д-т полиции, который и препроводил его прошение герольдмейстеру при своем отношении (за № 4626), с представлением всех пошлин и гербового сбора и с просьбой «препроводить свидетельство в д-т полиции для выдачи просителю».

При этом д-т удостоверял, что И. А. Петровский есть именно то лицо, в отношении которого последовало высочайшее повеление 11 октября 1891 г.

Этим избегнут был неприятный вопрос о метрическом свидетельстве «Петровского».

После этого свидетельство «Петровскому» герольдмейстер препроводил в д-т полиции, и оно было передано там П. Н. Дурново, о чем и сделана на препроводительной бумаге надпись. Последний, как мы видели, вел личные сношения с «Петровским» и, очевидно, лично передал ему это свидетельство.

Прошло после этого одиннадцать лет, в течение которых Петровский командировался с розыскными целями в разные места России, и вот он снова подает докладную записку своему непосредственному начальнику, заведующему секретными сотрудниками, его превосходительству Леониду Александровичу Ратаеву; в этой записке «Петровский» просит Ратаева ходатайствовать перед г. директором д-та полиции о предоставлении ему звания потомственного почетного гражданина. На удовлетворение просьбы последовало согласие сначала директора департамента полиции, затем министра внутренних дел и, наконец, бывшего царя (31 июля 1903 года).

28 августа состоялся указ сената, в котором о метрическом свидетельстве «Петровского» уже не упоминалось, а требовалось лишь удостоверение личности его, «выданное начальством настоящего или бывшего места служения его, или местной полицией».

Такое удостоверение и выдано было 7-го сентября «Петровскому» д-м полиции, где он глухо обозначен был «служащим в д-те полиции». Удостоверение вручено на этот раз было самому Петровскому, который лично и получил из д-та герольдии грамоту на потомственное почетное гражданство.

Характерна еще следующая подробность: уже *вручив Петровскому удостоврение о личности*, сенатор Дурново, заведывавший в то время д-м полиции, сообщил 11 сентября градоначальнику об об'явлении Петровскому о высочайшей милости (Петровский жил тогда по Таракановскому пер., в д. № 6) и о порядке получения им грамоты, удостоверения о личности и проч., — одним словом всего того, что уже было исполнено самим д-м полиции.

На этом «дело об И. А. Петровском» и заканчивается.

Через несколько лет ему начали выдавать пенсию, достигшую в последние годы 150 руб. в месяц.

Последний раз Петровский получил ее из д-та полиции перед самой февральской революцией... Итого 37 лет секретного сотрудничества! [1])

---

[1]) См. прим. 5-е.

Заметки о деле 1 марта 1881 года[1]).

1. Перед 1 марта 1881 года. (Несколько слов о покушении 2 апреля 1879 г.). — 2. Необнаруженный первомартовец. — 3. К судьбе Геси Гельфман. — 4. Рысаков в деле 1 марта. — 5. Аресты после 1 марта 1881 года. — 6. Судьба первомартовцев.

1. Перед 1 марта 1881 года.

Покушение на цареубийство Александра Констант. Соловьева.

2 апреля 1879 года относится к периоду, непосредственно предшествовавшему образованию организации «Нар. Воли», когда все элементы, вызвавшие ее к жизни, были уже налицо. Опыт революционеров, ходивших в «народ», а затем пытавшихся заведением, так называемых, «поселений» войти в народную массу и слиться с нею, привел к отрицательным результатам. Члены организованных групп народников селились в разных местностях России в качестве писарей, фельдшеров, учителей, офеней или же ремесленников-кустарей (кузнецов, портных, сапожников и пр.), но все эти многочисленные попытки войти в толщу народную и влиять на народные массы своей цели не достигли, разбиваясь о полицейскую организацию царского правительства. Невозможно было вести не только прямую пропаганду, но даже простая культурно-просветительная деятельность в деревне была явлением столь необычным, что одна уже она наводила всякое «недреманное око» на след революционера, поселившегося в деревне. А достаточно было заподозрить одного из группы, чтобы и вся она попадала под наблюдение. А. К. Соловьев на себе самом испытал эту неудачу сойтись с народом и вызвать его к активному протесту. По профессии учитель городского училища, он бросил эту службу и занялся изучением кузнечного ремесла. Он заводил сельские кузницы в разных губерниях (Нижегородской, Владимирской, Самарской), но всюду эти попытки были кратковременны, и он вынужден был бросать свои кузницы, избегая ареста. Последняя попытка Соловьева в роли волостного писаря в Вольском у. Саратовской губ. (где он был одновременно с целою группою революционеров: Юрием Богдановичем — «Кобозевым» по делу 1 марта,

---

[1]) См. прим. 6-е.

Иванчиным-Писаревым, В. Н. Фигнер и ее сестрою Евгенией Н. и др.), окончательно убедила его, что без перемены политического режима даже простая культурная деятельность в деревне невозможна, и он решил цареубийством положить предел все усиливавшейся реакции и сдвинуть Россию с мертвой точки, куда она попала с 1866 г., после польского восстания и выстрела Каракозова.

В Петербурге А. К. Соловьев встретил поддержку и активную помощь в лице некоторых членов «Земли и Воли». Подробности организации его покушения и предшествовавших ему совещаний революционеров совершенно не выясняются следственным материалом сенатора С. И. Леонтьева, послужившим основою опубликованной недавно статьи в «Былом» [1]), остались они неизвестными и Верховному Уголовному Суду, судившему А. К. Соловьева 26 мая 1879 г., так как Соловьев обо всем, не касавшемся непосредственно его самого, хранил упорное молчание. Подробности эти выяснились лишь впоследствии, благодаря, главным образом, известной покаянной Гр. Гольденберга, а затем позднейшим народовольческим процессам и воспоминаниям некоторых деятелей 70-х годов.

Из этих данных выясняется, что к 1879 г. сознание необходимости цареубийства в революционной среде уже назревало. Террористическая деятельность первого Исполнительного Комитета — (Валериана Осинского и др.) на юге и Дезорганизаторской Группы «Земли и Воли на севере, направленная вначале против царских помощников и агентов, логически должна была перейти и на самого царя, как на первоисточник угнетения и произвола. Принципиально цареубийство было решено, впрочем, программой «Земли и Воли», но совершить его предполагалось только в момент народного восстания, как центральный удар, дезорганизующий правительство [2]).

Все усиливающаяся реакция, политические казни, драконовский режим политических тюрем и многие акты личного произвола Александра II ускорили применение цареубийства. Многие из членов «З. и В.», в том числе вся Дезорганизаторская ее Группа ко времени приезда Соловьева в Петербург уже склонялась к необходимости осуществить цареубийство. Одновременно с Соловьевым с тою же целью прибыли в Петербург Людвиг Кобылянский и Григ. Гольденберг. На совещаниях, в которых приняли участие землевольцы Зунделевич, Квятковский и Ал. Михайлов, было решено, что цареубийство должно быть исполнено *русским*, чтобы оно не носило характера национальной мести, почему поляк Кобылянский и еврей Гольденберг уступили право выступления Соловьеву. А. Д. Михайлов внес после этого на обсуждение центр. организации «З. и В.» предложение о помощи «лицу, которое решило во что бы то ни стало выступить против царя», но предложение это встретило со стороны некоторых членов «З. и В.» (преимущественно М. Р. Попова) резкую отповедь,— зарницу будущего раскола всей организации, происшедшего в том

---

[1]) См. в «Былом», кн. VII, VIII и IX за 1918 г. «Покушение А. К. Соловьева на цареубийство 2 апреля 1879 года». По неизданным материалам.

[2]) См. прим. 7-е.

же году. Организация «З. и В.» в помощи отказала, но оставила за каждым членом право действовать по своим взглядам. А. Д. Михайлов оказал Соловьеву посильную помощь, снабдив его револьвером и ядом и выслеживая время прогулок Александра II. У него на квартире провел Соловьев и свою последнюю ночь на воле. А. Михайлов присутствовал также и при самом покушении, на площади перед дворцом.

Май 1922 года.

2. Необнаруженный первомартовец [1]).

Цареубийство 1 марта 1881 г. до сих пор представляет большой интерес для истории русского революционного движения; и это весьма понятно, потому что именно с него, а в значительной степени и благодаря ему, началось среди широких народных масс падение ореола царя-народолюбца, и в эти массы начинают проникать здравые представления о царе, как о власти, всеми силами поддерживающей элементы, враждебные интересам народа, — помещика, чиновника, комерсанта-капиталиста. Событие 1 марта, его организация Исполн. Комитетом «Народной Воли» и осуществление самого акта уже достаточно освещены в литературе как со стороны фактической, так и персональной. Но существуют и некоторые пробелы в последней области: не все еще лица, участвовавшие в акте 1 марта 1881 г., названы по именам.

Так, например, мы не знаем точно, кто был в числе «сигналистов Садовой улицы», о которых говорит в своих воспоминаниях В. Н Фигнер, и сколько их всех было. Известно лишь, что к числу их принадлежали А. П. Корба, М. Р. Ланганс, а в самом магазине А. В. Кобозева-Якимова, которая должна была следить за моментом появления царя с Невского на М. Садовую и сообщить об этом лицу, которое должно было в соседней комнате сомкнуть провода электрической батареи.

Сигнализация до этого момента организована была следующим образом. Известно было, по сведениям, доставленным наблюдательным отрядом, что царь выезжает из Зимнего дворца в определенное время (с точностью до минут) и сколько минут приблизительно проходит до поворота его кареты с Невского на Б. и М. Садовые улицы. Затем, он выезжал всегда на паре весьма быстрых вороных лошадей, а его карету окружал конвой из шести конвойцев: двое ехали впереди кареты, двое — позади и по всаднику у каждой дверцы кареты. Такой кортеж виден был издалека, тем более, что Невский и другие улицы, по которым должен был проезжать царь, предуведомленная полиция очищала от лишней публики, извозчиков и ломовиков, и они были во время царских проездов относительно пустынны.

У здания Публичной Библиотеки, приблизительно у середины ее фасада, выходящего на Невский, 1 марта стояла А. П. Корба, а на

[1]) См. прим. 8-е.

углу Невского и М. Садовой, на правой ее стороне, где теперь дом б. Елисеева, в нескольких шагах от магазина Кобозева, стоял М. Р. Ланганс. Оба они еще издалека могли видеть приближение царской кареты. А. П. Корба должна была поднести к лицу белый платок в тот момент, когда головы царских лошадей коснулись бы линии Б. Садовой, пересекающей Невский. Отсюда карета или поворачивала на Б. Садовую или ехала по Невскому до М. Садовой. По этому сигналу М. Р. Ланганс должен был идти от угла мимо магазина сыров, что и служило сигналом магазину — «готовиться к взрыву». 1 марта А. П. Корба подала сигнал, его принял М. Р. Ланганс и быстро пошел от угла к магазину, но царская карета поворачивала уже в этот момент на Б. Садовую (по которой и затем по Б. Итальянской и доехала до манежа), так что мина на М. Садовой не могла быть использована.

Принимали ли участие в сигнализации Гр. Пр. Исаев и другие лица — пока неизвестно, и желательно было бы, чтобы участники 1 марта выяснили этот вопрос. [1])

Не названо еще по фамилии и то лицо, которому поручено было сомкнуть электрический ток мины на М. Садовой ул., если бы царь проезжал по ней. В. Н. Фигнер в «Запечатленном Труде» (ч. I, стр. 208—209) несколькими меткими штрихами описала невозмутимое спокойствие духа этого лица, шедшего на почти неминуемую гибель. Уже по этому описанию даже мало сведущему в истории движения человеку безошибочно можно заключить — кто это лицо. А, затем, подобное умолчание может быть об'яснимо лишь по отношению к ныне еще живущему человеку (а таковых осталось весьма немного!)), по скромности не желающему прибавить еще новый факт к своей и без того выдающейся революционной деятельности. Таким образом, хотя лицо это еще и не названо по фамилии, но исторически оно установлено и может быть всегда названо [2]).

Но нельзя того же сказать об участнике наблюдательного отряда, следившего за выездами Александра II, скрытого А. В. Тырковым в своих воспоминаниях «К событию 1 марта 1881 г., («Былое» 1906, № 5) под инициалом «С». Со слов Арк. Вл. Тыркова, мы можем теперь открыть этот инициал: это был студент, юрист 4 курса Петерб. унив., Евгений Матвеевич Сидоренко, по партийной кличке «Макар». В своих покаянных показаниях Н. Рысаков упомянул о нем дважды, но и то вскользь, не вдаваясь о «Макаре» в обычные для этих показаний подробности. Первый раз он говорит о нем («Былое», кн. 4—5, 1918, стр. 253), перечисляя состав наблюдательного отряда, отдававшего отчет в своих наблюдениях С. Л. Перов-

---

[1]) В день 1 марта сама В. Н. Фигнер, вместе с которой занимал квартиру Г. П. Исаев на Вознесенском проспекте, — оставалась у себя на квартире, в силу постановления Исполнит. Комитета; что-же касается Исаева, то его в квартире не было; надо думать, что он был в этот день на улицах Петербурга. Но задания от Исполнительного Комитета занять пост для сигнализации, он во всяком случае не имел. Ред.

[2]) Как теперь известно, этим человеком являлся Михаил Федорович Фроленко. Ред.

ской: это было, «кажется, на Б. Дворянской или Монетной улице, где собирались все следившие, в том числе какая-то барышня Лиза (Е. Н. Оловенникова — *Н. Т.*), Макар, кажется, студент Котик (И. Гриневицкий — *Н. Т.*) и еще несколько лиц, которых не знаю». Рысаков преувеличил число наблюдателей, так как, после указания на самого себя и на студента Аркадия (Тыркова), оставалось необнаруженными «не несколько лиц», а один лишь Тычинин, которого впрочем, Рысаков впоследствии тоже выдал. Второй раз Рысаков тоже упоминает «Макара» в числе 5 — 6 лиц, с которыми его познакомила С. Л. Перовская (стр. 264 — 1. с.). Почему Рысаков уделил «Макару» так мало внимания в своих разоблачениях? — это мало понятно. Вернее всего предположение А. В. Тыркова, полагающего, что Сидоренко не оставил в Рысакове яркого впечатления. Сидоренко держал себя очень конспиративно, умел стушеваться, на собраниях почти всегда молчал. А при самих наблюдениях за царем в паре с Рысаковым он не участвовал [1]).

А. В. Тырков пишет: «Пары были постоянны, менялись очень редко. Насколько помню, были следующие пары: С. Л. Перовская — Е. Н. Оловенникова, Сидоренко и Тычинин, я и Рысаков. Гриневицкий-Котик тоже наблюдал, но не помню, в какую пару он входил, кого заменял (вероятно, Перовскую). Иногда наблюдал и Желябов. Результаты наблюдений передавались Перовской обыкновенно на квартирах Е. Оловенниковой или Тычинина, куда все наблюдатели собирались раз в неделю». (Письмо А. В. Тыркова).

Наблюдение производилось каждым наблюдателем в одиночку. Все члены наблюдательного отряда должны были обладать острым зрением, чтобы по возможности держаться вдали от пути следования царя и не попадаться на глаза охраны, всегда весьма многочисленной и состоявшей почти из одних и тех же агентов. Александр II выезжал всегда из одного под'езда (против Александровской колонны — первый под'езд от Дворцовой площади). За этим под'ездом удобно было наблюдать от угла Невского или с Адмиралтейского бульвара, так как в те годы еще не существовало Александровского и Дворцового скверов, и обе площади были открытые. По Дворцовой набережной к Летнему саду и обратно (обычная ежедневная прогулка царя) за царской каретой с ее конвоем легко было наблюдать с Невы, зимнее сообщение по которой в те времена было значительно более оживленное, чем теперь. От с'ездов на Неву с набережной шли обвешенные дороги к Невским воротам Петропавловской крепости, а через нее (до 9 ч. веч. с раннего утра) существовал свободный и весьма оживленный проезд в ворота, давно уже закрытые, ведущие на Петербургскую сторону (около Зоологич. сада). Александр II однажды (повидимому, 1 февраля 1881 г., в день смерти Николая I) проехал по Неве в Петропавловский собор, и на обратном пути его встретил, около Невских ворот, наблюдавший в этот день Арк. В.

---

[1]) См. прим. 9-е.

Тырков. По своей внешности царь уже производил впечатление совсем старого, почти дряхлого, осунувшегося человека.

Таким образом до Летнего сада или манежа (по воскресным дням) следил за царем один из пары, а на обратном пути уже другой. В этих пунктах только и встречались наблюдатели. Может быть, действительно, Рысаков, выжимая из своей памяти с целью спасти свою жизнь все, что представляло какой-либо интерес для властей, забыл «Макара» и поэтому не описал даже его наружности. Сам Сидоренко после 1 марта держался, повидимому, весьма осторожно. А. В. Тырков виделся с ним последний раз в самый день 1 марта, на свидании с С. Л. Перовской, которое она им назначила еще до 1 марта и куда пришла прямо с Екатерининского канала. В первые дни после 1 марта рассылались прокламации во все концы России, к крестьянам, рабочим, к обществу; прокламации расклеивались и в разных кварталах Петербурга, но Сидоренко в этой работе уже не участвовал; повидимому, он на некоторое время стушевался, что и дало ему возможность протянуть до января следующего года. За это время он, повидимому, занимался только пропагандой среди рабочих г. Петербурга, не участвуя в общереволюционных предприятиях.

О приглашении его в наблюдательный отряд зашла речь при самом образовании этого отряда. Это было, по словам А. В. Тыркова, на квартире Е. Н. Оловенниковой, и, повидимому, она сама и предложила кандидатуру Е. М. Сидоренко. Тогда же решено было предложить ему участвовать в отряде, и он это предложение принял и оставался в отряде до самого конца, т.-е. до двадцатых чисел февраля 1881 г.

Дальнейшая его судьба такова.

В 9 ч. вечера 4 января 1882 г., в трактире «Китай», за Невской заставой, чинами секретной и наружной полиции была арестована группа посетителей. Среди них оказались студенты юрид. фак. Евгений Матвеевич Сидоренко и Владимир Иванович Перов. У Сидоренко при личном обыске найдены кинжал, чугунная гиря на ремне и два экз. № 3 «Рабочей Газеты», у Перова — три экз. № 7 «Народной Воли». Кроме того, арестованы были рабочие Александро-Невской мануфактуры Иван Иванов (кр. Ямбургск. у., сел. Коростово) и Афанасий Иванов (кр. Гдовского у., дер. Гудина). По сообщению Секретного отд. д-ту пол. от 7 янв. 1882 г., «Перов и Сидоренко при аресте отказались назвать свои имена, но, благодаря прежде бывшему за ними наблюдению, их имена, фамилии, а также квартиры были установлены в тот же вечер. Из предыдущей деятельности этих лиц, по сведениям, получавшимся ранее от секретных и от наблюдательных агентов, было известно, что Сидоренко вращался постоянно в подозрительной среде, довольно часто, по вечерам, отправлялся к рабочим за Невскую заставу, где и встречался с ними в трактирах. Перов же был знаком, под именем Владимира Иванова, с казненным государств. преступником Тимофеем Михайловым и другими. Затем он прекратил свои посещения к рабочим и только в последнее время

снова появился в их среде для пропаганды, но был арестован. Рабочий Афанасий Иванов, несомненно, один из крайних сторонников социализма, человек серьезный, ставящий своей главной целью пропаганду, с какою целью давал для распространения в других городах различные газеты тем из рабочих, которые уезжали из Петербурга». Таковы были обвинения, выставленные против арестованных известным Судейкиным, заведывавшим в это время Секр. отд. градоначальства. Особенно характерно обвинение Афан. Иванова в распространении *легальных* газет... (Гос. Арх., I Отд. полит. секции, арх. б. деп. пол., 3 делопр., №№ 57 и 323 лит. б. 1882 г.). Иван Иванов, давший откровенные показания, на допросе сказал, что Сидоренко, которого он знал как «Семена», был давно знаком с Афан. Ивановым и снабжал его запрещенными изданиями, но о чем они говорили—он не знает, так как они удалялись в отдельную комнату. Затем дознанием было установлено участие Сидоренко в рабочих сходках и в снабжении деньгами квартиры, где собирались рабочие. Сидоренко посажен в дом предвар. заключения, а затем переведен в Петропавловскую крепость, одновременно с Афан. Ивановым и Н. С. Судаковым (31/I 82 г.), по настоянию производившего следствие полк. Оноприенко. Туда же переведен был 11 февр. и Вл. Ив. Перов.

Эти и другие аресты послужили поводом к возникновению дела «о революционной пропаганде среди рабочих в Петербурге в 1882 г.» (См. Обзор III). При обыске в квартире Сидоренко найдено было письмо к кр. Рязанской губ. Ивану Григорьеву о посланных в деревню для раздачи крестьянам книгах: «Сила солому ломит» и «Мир божий» (обе книги легальные). Найдено было еще письмо за подписью «Посадский», писанное раб. Тульского Патронного завода Вас. Петр. Зайцевым к раб. Харьковских жел. дорожн. мастерских Александру Хромову, где Зайцев рекомендует Хромову подателя письма, как «хорошего человека». Допросом Хромова установлено было, что письмо написано по просьбе, известного ему под именем «Петровича», отст. мичмана Анатолия Буланова, который принимал постоянное участие в сходках рабочих и читал им запрещенные книги [1]).

12 января был арестован в Петербурге студ. юрист Ник. Вас. Судаков («Павел Черный»), у которого найдены № 6 «Нар. Воли», рукописи преступного содержания и около четырех ф. типографского шрифта. Установлено его знакомство с П. Теллаловым и Ант. Борейшей. Последний показал, что с сентября 1881 г. стал постоянно посещать сходки, собиравшиеся под руководством Теллалова в квартире Ф. Никиф. Компанца и И. Ст. Дьякова, при участии студентов Сидоренко («Семен»), Судакова («Антип Петрович») и Перова. Происходили сходки и у Екат. Осокиной, где, кроме поименованных, присутствовали еще студенты Конст. Петр. Долбня, Дом. Фад. Бакун и Стан. Онуф. Горбачевский. Осокина оказалась нелегальной и вы-

---

[1]) Об Анатолии Буланове см. прим. 10-е.

была из Петербурга 22 ноября 1881 г., т.-е. вслед за арестованием Теллалова, д-ра С. Мартынова, Ст. Ф. Михалевича и др. (напр., студ. Петерб. ун. Евг. Ив. Введенского, жившего вместе с Компанцем и арестованного в Твери). — Дознание о пропаганде окончено было 27-го апр. 1882 г. и препровождено к прокурору С.-Пет. Судебн. палаты.

10 ноября 1882 г. Е. М. Сидоренко «за пропаганду среди петербургских рабочих» был административным порядком выслан на пять лет в Вост. Сибирь и поселен в Енисейск. губ., сначала в г. Минусинске, а затем в его округе, в сел. Шуше.

А. В. Тырков пишет: «Я приехал в Минусинск в 1884 г.; Сидоренко был уже там. Мне не позволили жить в городе. Сперва я жил в Каратузе, потом в Курагине. Потом несколько человек из города было размещено по селам, и для удобства надзора было назначено два или три села, как обязательные пункты жительства для нашего брата (напр., села Тесь, Шуша). В Шуше мы опять встретились с Сидоренко и жили с ним на одной квартире — около двух лет. Сидоренко по окончании ссылки намеревался сдать экзамены на кандидата прав и занимался юридическими науками». — Срок его ссылки оканчивался 10 ноября 1887 г., но Сидоренко успел выехать из Минусинска только 7 декабря 1887 г. и направился в Казань. Ему разрешено было жительство повсеместно, кроме столиц и С.-Петербургской губ., но минусинские власти переборщили, и при выезде с него взята была подписка, что он не должен жить во всех местностях, находящихся под усиленной охраной. Это «недоразумение», как принято было тогда выражаться об «ошибках» администрации, всегда клонившихся, впрочем, к ущербу преследуемых, раз'яснилось вскоре по прибытии Сидоренко в Казань. Его отец-священник и мать жили в г. Армянске, Перекопского у., Таврической губ., и Сидоренко обратился в деп. пол. с просьбою разрешить ему прожить у родителей несколько месяцев; Армянск находился тогда в черте усиленной охраны. В ответ было сообщено, что он имеет право повсеместного жительства, исключая столиц и их *губерний*.

С начала 1888 г. Сидоренко стал хлопотать о разрешении ему держать кандидатский экзамен, для чего требовалось по правилам свидетельство о благонадежности. Тщетные хлопоты! Еще в Казани он получил отказ; в том же году он повторил ходатайство из Варшавы, указывая, что он навсегда рискует упустить случай окончить университет, ибо новый университетский устав запрещает экстернат. Ему было об'явлено варшавским обер-полицеймейстером, что ему следует обратиться к учебному начальству (это о выдаче-то свидетельства о благонадежности!). В результате длительных варшавских хлопот Сидоренко (обращался он и к попечителю учебного округа!) деп. пол. ответил в варш. жанд. управление для сообщения попечителю округа очень двусмысленно, что «по окончании гласного надзора Сидоренко ни в чем предосудительном замечен не был». — и точка... Не было прямого запрещения выдавать разрешение держать экзамен, но не было и позволения... Попечитель не имел гражданского мужества допустить Сидоренко до экзаменов и отказал

ему. Сидоренко продолжает хлопоты, дважды приезжает с этою целью в Петербург, с разрешения деп. пол., видится с директором его и с министром народн. просвещения. Последний запросил деп. пол. по поводу прошения Сидоренко о разрешении ему держать экзамен при любом университете. На запросе П. Н. Дурново положил резолюцию: «сообщить те же сведения, что и варшавскому попечителю» (18/II 90 г.).

Боязнь деп. полиции и у министра была, очевидно, сильна, и он отказал Сидоренко. Хлопоты его и после этого продолжались, но, хотя в августе 1894 г. с него снят был даже и негласный надзор, только через девять лет после ссылки окончилась эта канитель; в январе 1896 г. департамент, наконец, разрешил ему выдать свидетельство о поведении и непривлечении к следствию и суду по делам политическим (сообщ. одесскому град. от 24/I 96 г.). Но, независимо от этого, одесск. градоначальник и министр народн. просв. еще раз запрашивали деп. пол. о неимении препятствий; настолько был велик в ту пору страх не угодить всесильному департаменту полиции! Об'яснение явного нежелания властей способствовать возвращенным из ссылки к приобретению ими известного общественного положения и влияния можно найти в инциденте, случившемся с пишущим эти строки. В те же годы я находился в том же положении, как и Сидоренко, в отношении кандидатского экзамена, и за тем же свидетельством я обратился к директору деп. пол. П. Н. Дурново. Он принял меня отдельно в своем кабинете, был весьма любезен, но сказал, что не в интересах правительства усиливать независимую от него адвокатуру, и без того вызывающую много неприятных хлопот. «Вы, ведь, стремитесь в адвокатуру?» задал он вопрос. На утвердительный ответ он заявил, чтобы я оставил надежды: он «никогда не даст мне этого разрешения». Ответ был, по крайней мере, откровенный, что и заставило меня тогда же считаться с ним. В том же 1896 году Сидоренко, наконец, сдал экзамен на кандидата и проживал после этого в Одессе, занимаясь у какого-то местного нотариуса (сначала у Вейнберга). Дальнейшая его судьба по делам б. деп. пол. не может быть установлена; повидимому, он не принимал видного участия в общественной жизни, что несомненно отразилось бы в департаментской переписке.

Сидоренко возвратился в Евр. Россию в годы упадка революционной волны, когда последние эпигоны «Нар. Воли» уже сошли со сцены, а нового, заменившего ее течения, еще не было. Нужна была выдающаяся активность натуры, чтобы при тогдашних общественных условиях сыграть инициативную роль. Повидимому, Сидоренко не обладал такими качествами; по крайней мере, лишь к самым первым годам после его возвращения относятся сведения деп. пол. о его знакомствах с подозрительными элементами в Казани (С. Гр. Сомовым, Н. С. Купревичем (по делу «Пролетариата»), Ф. Я. Чепуриным и А. А. Астафьевым). После этого все сведения, поступившие о нем, аттестуют Сидоренко, как ни в чем «не замеченного».

Такова судьба не открытого властями участника 1 марта 1881 г.

Что проделали бы с ним власти, если бы это участие было им известно своевременно? Ответ на это мы имеем в той расправе, которую правительство проделало над всеми участниками цареубийства, без исключения.

Декабрь 1922 г.

3. К судьбе Геси Гельфман.

Читатель, потерявший за последние годы, вследствие раскрытия тайников царских архивов, так много былых иллюзий и развенчавший столько известных лиц, ранее обвеянных любовью и уважением, — с успокоением духовно отдыхает на светлом образе Геси Гельфман, так рано угасшей для любви к человеку и для революции. В ней гармонически сочетались два вечных типа женщины — Марии и Марфы, Сары и Юдифи, — и она, эта рядовая работница революции и ничем не блестевший среди своих более выдающихся товарищей по «Народной Воле» человек, сумела до конца остаться верной себе, своим основным качествам — долгу и чувству. Драма, пережитая Г. Гельфман, после ее ареста и приговора к повешению за цареубийство 1 марта 1881 г. и потом, после отсрочки казни, до самой ее смерти — была бы благодарной темой даже и для самого Шекспира. Казнь близка, а в себе она уже почувствовала в это время биение новой жизни, требующей именно *жизни*. Коллизия двух долгов — перед партией и перед будущим ребенком, долг общественный и долг перед будущим человеком (в конце концов тоже общественный долг!). Где же выход? Заявить властям о своей беременности? — Не подумают ли, что ею руководит мысль о *себе*, а не о ребенке. Геся решает просить царскую власть о последней милости перед смертью, о свидании с другом-мужем, чтобы, конечно, вместе с ним решить: как ей следует поступить.

Напрасная надежда! Получается отказ—по формальным основаниям. Геся заявляет тогда через своего защитника о своей беременности, и, по исполнении требуемых формальностей, суд решает приостановить исполнение приговора «до истечения сорока дней после родов»... Под этою угрозою держали Гельфман *три месяца*, когда, наконец, 2 июля последователь будто бы учения Христа и прославленный всюду, как «миротворец», Александр III, не заменил казни вечными каторжными работами. И сделал он это не по собственной инициативе, а под давлением общественной агитации, преимущественно во Франции [1]). В перспективе уже маячил франко-русский союз, и общественным мнением во Франции приходилось дорожить.

Для Геси наступают относительно спокойные перспективы; хотя и в тюрьме, но мать может растить своего ребенка. В начале сентября 1882 г. ее переводят из крепости в больничное отделение дома предварительного заключения и помещают в просторной и светлой

[1]) См. прим. 11-е.

камере; она пользуется врачебной помощью и уходом местной фельдшерицы. Условия, по сравнению с крепостными, были прекрасные, особенно в виду хороших отношений к политическим заключенным медицинского персонала дома предварительного заключения тех годов. Я должен оговориться, что в разбираемой литературе о Гельфман, напр., в недавно вышедшей брошюре Р. И. Кантора [1]), читатель не найдет ничего из сообщаемого мною дальше. Я передаю рассказ о судьбе Г. Гельфман со слов моей покойной жены, Р. Л. Гроссман-Прибылевой, сидевшей одновременно с Гесей в доме предварительного заключения и узнавшей о всем случившемся с нею от медицинского персонала: фельдшерицы и врача Гарфинкеля. Желательно было бы, чтобы остающиеся еще в живых лица (напр., Христина Григорьевна Кон-Гринберг), из сидевших или служивших в то время в доме предварительного заключения, подтвердили или опровергли этот рассказ о чудовищно-иезуитской махинации, придуманной кем-то, чтобы не оставить в живых цареубийцу.

В свое время, когда редакцией «Былого» готовился к печати сборник «О 1 марта 1881 г.», я поместил этот рассказ в мою заметку «Судьба первомартовцев», но редакция выпустила его, как «невероятную легенду».

Теперь обнародованный Р. М. Кантором «акт о смерти Геси Гельфман» *фактически* подтверждает рассказ медицинского персонала об истинных причинах смерти Гельфман.

Когда приближался срок родов, в камеру к Гесе внесен был шкаф и очень много картонок с роскошным детским бельем, которое и разложено было по полкам шкафа. По слухам, это было пожертвование какого-то «американца» или «американки»...

Посетил Гесю и известный профессор акушерства Баландин — лейб-акушер. Он заявил местному врачебному персоналу, чтобы ему дали знать о наступлении родов, так как принимать ребенка он будет сам, со своею акушеркой. Так и произошло: при родах с начала и до конца присутствовали только они двое — профессор и его собственная акушерка, а все местные служащие были удалены. Родилась девочка. При сдаче родильницы профессором местному врачу, последний, заметив почти полный разрыв промежности у больной, заявил, что надо будет наложить швы, но Баландин категорически запретил это делать, сказав, что и так заживет... Профессор удалился, а его акушерка еще день-два оставалась при роженице.

Людям, даже слегка причастным к медицине, бросаются в глаза две невероятности. Как у знаменитого акушера, при нормальном сложении роженицы, мог вообще получиться разрыв промежности, притом у молодой пациентки, которую подготовляли к родам (она принимала ванны); и как, раз он уже произошел, профессор не зашил его тотчас же? За первое — акушерок гоняют со службы, а за

---

[1]) См. Вл. Иохельсон и Р. Кантор. «Геся Гельфман». — Материалы для биографии и характеристики. Изд. «Былое», стр. 47. Петроград—Москва. 1922.

незнание второго *обязательного* правила—студентов-медиков гоняют с экзамена. Итак, вместо того, чтобы разорванные ткани срослись у Геси первым натяжением, она обречена была на процесс медленного заживления путем грануляций: это сулило ей (неизбежно) истощение организма, как будущей кормилице ребенка, и многие возможные осложнения. Лишить ее молока — получался предлог отнять у нее ребенка, а осложнения — грозили смертью, которая не вызывала бы общественного негодования... Но, чтобы усилить влияние естественного хода ее истощения, важно было действовать и на психику больной. И вот, когда удалились профессор и его акушерка, пришло распоряжение отобрать у матери белье ребенка и снабдить его всем казенным («дерюгой»)... Когда мать, уже совершенно истощенная (промежность не зажила еще и к моменту ее смерти, т.-е. более $3^1/_2$ месяцев) и больная все-таки продолжает кормить своего ребенка — его у нее отнимают... и она умирает в тот же день...

Как уже было сказано, акт о смерти Гельфман фактически подтверждает *первопричины* ее заболевания и указывает на прямых виновников ее смерти, т.е. на лиц, принимавших у нее ребенка.

С формальной стороны по акту все сошло гладко: Г. Гельфман умерла от гнойного воспаления брюшины. Этим и удовольствовался директор деп. госуд. пол. В. К. Плеве, но, повидимому, судебные власти не считали этого достаточным. И Плеве, и прокурор Судебной Палаты Н. В. Муравьев, оба, конечно, знали всю закулисную сторону причины смерти Гельфман. Не потому ли Муравьев в конфиденциальном письме к Плеве просит его согласия на вскрытие тела Гельфман? Этим актом, где возможно было написать все, что угодно, удобно было бы оперировать тогда же, заткнув глотку общественному мнению, а, может быть, Муравьев, как прозорливый государственный ум, имел в виду и... неизвестное будущее. Согласись с ним тогда на вскрытие Плеве, и мы теперь, по всей вероятности, были бы лишены возможности узнать истину о причинах смерти Геси Мироновны Гельфман [1]...

Р. М. Кантор в своей брошюре не упоминает, что Исполнительный Комитет назначил Г. Гельфман своим представителем в «Красный Крест Н. В.» Это назначение, однако, тоже до известной степени является показателем Геси, как «человека любви и долга».

Октябрь 1922 г.

---

[1] Ср. с этим слова А. Д. Михайлова в его письме к товарищам из дома пр. заключения: — «1 февраля умерла здесь Геся Гельфман от воспаления брюшины, причина которого было искалечение матки после родов. За неделю до смерти у нее отняли ребенка и отдали в воспитательный дом, и это ускорило ее смерть». См. ст. «Два письма А. Д. Михайлова», в № 24 «Былого» за 1924 год, стр. 274—276.

Ред.

4. Рысаков в деле 1 марта 1881 года.

Первому марта 1881 г. посвящен специальный номер «Былого» (№ 4—5 за 1918 г., вышел в июле), где имеется чрезвычайно много ценного и еще неизвестного исторического материала: доклады Александру III гр. Лорис-Меликова, В. К. Плеве (он вел дознание и следствие о цареубийстве, как прокурор С.-Петербургской Судебной Палаты), жандармского генерала Комарова, показания первомартовцев и признания П. Рысакова, данные им до и после суда, перед самой казнью. Эти обширные показания указывают, как постепенно и последовательно, под влиянием страха за жизнь, падала моральная личность Рысакова, и под конец, когда жандармы и прокуроры вывернули его душу *наизнанку*, опустошили целиком его память и вытрясли из него уже все, что он знал и чем мог быть им полезен, этот слабый волею человек дошел до последней степени падения: за сохранение жизни он предлагал жандармам сделаться сыщиком и провокатором, обещал выследить и выдать всех народовольцев, неизвестных ему по именам, но известных по внешности. И на этой его надежде спасти жизнь власти наигрывали, как по нотам, до последней минуты. Рысакова допрашивали еще утром, перед отправлением на казнь... И у современников 1 марта и теперь у читателей и историков революционного движения, естественно, возникал и возникает вопрос: как мог такой осторожный и предусмотрительный организатор, как А. И. Желябов, поручить ответственный пост метальщика 19-летнему юноше, еще не прошедшему достаточно партийного стажа. Ведь главное требование, пред'являвшееся к участнику цареубийства, состояло не только в том, чтобы бросить бомбу (на это способны очень многие), но чтобы быть уверенным в его поведении *после цареубийства*, когда человеку, оторванному окончательно от среды товарищей, в четырех стенах одиночки, останется одна лишь опора против ухищренной в сыске прокурорско-жандармской своры— его убеждения, сила воли и преданность интересам народа.

А. И. Желябов в своей речи на суде заявил, что «добровольцев», откликнувшихся на предложение И. К. участвовать в цареубийстве, оказалось 47 чел., причем 28 чел. согласились участвовать без всяких оговорок. Это заявление вызвало скептицизм прокурора Н. В. Муравьева, которого в этом отношении отчасти поддержал В. Я. Богучарский («Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг.», Москва, 1912 г.), хотя и с оговоркою, что не исключается возможность предложения услуг Желябову со стороны *отдельных* лиц (а не боевых дружин). Что такого рода предложения были не от отдельных лиц, а от групп, мы теперь знаем. Напр., Рабочая группа «Н. В.» в Москве перед 1 марта мобилизовала 6 своих членов, которые по первому требованию И. К. должны были явиться в Петербург.

Да и в Петрограде, среди нелегальных, студентов и рабочих, нашлись бы известные, вполне надежные люди, которым возможно было бы доверить роль метальщика. Значит, дело было не в недо-

статке людей, а именно в той необходимости сохранить для будущей борьбы резервы, о которой с тревогою говорил Желябов М. Н. Ошаниной на с'езде агентов И. К., в январе 1881 г. Забота о резервах вынуждала пользоваться и такими, еще мало испытанными юношами, каким был Рысаков. Ошибка была не в его выборе, а в предположении, что его роль ограничится лишь тем, что называют «понюхать пороху». Главный расчет при цареубийстве возлагался на мину, заложенную на Мал. Садовой ул., метальщики же должны были выступить лишь при неудаче взрыва мины, причем при выезде царской кареты с М. Садовой на площадь манежа на царя должны были напасть И. Гриневицкий и Тимофей Михайлов, а в тылу, на Невском, на случай, почти невероятный, если бы царские лошади повернули карету назад, должны были находиться Емельянов и Рысаков. По плану, выработанному совместно с Желябовым Исполн. Комитетом, одним метальщикам не предполагалось действовать, в виду того, что действие снарядов еще не было испытано на практике. Теория предполагает, а практика располагает...

После ареста Желябова неблагоразумно оказалось дальнейшее откладывание цареубийства. Решено было действовать 1 марта. Но царь по М. Садовой не поехал, и оставалось пойти на риск, выступая с одними метальщиками. Но и при этом Рысаков должен был занимать 4-ю очередь; фактически же, вследствие того, что Тимофей Михайлов совсем не явился на Екатерининский канал (причина этого до сих пор осталась невыясненной [1]), очереди метальщиков перепутались, и случайно Рысаков оказался не в четвертой, а в первой очереди. Будучи арестован, в первые дни Рысаков оказался *единственным* обвиняемым. Он не вынес тяжести прокурорско-жандармского натиска и со второго же допроса покатился по наклонной плоскости. Своими разоблачениями, помимо морального вреда престижу партии, он нанес и непоправимый материальный ущерб. Ренегатство двух рабочих И. Окладского (уже осужденного) и В. Меркулова, вскоре последовавшего по тому же пути, довершили победу сыска. Они сыграли роль настоящих шпионов-сыщиков, указывая полиции на улицах лиц, причастных к революционной деятельности. Начался разгром некогда сплоченной и прочно законспирированной партии, началась ее агония, через два-три года приведшая к полному прекращению деятельности в России ее центральных организаций (Лопатинский разгром). После 1 марта «Н. В.» оправиться уже не могла. Организация расползлась по всем швам, несмотря даже на несовершенные приемы политического сыска, кажущиеся нам теперь даже необ'яснимыми. Например, у Перовской отобрана была зашифрованная записка. Ее расшифровали и получился список фамилий, кличек и паролей. Хотя среди этих фамилий 7 принадлежали солдатам гарнизона Алексеевского равелина, где содержался С. Г. Нечаев, а две — его знакомым в Иваново-Вознесенске, следствию

---

[1]) См. прим. 12-е.

не бросилось это в глаза, и нечаевская солдатская организация в Петропавловской крепости просуществовала после этого еще более года.

Некому было заменить испытанных борцов, уже арестованных или сосланных в каторгу и Сибирь. А для выработки их, как известно, потребовались долгие годы борьбы. Современная «Народной Воле» действительность черпала боевые силы исключительно из среды революционной молодежи и отдельных, более выдающихся рабочих, но при условиях конспиративно-заговорщицкой деятельности для успешности их работы требовался долгий практический стаж, а между тем, борьба поглощала все силы без остатка.—Получался заколдованный круг, из которого «Н. В.» могла победоносно выйти лишь при условии активной помощи широких слоев населения: земства, рабочего или крестьянского движений. Но после 1 марта, как и до него, раздавались лишь отдельные протесты против произвола самодержавия, и никто еще не поддержал самоотверженный авангард грядущей революции. В виду этого «Н. В.» постепенно хирела и, наконец, как преемственная организация, совершенно погибла в 87—88 гг., *израсходовав целиком весь свой запас накопленных сил долгою борьбою.*

Май 1922 года.

5. К арестам в связи с 1-м марта 1881 г.

В конце января 1881 г. «Народная Воля» потерпела тяжелый урон. Из строя один за другим стали быстро выбывать испытанные бойцы, которых впоследствии так и не удалось заместить соответствующими новыми силами. Еще ранее, в ноябре, партия понесла незаменимую утрату в лице одного из ее выдающихся деятелей — А. Д. Михайлова. Январский удар нанесен был умелой рукой и притом так конспиративно, даже от «своих», что служивший в III Отделении, как агент революционной контр-разведки, Клеточников, не знал о начавшихся арестах: через несколько дней он сам стал их жертвой.

Дело в том, что в это время розыскная часть по делам о государственных преступлениях в столице передана была в ведение градоначальника, и Клеточников уже не мог доставлять прежних важных сведений. Но через него возможно было или завязать нужные связи в новом розыскном ведомстве, или же он сам мог перейти туда на службу. Об этом и возбужден был уже вопрос, перед провалом Клеточникова. Для революционеров с его арестом прекращалась возможность заранее узнавать о готовившихся арестах, и партия с этого момента вынуждена была вести борьбу с врагом только «в темную». Весьма вероятно, что в случае сохранности Клеточникова, и самый разгром «Н. В.» не принял бы таких роковых для партии размеров, повлиявших уже и тогда на ее дальнейшую судьбу, а, следовательно, и всего освободительного движения России.

Аресты начались 24 января с квартиры Гр. Мих. Фриденсона (Казанская, 38, кв. 18), проживавшего по паспорту Агаческулова. Поводом к его аресту, повидимому, послужил его паспорт. Дело в том, что по этому самому паспорту ранее проживал Н. И. Кибальчич на Подольской ул., в д. 11, где одно время помещалась тайная типография.

В конце декабря, или в январе, Окладский, продавшись правительству и выдавая все и всех, указал и на эту квартиру. Она была уже в это время оставлена, но справки о паспортах лиц, проживавших в ней, навели полицию на след какого-то революционера, жившего по паспорту Агаческулова. С этого момента аресты шли уже последовательно и непрерывно. Возможно предполагать, что полиция не только знала о применявшихся «знаках безопасности квартиры», но и в чем они состояли. Знаки эти после арестов хозяев квартир оставались неприкосновенными, так что народовольцы, приходя на квартиры уже арестованных товарищей и считая их безопасными, попадали прямо в засаду.

Отчасти, конечно, сыграло при этом известную роль и то «настроение безопасности», о котором говорит в своих воспоминаниях М. Ф. Фроленко, и которое, по его словам, было накануне ареста у Баранникова и Колоткевича. Сам М. Ф. Фроленко, например, вошел в квартиру уже арестованного Н. И. Кибальчича, «не заглянув даже в окна», и был там, конечно, арестован [1]).

Психологически это об'ясняется привычкой к долголетнему счастливому нелегальному существованию упомянутых лиц.

Но, помимо этой причины провалов, возникли и какие-то новые, с которыми народовольцы еще не считались. В обвинительном акте сказано, что за всеми этими квартирами установлено было какое-то «особое» секретное наблюдение... Не значит ли это, что новое розыскное ведомство пользовалось при этом *личным участием* сначала Окладского, а затем и Меркулова, знавших большинство народовольцев. Оба эти ренегата помогали полиции, указывая революционеров на улицах. Их арестовывали тут же или прослеживали до квартиры, чтобы захватить и ее.

Аресты произошли в следующем порядке.

На квартире Г. М. Фриденсона, на другой день после его ареста, взят был пришедший туда А. И. Баранников; это было 25 января.

26 января на квартире Баранникова (он жил под фамилией Алафузова, на Вас. Остр., у писателя Ф. М. Достоевского), арестован был Н. И. Колоткевич [2]).

На квартире Колоткевича, проживавшего под фамилией Петрова по Фонтанке, в д. 47, арестованы: 28 января Ник. Вас. Клеточников и 29 января Лев Златопольский.

---

[1]) См. «О минувшем», Исторический сборник, 1909, «Из далекого прошлого» М. Ф. Фроленко (стр. 266).

[2]) См. прим. 13-е.

28 января арестован был также Макар Васильевич Тетерка (Веселовский), проживавший в качестве легкового извозчика по 17 линии В. О., в д. № 46.

После этого аресты прекратились до 27 февраля, когда арестованы были М. Н. Тригони и на его квартире А. И. Желябов, а затем последовало 1-е марта, и вновь начались усиленные аресты: взят был Рысаков, а затем, по оговорам его, Окладского и Меркулова, произошли аресты и других участников 1-го марта.

К аресту М. Н. Тригони, по всей вероятности, повели также разоблачения того же рабочего Окладского, указавшего на выдающуюся роль в организации Андрея Ивановича Желябова, в «близких сношениях» с которым находятся «Милорд» (рев. кличка Тригони), проживающий «легально». Путем наведения и внешних примет возможно было по одесским связям Желябова сделать предположение, что «Милордом» является Тригони. Тригони и Желябов арестованы были одновременно в меблированных комнатах М. Мессюры, по Невскому пр., 66, кв. 12.

Того же числа (27 февраля) властям удалось арестовать рабочего Василия Аполлоновича Меркулова, пришедшего на квартиру уже ранее захваченного М. Тетерки. Таким образом, этот день явился крупнейшей победой полиции; в ее руках оказались: главный организатор 1-го марта и Меркулов, откровенные показания которого послужили к раскрытию всего, что ему было известно как о 1 марте, так и вообще о деятельности партии и ее членов, а знал он очень многое...

В розыскном отношении 1-е марта, равным образом, поблагоприятствовало полиции. В ее руки из всех участников сразу попал Н. Рысаков, человек наиболее слабый из них во всех отношениях. Выпавшая на его плечи роль тотчас же оказалась ему не по силам...

Перед ним, во всем грандиозном своем об'еме, встала задача об'яснить свой акт перед всею Россией, т.-е. обосновать морально и политически право «Народной Воли» на цареубийство, а затем и ответить за него лично — физически. Первая задача была ему не по силам, что и вызвало известное заявление Желябова, принявшего на себя обязанность говорить за партию; а личная физическая ответственность, страх неминуемой и скорой смерти вынудили Рысакова сразу же пойти навстречу жандармам, понявшим моральное состояние своего пленника и сразу заверившим его, что откровенные показания, его покаяние гарантируют ему не только жизнь, но, при известных условиях, даже и свободу. Из последних показаний Рысакова, данных уже после суда, ясно видно, что ему за откровенные разоблачения обещаны были именно жизнь и свобода...[1])

Возможно ли, однако, ставить в упрек Желябову и другим их выбор Рысакова в метальщики?

По нашему мнению, нельзя, так как с точностью, безошибочно решить, как повлияет страх смерти на молодую натуру, внезапно

[1]) См. прим. 14-е.

вырванную из обычной среды и поставленную перед непреоборимой неизбежностью гибели, можно только о себе лично, или о человеке, которого знаешь почти, как самого себя. Да и то бывают ошибки переоценки своих сил. Но в партийных делах пользоваться только очень близкими людьми нет возможности: это значило бы отказаться от всякой борьбы вообще.

С другой стороны, первая роль, случайно выпавшая в 1-м марта на Рысакова, предназначалась не ему, а Игнатию Иоахимовичу Гриневицкому (кличка «Котик»), который по предположению должен был бросить первую бомбу.

Как бы там ни было, Рысаков сразу посвятил следователей в курс всего дела, выдал конспиративную квартиру на Тележной улице и подробно рассказал обо всех участниках 1-го марта, описав их приметы, где и когда они бывают, даже время, в которое их можно встретить на улице или в кафе. Благодаря его прямым указаниям, арестованы были: Геся Гельфман, Тим. Михайлов, Саблин (при аресте застрелился), Петр Тычинин, Елизавета Николаевна Оловенникова, Аркадий Влад. Тырков [1]), Иван Пантелеймонович Емельянов («Сугубый»), Григорий Исаев, Н. И. Кибальчич, М. Ф. Фроленко, С. Л. Перовская, Ферд. Люстиг.

Дальнейшие сведения, как уже было сказано, дали И. Окладский и особенно Василий Меркулов, прямо указавший, как на участников подкопа на М. Садовой ул., в д. Менгден, на Кобозева (Ю. Богдановича), Якимову, Баранникова, Желябова, Кибальчича, Саблина, Гриневицкого, Тригони, Колоткевича, М. Лангаса и «флотского офицера» (оказавшегося Ник. Евг. Сухановым). Он же, на очной ставке, по утверждению обвинительного акта, признал и Емельянова.

Но весьма вероятно, что и найден-то и арестован был Емельянов тоже при непосредственном содействии того же В. Меркулова, так как ко времени этого ареста (14-го апреля) Меркулов не только дал самые подробные показания, но был уже передан из крепости в Секретное Отделение Градоначальника для использования его, как знающего в лицо очень многих террористов. Это произошло после того, как на докладе о предложении Меркуловым своих услуг для изловления террористов, Александр III написал: *«надеюсь, что это будет использовано»*.

Меркулов, в сопровождении агентов, ходил по улицам столицы, посещая те места, которые были указаны Рысаковым, или известны ему самому и где по предположению, вероятно, возможно было встретить розыскиваемых лиц. По всей вероятности, Меркулов и встретил на улице Емельянова, которого он знал в лицо, так как вместе с ним и другими ездил за город пробовать действие снаряда перед 1 марта. Проследив Емельянова, агентам не трудно уже было обнаружить и его квартиру, где он и был арестован. Повидимому, Емельянова не схватили сразу же, прямо на улице, именно имея в виду найти, с одной

---

[1]) См. его интересный анализ личности Н. Рысакова: «К событию 1-го марта 81 г.» — «Былое», 1906, № 5.

стороны, его квартиру, а с другой — законспирировать на известное время участие в арестах Меркулова, чтобы не дать возможность народовольцам принять свои меры предосторожности...

6. Судьба первомартовцев.

Справка.

37 лет прошло с 1 марта 1881 года, а из участников в деле 1-го марта остались в настоящее время в живых только пять человек: Анна Васильевна Якимова (хозяйка сырной лавки — «Кобозева»), Аркадий Владимирович Тырков (член наблюдательного отряда), члены Исполнительного Комитета «Народной Воли» Михаил Федорович Фроленко, принимавший участие в подкопе на Садовой улице, Вера Николаевна Фигнер, в квартире которой были изготовлены бомбы, брошенные 1 марта, и Прасковья Семеновна Ивановская-Волошенко, жившая вместе с М. Ф. Грачевским на конспиративной квартире, где хранился динамит, использованный 1 марта (уг. Подольской ул. и Мал. Царскосельского пр. [1]). Все остальные первомартовцы погибли или на эшафоте, или в тюрьмах; громадное большинство умерло еще в восьмидесятых годах, и только Михаил Николаевич Тригони, пережив Шлиссельбург и ссылку на Сахалин, умер в мае 1917 г., в Крыму, да не так давно умер в Хабаровске метальщик И. П. Емельянов. Несколько лет тому назад умер и предатель по этому делу — Василий Меркулов.

Кроме того, неизвестна до сих пор судьба еще двух участников 1 марта: студента С., о котором говорит в своих воспоминаниях А. В. Тырков (он был участником наблюдений за выездами Александра II), и того лица, которому поручено было Исполнительным Комитетом взорвать мину на М. Садовой улице; фамилия его до сих пор еще не обнародована [2]).

Первым погиб метальщик Игнатий Акимович Гриневицкий. От бомбы, брошенной им, погиб Александр II и он сам. Вторым погиб Н. А. Саблин, застрелившийся в ночь на 3 марта в конспиративной квартире на Тележной улице.

2 апреля 1881 года на эшафоте погибли организаторы дела 1-го марта С. Л. Перовская и А. И. Желябов; техник Н. И. Кибальчич, метальщики: Н. И. Рысаков и Тимофей Михайлов.

Кроме Кибальчича, техникой были заняты Исаев, Суханов и Грачевский. Их судьба:

Лейтенант Николай Евгеньевич Суханов, судившийся по «процессу 20-ти», был казнен 19 марта 1882 г., в Кронштадте, в присутствии сборных матросских команд.

Григорий Прокофьевич Исаев судился по тому же процессу, смертная казнь заменена была ему бессрочной каторгой, а затем он

---

[1]) См. прим. 15-е.
[2]) См. прим. 16-е.

был заточен сначала в Алексеевский равелин, а потом перевезен из него, 3 августа 1884 г., в Шлиссельбург, где и умер от чахотки.

Михаил Федорович Грачевский приговорен был Особым Присутствием Правительствующего Сената 5 апреля 1883 г. к смертной казни, замененной 28 мая бессрочной каторгой. — Его тоже сначала заточили в Алексеевском равелине, а затем перевезли в Шлиссельбург, где он и умер 26 октября 1887 г. от «обжогов», от самосожжения. Начальник Шлиссельбургского жандармского управления полковник Покрошинский в донесении своем говорит об этом событии: арестант Михаил Грачевский 26 числа сего октября в 45 минут восьмого вечера, облив портянки керосином из горевшей у него лампы, положил таковые на спину и грудь и зажег, вследствие чего получил обширные ожоги и задохнулся в дыму, хотя медицинское пособие и было оказано немедленно, но безуспешно». За год до этого Грачевский голодал, требуя права прогулок с товарищами попеременно, по выбору. Голодовка эта цели не достигла.

Кроме того, помогала заряжать снаряды Татьяна Ивановна Лебедева. Она осуждена была по «процессу 20-ти» на 20 лет каторжных работ, сослана затем на Кару, где и умерла от чахотки в 1886 г.

Судьба И. П. Емельянова, одного из четырех метальщиков, оставшегося в живых, была такова: смертная казнь заменена ему была бессрочной каторгой, которую он и отбывал на Каре до 1889 г.; вскоре после наказания розгами Н. К. Сигиды и последовавших вслед за тем репрессий, он, в числе некоторых других, так называемых «колонистов», подал прошение о помиловании и был немедленно освобожден из тюрьмы и, как все другие «колонисты», поселен на Дальнем Востоке. Он попал в г. Хабаровск, где сначала был учителем у миллионера П. Пьянкова, тоже сосланного ранее на Лену, по делу «Черного Передела», а потом и управляющим его делами. Умер он года два назад.

На конспиративной квартире на Тележной улице, на которой метальщики получили снаряды, проживали Н. А. Саблин и Геся Мироновна Гельфман.

Гесе Мироновне Гельфман суждено было прожить еще несколько тяжелых и трагических месяцев...

Она судилась с первомартовцами и присуждена была к смертной казни, которая была отсрочена в виду того, что Гельфман вскоре должна была стать матерью. Можно представить, что должна была переживать будущая мать в ожидании ребенка, зная, что она дала ему жизнь, и что ему суждено попасть во вражеские руки, так как ей, его матери, предстоит казнь...

Затем, в виду общественного мнения Европы и Америки, жизнь была ей дарована de jure, но фактически, путем издевательств над чувствами матери и человека, жизнь эта была все-таки отнята, а ребенок отдан в воспитательный дом, как дочь «неизвестных родите-

лей», и дальнейшая ее судьба неизвестна... Геся Гельфман умерла 2-го февраля 1882 года [1]).

Участников «наблюдательного отряда» тоже сторожила трагическая участь.

Елизавета Николаевна Оловенникова, содержавшаяся в доме предварительного заключения, весьма быстро впала в психоз. К ней допущена была в качестве сиделки ее родная сестра Наталия Николаевна, вероятно, для того, чтобы помочь Оловенниковой выздороветь ко времени суда. Но результаты получились обратные. Елизавета Николаевна по целым дням твердила сестре одну и ту же мольбу: «возьми меня отсюда, я больше не могу»... Сестра не могла вынести этой пытки, она тоже стала ненормальной, и их обеих отправили в Казань; здесь они пробыли долгие годы и лишь в 90-х г.г. привезены были на родину, в г. Орел, обе в состоянии тихого неизлечимого сумасшествия. Они еще долго жили чисто растительной жизнью. Теперь обе сестры уже умерли [2]).

Аркадий Владимирович Тырков, переживший при аресте также и личную драму, вскоре заболел нервным расстройством и был отправлен тоже в Казань. Он выздоровел в 1883 г. уже после процесса 20-ти, в котором должен был судиться, и его сослали административным порядком в г. Минусинск без срока. После коронации Николая II ему был, наконец, назначен срок двадцатилетний (административно!). Отбыв его, он вернулся в Европейскую Россию и в настоящее время проживает в Вергеже, Новгородской губ. [3]).

П. Е. Тычинин не дожил до суда; он покончил с собою, бросившись с верхней галлереи дома предварительного заключения, и разбился на смерть...

«Извозчик» — Макар Васильевич Тетерка, осужден на бессрочную каторгу, умер в Алексеевском равелине 9 августа 1883 года.

Из участников подкопа на М. Садовой — Юрий Н. Богданович— хозяин сырной лавки — «Кобозев» — арестован был в марте 1882 г., в Москве, и приговорен был 5 апреля 1883 г. по «процессу 17-ти» к смертной казни, замененной 15 мая бессрочной каторгой. Богданович заключен был сначала в Алексеевский равелин, а затем в Шлиссельбург, где и умер от чахотки, в конце июля 1888 года.

Хозяйка сырной лавки — Анна Васильевна Якимова («Баска») присуждена была по «процессу 20-ти» к смертной казни, замененной

---

[1]) О Гесе Гельфман см. статью выше: «К судьбе Геси Гельфман».
Ред.

[2]) О чрезвычайно трагической судьбе Е. Н. Оловенниковой см. недавно напечатанную статью С. Лившица: «Революционеры в Казанской психиатрической лечебнице», в «Пролетарской Революции», за 1923 г., № 22, стр. 5—29.
Ред.

[3]) Ныне уже скончался, 18 февраля 1924 года, в б. своем имении, в селении Вергеж, Новгородской губ., на реке Волхове. Там-же, в Вергеже, и похоронен. См. его некролог в № 9, «Каторги и Ссылки», написанный А. В. Прибылевым. Воспоминания покойного уже ныне Тыркова о 1 марте см. в указанной уже его статье в «Былом», за 1906 год, в № 5-м.
Ред.

затем бессрочной каторгой; она отбывала ее на Каре. Вскоре после перевода мужской тюрьмы в Акатуй, Якимова была выпущена в вольную команду, а на поселение она вышла в конце 90-х г.г.

В 1904 г. Анна Васильевна скрылась из г. Читы, и, будучи кооптирована в Центральный Комитет партии социалистов-революционеров, принимала деятельное участие в делах партии и, в частности, в боевой ее организации, совместно с бежавшей тоже из Сибири Прасковьей Семеновной Ивановской-Волошенко; по доносу провокатора Н. Ю. Татарова Якимова была арестована в августе 1905 г. и вновь сослана в Забайкальскую область.

В настоящее время А. В. Якимова вновь вернулась в Европейскую Россию и находится в г. Москве.

Николай Николаевич Колоткевич, смертная казнь которому заменена была бессрочной каторгой, заточен был в Алексеевский равелин и предназначался к заключению в Шлиссельбурге, но 24 июля 1884 г. умер в равелине от цынги [1]).

О судьбе Н. Е. Суханова и М. Н. Тригони было уже сказано выше.

М. Ф. Фроленко, осужденный на смертную казнь, замененную бессрочной каторгой, пережил Алексеевский равелин и Шлиссельбург, вышел из него по амнистии 1905 г. и до сих пор живет на юге, занимаясь сельским хозяйством [2]).

А. И. Баранников, осужденный на бессрочную каторгу, умер от чахотки в Алексеевском равелине 6 августа 1883 г.

Мартын Рудольфович Ланганс, также присужденный к бессрочным каторжным работам, умер там же 11 сентября 1883 года.

Лейтенант барон Александр Павлович Штромберг был сначала сослан административно в г. Верхоленск, Ирк. губ., а затем, вследствие оговора С. Дегаева, привезен был обратно в Петербург, и приговорен по процессу В. Н. Фигнер к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение в Шлиссельбурге 10 октября 1884 г.

Марта 1918 года.

---

[1]) См. прим. 17-е.

[2]) Ныне М. Ф. Фроленко живет в Москве, в доме ветеранов революции имени Ильича. Ред.

К истории военной организации «Народной Воли».

(Памяти Эспера Александровича Серебрякова).

13 марта 1921 года в Петрограде, в Доме Писателей, на р. Карповке, скончался, 66 лет, один из немногих еще оставшихся в живых деятелей «Народной Воли» — Эспер Александрович Серебряков. Как лейтенант балтийского флота, он принимал деятельное участие в военной организации «Народной Воли» в 1880—83 г.г., а затем, вынужденный эмигрировать, вследствие провала военной организации, выданной провокатором С. Дегаевым, принимал ближайшее участие в разных заграничных изданиях эмигрантов, вплоть до 1906 г., когда, наконец, вернулся в Россию, воспользовавшись манифестом 1905 г. С этого времени, за исключением кратковременной поездки в Лондон (1913—14), Эспер Александрович прожил безвыездно в Петрограде; но самые первые годы, после своего возвращения на родину, он жил в Финляндии, в Териоках, где при реакции, вскоре сменившей краткую весну 1905—6 г., царская охранка все же не в состоянии была свирепствовать во-всю, как в коренной России.

Э. А. Серебряков родился в Петербурге 7 декабря 1854 г., в дворянской семье инженер-полковника мин. пут. сообщ. Александра Алексеевича и Софьи Семеновны (урожд. Томковид) Серебряковых. Первые десять лет жизни он провел в имении отца, в Псковской губ., близ гор. Острова. Десяти лет он поступил в гимназию, а через три года перешел в морское училище (М. Кадетский Корпус), пожелав быть моряком. Здесь ему посчастливилось найти круг товарищей, из которых многие впоследствии вписали свои имена в историю борьбы с самодержавием (Суханов, бар. Штромберг, Салтыков, Луцкий и другие).

Э. А. рассказывает в своих воспоминаниях [1]), как случайно попавший в его руки I т. соч. Ф. Лассаля произвел в нем, тогда 14—15-летним юноше, основной перелом мысли и чувств и определил направление всей его жизни. Этот, казалось бы, необ'яснимый факт, что одна какая-либо хорошая книжка производила на юношество на-

---

[1]) О них см. ниже. Ред.

чала 70-х г.г. такое решающее влияние, далеко не единичен; наоборот, он встречается в биографиях весьма многих деятелей того времени. Несоответствие официальной России с элементарнейшими основами понятий о праве, социальной справедливости, исторической истины, постепенно воспринятыми русским обществом, благодаря прогрессивной литературе со времен Белинского, настолько било в глаза, что согласовывать их возможно было или величайшими софизмами, или наивною верою, что бюрократическое самодержавие перейдет на почву искренних реформ, т.-е. во имя общего блага подрубит сучок, на котором благополучно восседает. Юношество, даже вышедшее из такой консервативной семьи, как семья Серебряковых, не могло мириться с существовавшими условиями и убаюкивать себя подобными софизмами, и прочтения даже одной хорошей книжки достаточно было, чтобы оформить, раз'яснить самому себе и наметить тот жизненный путь, к которому до этого смутно стремился юноша, урывками, полунамеками уже подготовленный к этому русской литературой.

В 71—72 г.г., в среде Морского училища, образовалось «тайное» общество, а попросту — товарищеский кружок, занявшийся самообразованием. Имея некоторые связи с «радикалами» (как тогда называли революционеров), кружок получал нелегальную литературу и вступил даже в сношения с аналогичными кружками других военно-учебных заведений Петербурга. Но дальнейшего развития в стройную организацию эти юношеские начинания будущих народовольцев тогда не получили. В 1872 г. начальство Морского училища проведало (по доносу кадета Хлопова) о неблагонадежности кадетов, и все члены кружка, 25 чел., были арестованы при училище же и рассажены по отдельным помещениям. Этим морское начальство и спасло своих питомцев, так как, не допустив III отделения взять в свои руки дознание, сумело потушить все дело. Кому-то из арестованных (Суханову, как говорит Серебряков) пришло в голову об'яснить возникновение кружка желанием в будущем, когда они станут моряками, образовать «общество китоловов» для развития промыслов и торговли России... Начальство ухватилось за эту возможность не компрометировать политическую благонадежность училища и не выносить сора из избы, все арестованные дружно поддержали эту версию, и морской министр Краббе сделал соответствующий доклад царю. Дело было «прощено и забыто». Выслан был лишь один кадет Лутохин и уволен в отставку один офицер.

В последующие годы Серебряков с товарищами, оказывая разные услуги «радикалам», не примыкали ни к каким революционным кружкам. Они не могли понять, как возможно, будучи революционером, не бороться, прежде всего, за назревшую необходимость русской жизни — за политическую свободу? Этот вопрос, перед которым порою в недоумении останавливается и современный историк, об'яснялся в те годы весьма просто. Среди революционеров властно царила вера в неизбежность скорого общерусского *восстания*, которое сметет не только все политические надстройки в стране, но уни-

чтожит и все социальные неравенства. Зачем же было завоевывать постепенно то, что может быть взято целиком, одним валом народного моря? Зачем сначала добывать политическую свободу, усиливая этим классы, враждебные интересам народа, когда она естественно должна войти в народные завоевания и подразумевается, как условие sine quo non, всякой социальной революции?

Этой-то веры в среде юного офицерства тех годов и не было. Они мыслили, как реалисты, и знали, по своему положению, какими силами располагает власть, опираясь на армию, в которой еще не поколеблена дисциплина.

Но как только в 1879 г. в программе возникшей «Народной Воли» ясно было поставлено требование борьбы за политическую свободу, всем понятное и ожидавшееся передовым офицерством, оно тотчас же откликнулось. Делегатами к нему от Исп. Ком. «Народной Воли» явились (в Кронштадт) такие энергичные и талантливые люди, как А. И. Желябов и Н. Н. Колоткевич (а вскоре и Н. Е. Суханов), и дело «военной организации» двинулось быстро вперед; число членов ее год от году росло, достигнув к моменту ее разгрома, в 1883 году (донос С. Дегаева), солидной для тайного общества цифры несколько сотен человек, разбросанных кружками, от Финляндии до Кавказа, по югу и северо-западным губерниям в разных городах России. Эта-то организация и должна была сыграть роль кадров-руководителей солдат и рабочих при проектировавшейся И. К. инструкции для захвата власти в наиболее важных центрах. В зависимости от этой цели, эта организация была совершенно обособлена, ради ее безопасности, от общепартийной, а членам ее даже запрещено было, во избежание арестов, заниматься пропагандой среди солдат и матросов. Последняя велась совершенно обособленно от «военной организации» общепартийными силами. Насколько эта изоляция неукоснительно соблюдалась, видно из того факта, что даже С. Дегаев, стоявший во главе И. К., не знал о всех разветвлениях «военной организации», так что некоторые отделы ее (в Минске, Северо-Западном крае и др. пунктах) так и остались властям неизвестны.

В период наибольшего расцвета «Народной Воли», морской кружок в Кронштадте, к которому принадлежал и Эсп. Ал., оказывал разные услуги И. К. Он, между прочим, должен был организовать и освобождение С. Г. Нечаева с товарищами из Алексеевского равелина Петропавловской крепости. Как известно, этот проект, а равно и попытка отбить первомартовцев, во время препровождения их на место казни, не осуществились.

Эспер Александрович в своей брошюре «Революционеры во флоте» [1] говорит, что, окончательно организовав свой Морской кружок (первоначальный его состав был: лейтенант Штромберг, Завалишин, Разумов, Глазко, Серебряков, мичман Юнг и два штурманских офицера — А. А. Корабанович и Ал-др Прокофьев), они выбрали

[1]) См. прим. 18-е.

своим представителем в Центр. Комит. Военной организации барона А. П. Штромберга; Кронштадтский артиллерийский кружок, состоявший из 8—10 чел., послал поручика Вас. Ив. Папина; петербургские артиллерийские академики (человек 5—6) послали штабс-капитана Похитонова; инженеры — капитана К. (?). Кроме этих делегатов в Центр. Комит. вошли: лейтенант Суханов, поручик Н. М. Рогачев, штабс-капитан Дегаев и два члена Исполнит. Комит. — Желябов и Колоткевич. Жандармские «Обзоры», помимо упоминаемых лиц, говорят, как о членах Центр. Комит., еще о Завалишине, Буцевиче и Дружинине, а после арестов Желябова и Колоткевича — о заместителях их от Исполнит. Комит. — Савелии Златопольском, А. П. Корба и В. Н. Фигнер.

Кроме того, в Центр. Комитет приглашены были: кончивший артиллерийскую академию есаул А. М. Николаев и отставной капитан гвардейской артиллерии Н. А. Зиновьев.

По сведениям «Обзоров», к морскому кронштадтскому кружку впоследствии примкнули еще: лейтенант Л. Ф. Добротворский, мичман Г. М. Скворцов, А. А. Балк, С. А. Вырубов и друг. (И. Петров, Похитонов, Вальтерсдорф и В. Федоров).

К артиллерийскому кронштадтскому кружку принадлежали: В. И. Папин, А. И. Вершинин, Н. А. Степурин, Леонид Бубнов, Ал-ей Ал. Прокофьев, М. И. Иванов, Б. П. Налимов, К. П. Мазовский и др.

К кронштадтскому пехотному кружку принадлежали: подпоручики А. Ф. Губаревич-Радобыдьский и Н. П. Котов.

В Гельсингфорсе был сборный кружок: П. Сикорский, Пр. Ф. Кашинский, Н. Тарасов и др. (между прочим, Н. М. Рогачев).

В петербургский артиллерийский кружок вошли (по инициативе Дегаева и Папина): Похитонов, А. М. Николаев, А. Н. Дудинский, Арк. Мих. Кунаев и др.

В кружок Константиновского военного училища вошли: Н. П. Котов, Д. Гр. Элиава, А. Фр. Губаревич-Радобыдьский, В. А. Суворов (переведен в Донскую казачью артиллерию) и др.

Кружок обер-фейерверковский, по инициативе Н. Н. Богородского, организовался на Пороховых заводах.

«Сборный» кружок. В него входили: Похитонов, Рогачев, Дм. Ив. Чижов, Конст. Степурин и др.

В Москве во 2-м гренадерском и Ростовском полку был прапорщ. Дав. Григ. Элиава, окончивший Константиновское военное училище (с ним в сношениях были офицеры: Гурийского полка — пор. Литвинов и гренадерских полков — подпор. Крутецкий, Юрасов и Виноградов); в Самаре, в 159 Гурийском полку — пор. Вас. Ильинский, вольноопределяющийся Е. Е. Лазарев (впоследствии известный эмигрант с.-р.), доктор Вл. Вит. Чаушанский, поруч. А. Сев. Литвинов.

В Саратове был кружок среди офицеров в 158 Кутаисском полку (туда приезжал из Петербурга штабс-капитан А. Н. Дудинский).

В Одессе — в кружке Люблинского полка были: М. Ю. Ашенбреннер, М. Н. Каменский, Б. А. Крайский, Ирин. Ф. Муранович, Ф. В. Стратонович, П. Иос. Телье и Д. И. Чижов.

На Кавказе, в Гори, в Мингрельском полку офицеры: Н. А. Алиханов, Ф. П. Анисимов, А. П. Антонов, кн. Л. А. Вачадзе, В. Л. Держановский, Иос. Фелиц. Диппоман, А. Г. Манухин, Арчил И. Цицианов; в сношениях с кружком был С. Н. Шепелев.

Все эти данные взяты из жандармских «Обзоров» за 1882—1884 годы. Этот официальный перечень почти совпадает со списком офицерских кружков Военной Организации «Нар. Воли», составленным М. Ю. Ашенбреннером, в письме к пишущему эти строки, составленным по памяти в настоящее время (1923 г.). Но Мих. Юльевич перечисляет также кружки, которые не были известны жандармам. Вот этот список. Привожу его здесь полностью, перепечатывая письмо М. Ю. Ашенбреннера, написанное 15 ноября 1923 года.

«В г. Николаеве — армейский: Мицкевич, Талапиндов, Успенский, Маймескулов, Заичневский, сапер Чижов, казак Попов.

Огромный Морской кружок (всего человек 30): Янушевский, Главацкий, Бубнов и др.

В Одессе — армейский: Крайский, Стратонович, Телье, Каменский, Мураневич и др.

В Киеве: Бычков, Тиханович и др., и был еще не сложившийся кружок Трояновского.

В Орле — офицер Кузьмин и др.

В Пскове — Кирьяков и др.

В Минске — кружок Честота и др. (всего человек 6).

В Риге — два армейских кружка, всего человек 8. В одном был Лебедев, в другом — офицер, псевдоним которого был «Холява».

В Петербурге — кружок Артиллерийской академии — Дудинский, Кунаев, оттуда же попали в Центральный Кружок Николаев, Дегаев, Похитонов. В Морской академии: Кудрицкий, Ювачев. Оттуда же прибыл в Николаев, по окончании курса, Янушевский. В Петербурге же к организации принадлежали также в Новочеркасском полку — Губаревич и в Московском — Анненков. С кружками в Военных училищах я еще не успел познакомиться (пишет М. Ю. Ашенбреннер). О них знал хорошо Степурин, которому я сдал петербургские связи, отправляясь в об'езд. Степурин покончил с собой в заключении.

В Кобеляках, Полтавской губ. — два артиллерийские кружка (в которых Мих. Юльев. был два раза, но знал одного Похитонова, вернувшегося туда из центра).

Кружок (артиллерийский?) в Вилькомире, куда Рогачев тоже вернулся из центра в свою батарею.

В Кронштадте находились: Центральный кружок, членами которого были сначала Суханов, Штромберг, Рогачев, Дегаев, Похитонов, Буцевич, Николаев, Серебряков, Завалишин, Папин. Последний его состав: Серебряков, Завалишин, Папин, Ашенбреннер, казак Н. Сенягин. Остальные были арестованы или уехали в свои части. В Кронштадте же существовали большие морские кружки, помню Прокофьева; в артиллерийском кружке: Иванов, Вершинин, Прокофьев 2-ой; существовал и армейский кружок (фамилий не помню). Кроме

того, были кружки в Гельсингфорсе артиллеристов; первый провалился. Я знал в них одного, кажется, Кашинцева (Прок. Фил.).

В Москве существовал еще кружок Элиава, — туда я не успел заехать. Существовали еще кружки в Ревеле, Двинске, в Пинске, остальное все рухнуло. Уцелевшие распались.

Арестовано было до 200 человек офицеров, но, судя по зашифрованной памятной книжке, которая находилась при мне и которую, к счастью, я успел уничтожить до ареста, этими 200 офицерами состав Военной Организации далеко не исчерпывался. Правда, в эту книжку, по поверке, оказалось, попало несколько человек лишних».

Серебряков, Эсп. Ал., в своих «Революционерах во флоте», рассказывает о дальнейшей судьбе некоторых из членов кронштадтского Морского кружка, оставшихся на службе. Из них, — говорит он, — погибли в бою при Цусиме, командирами броненосцев, П. О. Серебренников (броненосец «Бородино»), Юнг (броненосец «Орел»), Миклуха Маклай (броненосец «Ушаков»). Член бывшего морского кружка А-н командовал одним из броненосцев в Порт-Артуре, а Добротворский — эскадрой на Дальнем Востоке в 1904 году. Артиллерист Верщинин был градоначальником в осажденном Порт-Артуре... И все эти люди вышли из кружка, состоявшего всего из 20—25 человек. Из числа только одних кронштадтских кружков артиллеристов и моряков вышли равным образом такие люди, как Штромберг и Суханов, казненные царем.

Дегаеву не были известны многие местные разветвления военной организации (напр., все северо-восточные, в Новгороде, Москве, в Орле), поэтому они остались целы, и хотя погибли для революции, вследствие своей оторванности от центра, но в армии, вероятно, сыграли свою роль и, может быть, в числе их членов история революционного движения откроет впоследствии даже главнокомандующего армиями в последней войне. Мы хотим сказать этим лишь то, что *качественно* в военную организацию «Народной Воли» шло в те годы лучшее, что было в армии и флоте, отличающееся от массы офицерства личной энергией и способностями. По словам Э. А. Серебрякова, общее число членов военной организации «Народной Воли», во всей России, достигало нескольких сотен человек, а так как это были исключительно офицеры, то для тайного общества это было громадное число, даже превышавшее число декабристов. Из одного этого видно уже, что при благоприятных условиях проект Исполнит. Комитета о военной инсуррекции и захвате власти мог быть действительно осуществлен и не являлся какими-то максималистскими мечтаниями личных увлечений или благопожеланий.

Серебряков рассказывает также, как Суханов передал, уже после 1 марта 1881 года, кронштадтскому кружку моряков предложение освободить из Алексеевского равелина С. Г. Нечаева и С. П. Ширяева, и что кружок принял это предложение. Из других источников известно, что Исполнительный Комитет, не расчитывая на успех одновременно подготовляемых цареубийства и вооруженного освобождения заключенных из Алексеевского равелина, предоставил решение

выбора того или другого предприятия самому Нечаеву. Конечно, при подобной постановке, вопрос уже заранее был предрешен в пользу цареубийства, и Исполнит. Комит. своим предложением выполнил лишь долг корректности по отношению к Нечаеву, тотчас же категорически отказавшемуся от освобождения. Но до получения его ответа, о проекте освобождения силою из равелина заключенных было сообщено офицерам; это было за два-три месяца до 1 марта. Не имел ли в виду Исп. Комит. вновь приступить к этому плану после 1 марта? На вопрос этот должны ответить две из участниц Исп. Комит.—А. П. Корба и В. Н. Фигнер.

От них же возможно было бы узнать и о другом плане, упоминаемом Э. А. Серебряковым, — о проекте освобождения первомартовцев, когда их поведут на место казни. Почему он не был осуществлен? Военное руководительство и сила были на-лицо, но было ли в наличности достаточное количество готовых жертвовать собою рабочих.

Когда центральная организация «Нар. Воли» оказалась разгромленной, В. Н. Фигнер, одна оставшаяся в России из первоначальных членов И. К., вынуждена была прибегнуть к пополнению ее сил офицерами, а для установления прерванных арестами связей и для укрепления существовавших в самой «военной организации, были избраны из среды ее несколько человек, в том числе и Эсп. Ал., которые должны были об'ехать военные кружки в России. Но это уже совпало с выдачей С. Дегаевым известному Судейкину всей партийной организации; помешали аресты; об'езд этот мог совершиться лишь частично и своей цели не достиг.

Эсп. Ал., несмотря на угрожавший ему арест, держался до последней возможности, не желая покидать Россию и свое положение во флоте. Но, в конце концов, в августе 1883 г., он вынужден был эмигрировать в Париж, где и началась вторая полоса его жизни. В первые годы, сойдясь очень близко с П. Л. Лавровым, Л. Тихомировым и особенно с Марией Николаевной Оловенниковой-Ошаниной-Баранниковой (жившей в Париже под именем Марины Никаноровны Полонской) и с некоторыми другими народовольцами, Серебряков принял деятельное участие в сношениях с народовольческими организациями в России, а затем и в попытках воссоздания их. Но жизнь шла своим ходом, и народовольчество постепенно умирало . . . Одновременно Эсп. Ал. принял участие и в литературных начинаниях эмигрантов. Он участвовал в «Вестнике Народной Воли», «Социалисте», «Материалах для истории рев. движения», а затем написал ряд брошюр, касаясь в большинстве из них участия военных в революционном движении и, вообще, военных вопросов, связанных с социализмом. После открытого перехода Льва Тихомирова в лоно самодержавия, православия и народности, Эсп. Ал. обнародовал «Открытое письмо Льву Тихомирову» (Женева, Вольн. русск. типогр., ц. 30 сант., 1888 г.), в котором недвусмысленно обвинял его в лицемерии. В 1893 г.

им написано «Семидесятилетие П. Л. Лаврова» (Женева, тип. стар. народ., ц. 30 сант). В «Материалах для истории соц.-рев. движения» он поместил статью «Общество Земля и Воля», которая затем вышла отдельным изданием. Серебряков воспользовался для этой статьи «Записками Землевольца» О. Аптекмана, ходившими в то время по рукам в рукописных и гектографических списках (конечно, без имени автора). Затем появились его брошюры: «Нашим порицателям», «Не пора ли?» «От группы офицеров к русскому обществу». (Лондон, вольн. русск. тип., 1896 г.), «Об уничтожении постоянной арми» (Женева, тип. ст. нар., 1899 г.), «Политика и офицеры» (изд. «Накануне», Лондон, тип. фонда вольной русской прессы, 1899 г.). С 1899 по март 1902 г. Серебряков был редактором-издателем в Лондоне ежемесячника «Накануне». В этой газете он намечал новые пути революционной борьбы в России, так как программа и тактика «Нар. Воли» (захват власти) должны были быть изменены, в зависимости от изменившихся за двадцать лет условий русской действительности. Помимо этого, Эсп. Ал. принимал участие и в изданиях «Фонда Вольной Русской Прессы», в Лондоне.

После манифеста 1905 г., давшего возможность эмигрантам вернуться на родину, Эсп. Ал. поселился сначала в Финляндии, а затем через три года, в Петербурге, где посвятил свои силы литературной работе. В 1907 г. в «Былом» им помещены были автобиографического характера воспоминания «Революционеры во флоте» (№№ 2 и 4), вышедшие потом в отд. изд. Петр. Госуд. Изд. в 1920 г.; в «Заветах» 1913 г., из личных воспоминаний он поместил статью «Год в Болгарии» (1885—86 г.г.).

Князь Батенбергский, после отзыва Россией из Болгарии русского офицерского состава, стоявшего во главе юной болгарской армии, нуждаясь в офицерах, пригласил сначала товарища Серебрякова, В. В. Луцкого, а затем и самого Серебрякова на службу Болгарии. Серебряков назначен был начальником болгарской флотилии и участвовал в болгаро-сербской войне. После ареста Батенберга русской партией и вывоза его в г. Тульчу, где он передан был России, Серебряков, не желая принимать участия в междоусобных болгарских распрях, подал в отставку и уехал в Париж. В 1890 г. вернувшийся в Болгарию Батенберг вновь пригласил его на службу, и Серебряков принял предложение, уже выехал было туда, но в Гавре, заметив за собою слежку, благоразумно вернулся в Париж. И хорошо сделал! Через некоторое время после этого французская полиция сделала у Серебрякова в Париже обыск. При этом шеф полиции Жерард конфиденциально сказал ему: «Yous avez voulu partir á Boulgarie. Mefiez vous de ce voyage: on voulait vous jouer un mauvais tour!» («Вы хотели ехать в Болгарию. Берегитесь этой поездки: с вами хотели сыграть плохую шутку!»). В это же приблизительно время товарищ Серебрякова — В. Луцкий был вызван подложной телеграммой в Константинополь, заключен на русское судно и увезен в Россию... За время пребывания Серебрякова в Париже, у него, вообще, произведено было несколько обысков, между прочим, по делу бомбистов (Ка-

шинцев, Теплов и др.) и по делу Подлевского, убившего жанд. ген. Сильвестрова.

В Петербурге Эсп. Ал. принимал участие в журнале «Вестник Знания», где он вел отдел «Среди журналов» (1908—11 г.г.). К этому же времени принадлежат многочисленные его переводы с французского и английского языков. Им переведены были: Э. Ренан—«Евангелие и второе поколение христианства», «Святой Павел», Д. Кенан — «Сибирь и ссылка», Бичер-Стоу — «Дрэд», ром., «Робинзон Крузе», Дарвин — «Путешествие на корабле Бигль», Эд. Дженкс — «Происхождение власти» и Шредер — «Женщина и Труд». После февральской революции Эсп. Ал. был одним из редакторов газеты направления «Воли Народа» — «Народ» и членом группы соц.-рев., так называемых, оборонцев. Вместе с тем, он принимал участие и в общественной жизни. Он был товарищем председателя и членом исп. комиссии временного Василеостровского гор. комитета, а затем гласным Василеостровской районной думы и лектором культ.-просв. отдела при штабе округа. С ноября того же года тов. Серебряков устранился от общественной деятельности, а в следующем году принял участие в качестве научного сотрудника, в историко-революционном архиве, занявшись работой по истории «Народной Воли». Принимал он участие и в комиссиях Музея Революции, ставивших своей задачей организацию выставки по истории «Нар. Воли», и др., имевших аналогичные цели. В последний год Эсп. Ал. написал «Воспоминания о П. Л. Лаврове [1]).

В иллюстрированном еженедельнике газеты «Товарищ» он поместил несколько «стихотворений в прозе» (кажется, три).

Следует отметить также, что в течение своей эмигрантской жизни, в Англии, Эсп. Ал. приходилось неоднократно испытывать с своей семьей большую нужду. Он однажды вынужден был поступить на фабрику простым рабочим, несмотря на слабое здоровье. Вскоре его выручила, впрочем, изобретенная им «бездымная печь», получившая патенты в некоторых странах.

Тов. Э. Ал. до конца жизни оставался верен заветам народовольчества и народничества. Хотя он во многом сходился с П. С.-Р., но не соглашался считать себя членом партии, не отказываясь, впрочем, от посильных услуг ей. Так, в девятисотые годы он содействовал ее сношениям с офицерством. Только после февральской революции он вышел из своей нейтральной позиции и примкнул к единомышленной группе «старых соц.-рев.-оборонцев».

В памяти всех знавших отошедшего товарища сохраняется образ этого светлого человека, не шедшего ни на какие компромиссы, подрывающие основы его взглядов, неизменно отзывчивого в радостях и печалях товарища, человека любви к людям, веры в торжество социального равенства и свободы.

---

[1]). Появились в Сборнике «П. Л. Лавров». Изд. «Колос», Петроград. 1922 г.

На гражданских похоронах Эсп. Ал. было всего 50—60 чел. друзей, товарищей и сослуживцев. Но в наше время, при отсутствии способов передвижения, кроме собственных ног, и это число казалось внушительным, так как общественного характера похороны не носили.

Тело опущено в землю на Серафимовском кладбище (в Старой Деревне); со взморья в этот момент доносилась канонада тяжелых орудий Кронштадта и береговых батарей.

Не такого салюта ждал всю свою жизнь отошедший товарищ!

4 апреля 1921 г.

Первые вести из Шлиссельбургской крепости[1]).

В 60-ти верстах от нашей столицы, в самом верховье Невы, против уездного города Шлиссельбурга, лежит низкий островок; на нем крепость. По одну сторону от нее, на восток, в безгоризонтную даль уходит Ладожское озеро; по другую—Нева с ее лесистыми берегами, плотами сплавных бревен и судами. Крепости — много веков. Ее старые, толстые, рассевшиеся книзу стены безмолвно вырастают почти из самой воды. Совершенно слепые, без окон или бойниц — только с башнями по углам, они выбелены белой краской, местами облупившейся и заплесневевшей. По углам на двух концах острова к Неве и к северу поставлено по полосатой будке, около которой вырезывается силуэт часового, с ружьем на плече. Стены тянутся вокруг острова сплошной ровной громадой; из-за них ничего не видно — ни одного здания, кроме церковной главы да верхушки деревьев церковного сада. Эта рассевшаяся, угрюмая, каменная громада, с пучком зелени посередине, окруженная со всех сторон водой — довольно близко напоминает картину немецкого художника Беклина, которую он назвал «Остров мертвых». Русское правительство совпало в эстетическом чувстве с этим художником и остановилось на Шлиссельбургской крепости, чтобы сделать из нее могилу для живых. Здесь, с 84-го года, оно содержит своих врагов, которых почему-то не решилось казнить . . .

До сих пор мы почти ничего не знали о том, что таят за собой стены Шлиссельбургской крепости. Они представлялись нам какой-то мрачной, черной бездной, со дна которой не долетало до нас почти ни одного звука. Из этого мрака покажется бледный, дрожащий призрак Иоанна Антоновича, которого протомили здесь почти 20 л., чтобы убить здесь же; вспоминается задушенный по дороге сюда Екатериною Петр III; изредка глухо и смутно донесется прокравшаяся какими-то судьбами весть о самоубийстве или казни кого-нибудь из современных обитателей крепости и только . . . [2]). Теперь, благодаря случайности, темная внутренность могилы для живых осветилась для нас — правда, лишь слабым светом . . . По случайно дошедшим до нас мелко исписанным лоскуткам бумаги, написанным рукой одного из

---

[1]) См. прим. 19-е.
[2]) См. прим. 20-е.

жильцов могилы — мы воспроизводим описание тюрьмы и немногие отрывочные сведения из жизни заключенных, придерживаясь, по возможности, точного текста «лоскутков».

Новое двух-этажное здание политической тюрьмы окончено постройкой в 1884 году. Оно стоит в восточном углу крепости и обнесено с 3-х сторон высокими стенами, заграждающими всякий вид из тюремных окон. С другой части крепости, где живет крепостное население (жандармы, сторожа, начальство), тюрьма отделяется менее высокой стеной. На отдельном дворе, неподалеку от башни, в которой провел свою несчастную жизнь Иоанн Антонович, стоит старое тюремное здание («камеры здесь сырые, грязные, темные»). Оно является как бы тюрьмою в тюрьме: сюда переводят, в виде наказания, «провинившихся» заключенных. Здесь же держали перед казнью всех привезенных в Шлиссельбург в 87 году [1]).

На том же дворе, где стоит новая тюрьма, устроены загородки для прогулки заключенных и огороды для них. Здание новой тюрьмы обращено окнами, с одной стороны, на с.-в., с другой — на ю.-з. Оно разделено на две части коридором, в который в обеих этажах открываются двери 40 камер. Коридор соответственно этажам разделяется на две части сеткой, горизонтально прикрепленной к висячей галлерее: это предохранительный прибор, предупреждающий попытки к самоубийству. Все камеры одиночные. Ширина каждой 4 арш., длина 6 арш., высота 5 арш.; потолок сводчатый. В камерах сухо, стены выкрашены масляной краской, пол асфальтовый; отопление паровое — *внизу всегда холодно;* вентиляция удовлетворительная. Квадратные в 9 стекол окна (¾ арш. шир. и выс.) устроены на высоте 3-х арш. от пола. Стекла в начале были матовые, форточки открывались так, что почти нельзя было видеть неба; только в 90-х годах были вставлены светлые стекла и стала открываться вся верхняя часть окна. Сделали это лишь тогда, когда многие успели испортить себе зрение [2]). «Это была великая реформа в нашей жизни, ибо кроме света и чистого воздуха, мы получили возможность после 7—8-летней полнейшей отчужденности от мира, смотреть на двор наших правителей. Из камер 32—40 видим церковь, могилы завоевателей [3]), дом смотрителя. Вдали дом коменданта, а слева от могил — казармы унтеров. Все же не то, что смотреть в муть матового стекла и ничего не видеть».

К 4-м угловым камерам приделаны наружные ставни, приспособленные для обращения их в темные карцеры. Внутреннее убранство камер таково: железная кровать, которая на день поднимается к стене, против нее железные раковины с водопроводным краном, затем железные же, вделанные в стену, стол и табуретка; у дверей ватеркло-

---

[1]) См. прим. 21-е.

[2]) В начале никому не разрешали носить очки; Лопатин добился их 3-дневною голодовкой; дали затем и другим.

[3]) Братская могила солдат, убитых при штурме шведского тогда «Нотебурга» (древний «Орешек») Петром I 12 октября 1702 года.

Ред.

зеты. Для спанья дается матрац, набитый рогожей или соломой и две маленькие, туго набитые подушки. Сначала давали байковое одеяло и сравнительно тонкие наволочки и простыню, теперь же стали давать одеяло очень неудобное из простого сукна и грубое постельное белье из плохо беленого холста. Одеждой заключенных служат серые куртки, у которых в прежнее время рукава были — для чего-то — черного цвета. Сапог выдается сразу 2 пары: одна для камеры, другая для работ и прогулки. Платье и сапоги меняются по мере изнашивания. Посуда состоит из медной луженой миски и тарелки, деревянной ложки и фаянсовой кружки; они остаются постоянно в камере. Непременную принадлежность камеры составляют также библия и молитвенник, поступающие в собственность заключенного, и икона на стене. Освещение теперь электрическое; ночью его не гасят.

Вот как проходит день заключенного: пища выдается 4 раза в день. Утром в 7 час. — чай с полу-фунтом белого хлеба, в 12 ч. — обед, в 4 часа — опять чай и в 7 час. — ужин. На чай и сахар теперь положено 1 р. 30 к. в месяц. Даются чайники. Раньше было много хуже: обед состоял из двух блюд — суп или щи и каша; по средам и пятницам давали постное, мясо только по воскресеньям; белого хлеба вовсе не давали; для больных, впрочем, были особые порции, с разрешения врача. Теперь питание лучше, но особых больничных порций уже не существует. Прогулки происходили с 7½ час. утра до 11½ час. — в 2 смены, по 1¾ ч. каждая. Прежде прогулки происходили в 4 смены, по ¾ час., гуляли только в особых клетках. Впоследствии прибавлено еще 8 огородов. Клетки отделены одна от другой высокими глухими стенами, и только результатом долгих протестов и настойчивости со стороны заключенных явились в них маленькие окошечки. Огороды тоже обнесены высокими стенами, так что постоянная тень мешала обрабатывать половину отведенного пространства, пока верхняя часть забора не была заменена решеткой. Эта решетка дает возможность, становясь на скамейку, видеть соседа. Ширина огородов 8 арш., длина 17. До устройства огородов в клетках был песок, который заключенные могли перебрасывать с места на место для физического упражнения. Теперь в огородах разводят овощи и цветы [1]).

От 12—4 ч. по расписанию дня полагается работа (необязательная) в мастерских, устроенных в старом тюремном здании. Работа идет в 2 смены, по 2 часа каждая; *вместе работают* по 2 человека. Имеются следующие ремесла: столярное, токарное, переплетное и слесарное; кузницы, несмотря на усиленные просьбы, не разрешили [2]). Работают частью для себя, частью для начальства. На сы-

---

[1]) Подробное описание этой стороны жизни в Шлиссельбурге (мастерские, огороды, садоводство и пр.) см. в книге М. В. Новорусского: «Записки шлиссельбуржца», Госиздат, 1921; первоначально были напечатаны в «Былом» за 1906 г. Ред.

[2]) Кузница была разрешена к открытию много позже после освобождения Манучарова из Шлиссельбурга, в 1901 году, когда в Шлиссель-

рые материалы для мастерских ежемесячно отпускается 40 руб. По тюремным правилам, «за хорошее поведение» работа может выдаваться в камеру, но это не делается: смотритель Соколов находил опасным давать заключенным инструменты на руки.

Для брошенного в тюрьму интеллигента, чтение является единственным способом, хоть на время забыть о печальной действительности и получить, хоть небольшой, нравственный отдых. Казалось бы, ничто не могло помешать властям дать возможность заживо погребенным в Шлиссельбурге свободно пользоваться этим — единственным для них возможным — нравственным отдыхом. Но тюремное начальство смотрело на это с своей точки зрения. В начале не дозволялось передавать с воли никаких книг, и только в самое последнее время разрешается передавать книги духовно-нравственного содержания. Тюремная же библиотека, перевезенная вместе с заключенными из Алексеевского равелина, также состояла из книг духовно-нравственных; научных же было только несколько экземпляров, на русском и французском языках. Теперь пополняют библиотеку книгами научного содержания.

Библиотекой заведывал в прежнее время жандармский унтер, книги выдавались по каталогу. Для письменных работ заключенным выдавалась сначала только грифельная доска, а затем стали выдавать карандаши и тетради, которые осматриваются во время отлучки заключенного из камеры — на прогулку или работу. Директор д-та полиции Петров разрешил чернила.

Суррогатом жизни служит чтение допущенных начальством книг, таким же скудным суррогатом общения с людьми должны служить следующие виды этого общения: обыкновенно заключенные слышат только голос смотрителя или старшего унтера. Постоянно дежурящим (по двое) жандармским унтерам запрещено говорить с заключенными. Кроме того, согласно правилам, заключенные имеют право вытребовать к себе священника для собеседования, которое происходит при такой обстановке: священник садится на кровать, рядом с заключенным, а напротив, на столе, усаживается смотритель с двумя жандармами по бокам [1]).

Свидания с родными не разрешаются *никогда*, письма не передаются, и вести о них доходят до заключенных только в виде кратких «резюме» крепостного писаря. Утонченная, уже абсолютно ничем, кроме целей нравственной пытки, необ'яснимая жестокость этого правила, конечно, представляется одним из самых тяжелых условий жизни заключенных [2]).

бурге был уже П. В. Карпович. Первым кузнецом был П. Л. Антонов, а помощником у него — П. В. Карпович. Ред.

[1]) См. прим. 22-е.

[2]) Никаких свиданий заключенные в Шлиссельбурге никогда не имели. Что же касается переписки с родными, то она была разрешена в 1897 году. Писать дозволялось только два раза в год, самым близким родственникам. О переписке с родными см. у Н. А. Морозова. «Письма из Шлиссельбургской крепости», СПБ, 1910. — Ср. также у В. Н. Фигнер. «Когда часы жизни остановились», стр. 126—131, гл. XVI, «Переписка». Ред.

Но и писанные сообщения делаются всего 2 раза в год: к Пасхе и в сентябре, а самое последнее время, и к другим большим праздникам. Раньше и этого не дозволялось; сведения получались в виде исключения, по предписанию д-та полиции, через ген. Оржевского или коменданта. Форма их была лаконическая: «жив», «жива», «здоров», «здорова». Теперь родные могут передавать фотографические карточки с собственноручною надписью («дорогому... от любящей» и т. д.), крестики и иконы, а, по особым ходатайствам, теперь стали изредка посылать родным телеграммы с извещением о заключенных. Как образец, вот текст одной из них: «Ваша дочь в настоящее время очень возбуждена». И только. Есть у заключенных и нечто вроде общения друг с другом. Соседи по камерам перестукиваются; перестукивание, конечно, запрещено инструкцией, но начальство перестало обращать на него внимание, так как пришло к заключению, что его не искоренишь: а искоренять в былое время очень старались — наказывали и били. Но об этом ниже. Инструкция также строго относится и к пению. Тяжелым условием для заключенных женщин является то, что вся стража мужская. Но нельзя себе представить ничего ужаснее пребывания в камере Шлиссельбургской могилы, когда у соседа начнется душевная болезнь. А из приведенной ниже «исторической таблицы», читатель увидит, что это не редкий случай. Здесь, как это было с соседом Грачевского, Ивановым, приходится звук за звуком, шаг за шагом следить за ходом духовной агонии товарища... И только в настоящем году начальство озаботилось перевести душевно-больных в больницы [1].

Из Шлиссельбурга заключенных, по окончании срока — для кого есть такой срок — переводят в Петербург, в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Здесь заключенный, наконец, получает право послать письмо, написанное собственной рукой и от своего имени, и может иметь, с разрешения д-та полиции, свидание с родственниками [2].

Шлиссельбургская могила открыла свои двери 2-го августа 1884 гда, когда в нее попали 20 человек: Минаков, Мышкин, Малавский, Буцевич, Долгушин, Златопольский, Кобылянский, Игнатий Иванов, Исаев, Геллис, Грачевский, Арончик, Богданович, Буцинский, Тригони, Фроленко, Морозов, Попов, Поливанов и Юрковский. В октябре того же года за ними последовали осужденные по процессу Веры Фигнер, а потом в разное время и остальные [3].

---

[1]) См. прим. 23-е.

[2]) Необходимо, чтобы близкие люди заранее позаботились о тех, кому оканчивается срок в Шлиссельбурге, и заблаговременно посылали на их имя в д-т полиции деньги. Деньги выдаются только от родных, а письма от заключенных и обратно идут очень долго, так что в ожидании денег заключенным приходится очень плохо.

[3]) 2—4 августа 1884 г. в Шлиссельбург были переведены из Алексеевского равелина и Петропавской крепости (из тюрьмы Трубецкого бастиона) не 20 человек, а 21. — В списке Тютчева-Манучарова пропущен М. Ф. Клименко, судившийся по процессу 17-ти. Клименко занимал в Шлис-

Первую партию (20 человек) перевели из Алексеевского равелина Петропавловской крепости, куда они были переведены из Трубецкого бастиона. В Алексеевском равелине сидели совершенно без книг, а затем дали духовно-нравственные.

Вообще же условия заключения там были настолько невыносимы, что, благодаря им, в Шлиссельбург попали далеко не все из тех, для кого было там уготовано место.

В 1882 году, еще в Трубецком бастионе, умерла Людмила Терентьева (1); ее отравили, дав, по ошибке, атропин вместо какого-то другого лекарства. В том же году, в Алексеевском равелине покончил с собою Степан Ширяев (2); он положил на стол все имевшиеся у него книги и бросился с этой высоты головой на пол; умер почти моментально. Затем умерли от цынги и ее последствий в 1883 и 1884 годах: 3) Баранников, 4) Тетерка, 5) Теллалов, 6) Клеточников (с ним обращались особенно скверно), 7) Ланганс, 8) Ал. Михайлов, 9) Ник. Колоткевич [1]).

Вот что, между прочим, вспоминают шлиссельбуржцы об Алексеевском равелине. «В страстную субботу (1882 г.) у нас был сытный обед, но ужина не дали. Тригони сказал Соколову: «если не будут давать ужина, то пусть жаркое от обеда оставляют на кухне для ужина». На другой день (первый день пасхи) эта просьба была исполнена, но таким образом, что заключенных вовсе лишили мяса; и с тех пор неизменной и единственной пищей для всех, даже для больных, был черный хлеб, щи и каша.

Николай Клеточников прибег к обычному средству заключенных — голодовке. Это всегда действует на начальство, которое, вероятно, опасается за смерть заключенных. Клеточников недолго выдержал: прекратил голодовку и через 2 недели умер [2]). А дурное питание сделало свое дело: почти все корчились в цынге; никого не лечили; некоторые, не желая поддаваться болезни, несмотря на сильные боли, ползали по камере и даже пытались проделывать гимнастические упражнения... На такую картину попал генерал Оржевский; должно быть, при виде этих ужасов и его чувство мести было удовлетворено [3]). После его посещения значительно улучшили пищу, появился доктор, назначили молоко, кислоту, увеличили время прогулки. Заключенные начали оживать, но все-таки 7 человек не стало.

сельбурге камеру № 26 и в этой же камере 5 октября 1884 года кончил жизнь самоубийством. 10 октября того же года в эту камеру вошла В. Н. Фигнер и долгое время оставалась бессменной ее обитательницей.

Ред.

[1]) Этот список умерших в Алексеевском равелине нужно также дополнить еще одним именем,—С. Г. Нечаева. Скончался 21 ноября, 1882 г.— Нечаев несомненно тоже предназначался к переводу в Шлиссельбургскую крепость. — О смерти С. Г. Нечаева и обстоятельствах, ее сопровождавших, см. в новейшей работе П. Е. Щеголева: «Нечаев в Алексеевском равелине». «Кр. Арх.», том V, стр. 114—115.

Ред.

[2]) О Клеточникове см. также выше, стр. 88.

[3]) См. прим. 24-е.

Ред.

После этого скоро перевели всех в Шлиссельбург. «По счету отворявшихся дверей можно было определить число заключенных; недоставало столько, сколько погибло в Алексеевском равелине».

«В Шлиссельбургской тюрьме жизнь началась таким режимом, пища была такова, что заключенные пожалели даже и о равелине».

Строгость надзора в первые года доходила до того, что при каждой перемене белья производился такой же обыск на теле, как и при приеме в крепость.

Мы уже видели, что в последние годы шлиссельбуржцам жизнь стала сноснее: им улучшили пищу, камеры лучше отапливаются, сообщаются сведения о близких людях . . . Но чего им стоило дожить до этих облегчений, об этом лучше всего расскажет следующая историческая таблица, содержащая одни голые факты:

1884 год. Евг. Ив. Минаков голодал, чтобы получить книги и табак. Доктор хотел применить насильственное кормление. Минаков ударил его по лицу и был *казнен*[1]). Мих. *Клименко повесился.* Ак. *Тиханович,* психически заболев, тоже повесился. *Ип. Мышкин* бросил тарелкой в смотрителя (24 дек.), чтобы на суде рассказать об ужасных условиях жизни заключенных в Шлиссельбурге. При этом его страшно избили; товарищи слышали его слова: «зачем бьете, расстреляйте, как Минакова». Его сейчас же увели в старое здание. *Казнен*[2]).

1885 г. *Умерли: Малавский* и *Долгушин;* последний гулял в паре с Буцинским; внезапно перестал гулять, а через месяц *умер.* Чем же он был болен, заключенные не могли узнать, а пока гулял, был здоров. *Умер* от чахотки *Буцевич*, страстно хотел жить и все время надеялся выздороветь. *Умер* Савелий Златопольский, тоже был болен туберкулезом.

1886 год. *Пять смертей:* Людовик *Кобылянский*, *Немоловский*, *Геллис*, *Исаев* (от чахотки, страдал и нервными припадками), Игнатий *Иванов* (был душевно-больным; все бегал и рвался за ворота). С этого же года *заболел психически Щедрин (теперь безнадежен).*

1887 год. *Казнены в Шлиссельбурге: Шевырев*, *Ульянов*, *Генералов, Осипанов, Андреюшкин* — по делу 1 марта 1887 года; перед казнью неизвестно сколько времени они пробыли в старом тюремном здании. *Умер Арончик*, пролежав 4 года в параличе; при промывании пролежней страшно кричал. Он заболел психически еще в Алексеевском равелине, вообразил себя лордом Редстоком, что не помешало перевести его в Шлиссельбург. В этом же 87-м году разыгралась история Грачевского, покончившего с собой самосожжением в камере старой тюрьмы. Эту историю мы подробно излагаем ниже.

---

[1]) Как совершается казнь в Шлиссельбурге, посредством растреляния или повешения, неизвестно. Замечена непонятная странность: в дни казней не слышно боя крепостных часов; так было во время казни Минакова и потом во время казней 5 осужденных по делу 1 марта **1887 г.**

[2]) О Минакове и Мышкине см. прим. 25-е.

1888 год. *Умер* Юрий *Богданович* от общего туберкулеза; очень страдал.

1889 год. *Умер* Людовик *Варынский. Заболел психически Конашевич,* теперь безнадежен.

1891 год. Софья *Гинсбург покончила с жизнью,* перерезавши себе осколком стекла из окна, сонную артерию. В Шлиссельбурге она пробыла всего неделю, и помещалась это время в старом здании тюрьмы. «Невольно думаешь, — прибавляет наш источник, — что если бы ее посадили прямо к нам, она осталась бы жива: жизнь в это время была уже более сносная. В день смерти Гинсбург нам сказали, что в старом здании лопнула водопроводная труба и, под этим предлогом, не водили в мастерские; мы, таким образом, сначала ничего не подозревали о происшедшем». В этом же году *умер Буцинский.*

1895 год. Психически заболел *Похитонов* [1]).

1896 год. 5-го сентября *скончался* Федор *Юрковский.* Он был посажен в Шлиссельбург на 35 лет; провел в одиночном заключении уже 15 лет, оставалось больше 20. Он долго болел Брайтовой болезнью (почек). Умирая, Юрковский, все надеялся увидеть мать, поверив обещанию, что его переведут для лечения в СПБ. дом предв. заключения. Из умерших в Шлиссельбурге, он был первый, к которому допустили товарищей. «Мы могли ухаживать за ним в последние его дни, простились с ним и положили в гроб».

Подведем итог. Помимо 5 казненных за 1 марта 1887 года, привезенных в крепость, очевидно, только для того, чтобы их там убить, из 48 заключенных в Шлиссельбургской тюрьме за 12 лет ее существования, погибло 20 человек. Из них 2 убиты, 4 убили себя сами. С ума сошло 8 человек, 4 из них умерло, 3 до 96 года оставались в Шлиссельбурге.

Таковы итоги... К таким цифрам никакие слова ничего не прибавят. Мы и не станем истолковывать «исторические таблицы», а лишь в дополнение к ее цифрам приведем ряд фактов, почти дословно переписывая их из текста «лоскутков».

В 87 году разыгралась ужасная «Грачевская» история. Грачевский сидел в камере № 10, угловой нижнего этажа, выходящей окном на северо-восток. Солнце заглядывало к нему только во вторую половину весны, и летом, да и то сбоку. Окна тогда были матовые и даже через форточку, открывающуюся только наполовину, небо почти не было видно. Грачевский с самого начала был нервен и, повидимому, страдал манией преследования. В. И. Иванов, сидевший рядом с ним, постоянно слышал от него упреки, что он его истязует, заставляя жандармов катать под ним в подвале вальки. Малейший ветер, колыхавший ставни, волновал его, а ветры в Шлиссельбурге бывают сильные, нередко они срывают целые полосы с крыш. Грачевского раздражало также хлопанье дверной фортки, и он раз заявил смотрителю Соколову, что хлопанье фортки его раздражает, что он нервно расстроен. Тот ответил: «у меня самого нервы рас-

[1]) О душевно-больных в Шлиссельбурге. См. прим. 26-ое.

строены» и еще сильней захлопнул фортку. Грачевский обыкновенно гулял в паре с Тригони. Чтобы увидаться с другими и доставить ту же возможность и Тригони, он просил переменить ему пару. Но Соколов отказался исполнить просьбу. Тогда Грачевский, под предлогом болезни, перестал гулять. Соколов сказал ему, что, пока он не выздоровеет, Тригони будет гулять один, а когда выздоровеет, он будет гулять с Тригони. Вскоре после этого Грачевский вызвал Иванова и Богдановича, сидевших рядом с ним, и простучал, что он решил покончить с собой, что для этого он ударит доктора и на суде выяснит ужасы жизни заключенных в Шлиссельбурге. Те стали отговаривать его. Стучали во время раздачи пищи, когда все жандармы ходят от камеры к камере. Когда же Иванов заговорился и после разноса пищи, то Соколов подскочил к Иванову и крикнул: «оставь его в покое: ты видишь, он болен». Отговорить Грачевского от пощечины доктору никак не могли; тогда Богданович начал уговаривать его, чтбы он вместо доктора ударил «ирода» (так называли у нас Соколова), что доктора жаль, что хоть он и тряпка и все делает, что желает Соколов, но все же если бить, так бить Соколова. Но Грачевский ни за что не хотел уступить. В назначенный день Иванов не пошел гулять, чтобы слышать, как все произойдет. Когда Грачевский ударил доктора, тот вскрикнул, жандармы засуетились; Соколов крикнул: «выходи все» и захлопнул дверь. Грачевский в это время простучал Иванову, как все случилось; к Иванову подбежал Соколов и крикнул: «оставь его, это сумасшедший». Грачевского схватили и повели в старую тюрьму. Но не судили и не расстреляли, как ожидал и хотел он. Товарищи поняли это, как нежелание со стороны начальства узаконить за ними *права на смерть...* Когда Грачевский убедился, что его не убьют, он стал морить себя голодом — начал отказываться от пищи; пищу ему не оставляли в камере, как это делали в подобных случаях. Голодал Грачевский около 20 дней, обливался холодной водой, думая этим избавить себя от обморков. К концу голодовки душевная болезнь его усилилась: он прекратил голодать, потому что «убедился, что Александр III обратил внимание на наше положение»; он написал царю торжественное заявление, что прекращает голодовку по доверию к нему; описал тюремные порядки и выразил уверенность, что царь все это изменит. Рассказывал все это он уже после, когда его перевели обратно к нам в новое здание. Осенью Грачевского почему-то перевели в старую тюрьму; в ней в это же время держали за «провинности» еще несколько человек, в том числе и пишущего. Не помню, в какой день, в 10 час. вечера, послышался сначала слабый, а затем сильный стон. Подбежавший к дверям жандарм отчаянно крикнул другому: «звони»! Раздался звонок. «Дергай, пока не придут»... Что произошло, мы не могли понять... А больше ничего слышно не было. Минут через 15—20 прибежал Соколов и крикнул: «давай мешки» (должно быть, с песком, которым тушат огонь). Отворили двери, понесся смрад гари. Кого-то вынесли в коридор. Это был Грачевский, он сильно стонал. На мой вопрос, что с ним, он ничего не ответил, а Соколов подбе-

жал к моей двери и сказал: «ничего, человек хотел сжечь себя». Пришел доктор. Уложили Грачевского в другой камере. Жандармы потом рассказывали, что он промучился еще три дня. Через неделю приехал директор д-та полиции. Соколов слетел; с ним, говорят, сделался удар перед второй дверью, которую он отворил генералу: генерал страшно кричал на него за допущение самосожжения. После Грачевской истории пошли некоторые облегчения. А лампы на ночь стали запирать на замок цепью, вделанной в стену [1]).

Приведем несколько фактов, характеризующих обращение с заключенными. Здесь всякому человеку, одаренному сколько-нибудь нормальным чувством, опять придется натолкнуться на совершенную неожиданность. Казалось бы, что самая грубая, самая примитивная душа содрогнется перед бездной обрушившегося на них несчастья, почувствует почти робость и уважение к этим людям, как бы всю жизнь ходящим в тóй одежде, в которую в средние века одевали осужденных на смерть. На самом деле не то. По *правилам* начальство разговаривает с ними не иначе, как на «ты». Особенно часто применял местоимение *ты* ген. Оржевский, сошедший со сцены в 1887 г. (после 1 марта); он употреблял его даже там, где по грамматическим формам казалось бы невозможным поставить его. Низшая администрация, конечно, не отставала от своего начальства. Даже доктора позволяли себе говорить заключенным «ты», не делая исключения и для женщин. Чаще, впрочем, они избегали говорить как «ты», так и «вы»; не говорят: «раздевайся», а «надо раздеться»; не говорят: «как твое здоровье», а «как здоровье заключенного», относясь не то к самому заключенному, не то к смотрителю. Дурново и Петров при своих посещениях употребляли «вы» и даже «милостиво улыбались». Однажды пьяный Шебеко посетил тюрьму; дело было вскоре после плевка Мартынова в смотрителя [2]). При обходе им тюрьмы, в камеру сначала вскакивали жандармы, припирали заключенного к стене, а генерал в это время ругался. Зайдя в камеру Шебалина, он спросил: «вы читаете?» Тот ответил: «да, читаю», и при этом улыбнулся. Шебеко закричал: «какая нахальная рожа! Вы знаете, что для дерзких здесь розги и плети» и, обращаясь к коменданту (полк. Покрошинскому), повторил: «розги им, полковник, плети!..» Когда он вошел к Тригони, тот хотел что-то сказать. Шебеко прервал его: «никаких желаний, эта тюрьма — ваша могила». У Людм. Волкенштейн опять прокричал что-то о розгах, но она выпроводила его, сказав, что не намерена слушать подобных угроз. После, когда Шебеко, вместе с министром Дурново, посетил тюрьму,

---

[1]) О самоубийстве Грачевского см. у В. Н. Фигнер «Когда часы жизни остановились», гл. VII (общая психологическая характеристика, художественно написанная). Официальные документы, см. у Кантора в приложениях к книге В. С. Панкратова «Жизнь в Шлиссельбургской крепости». Общую сводку материала, официального и мемуарного, о Грачевском, см. в книге «Государева тюрьма», гл. 17.

Ред.

[2]) См. об этом инциденте прим. 27-е.

он начал было говорить Людм. Волкенштейн: «у меня была ваша мать, я могу сказать...», но та его прервала: «генерал Шебеко?, — «Я». — «От вас я не желаю знать ничего, даже о матери». Тот поспешил уйти.

«Высшее начальство милостиво улыбалось, но почти каждое подобное посещение сопровождалось для нас новым стеснением; после одного — отнимут у женщин деревянные табуретки, добытые ими у коменданта помимо железных; после другого — отберут из библиотеки какие-нибудь книги, якобы вредные для нашей политической невинности ; после третьего — затрудняли пользование библиотекой или еще что-нибудь в этом роде; а то просто смотритель хнычет, что ему досталось».

А вот какому обращению подвергались провинившиеся. Приведем точные слова рукописи, ничего не изменяя, ничего не прибавляя. Да и возможно ли что-нибудь прибавить к подобным рассказам?!.

...«Били нас обыкновенно при переводе из новой тюрьмы в старую; так били меня, когда за пение схватили за руки и поволокли через двор. Хотя я не сопротивлялся, меня тащили; жандармы толпились возле и толкали кулаками, куда попало. Из старой тюрьмы навстречу выбежали два дежурных и тоже *приложились* к моему телу... Я не знаю, как бы я теперь отнесся к подобной расправе, но тогда мысль о мщении как-то не пришла мне в голову. Когда меня били по дороге, я только повторял: «ладно, ладно, бейте, так били и Христа» — откуда я это взял? Но таково было мое настроение: я спокойно, без злобы относился к совершаемому и обозлился позже, когда через два месяца ко мне пришел комендант, который видел, как меня вели и били. «Я должен вас поблагодарить — сказал я — что вы наблюдали, как меня били, иначе, должно быть, сильнее избили бы». Чорт скорчил удивленную физиономию и, переспросив, с недоумевающим лицом и видом: «били?», посмотрел на Соколова. Тот поспешил сказать: «никогда не били!» Меня взорвало и, со словами: «лжете, господа!», я хотел броситься к ним, но меня удержали два жандарма, всегда становившиеся между нами и посетителями. Комендант и смотритель вылетели... после этого комендант года полтора не бывал у меня, обходя ежемесячно всех, кроме еще 2—3 человек»...

Били при переходе в старое здание и Вас. Иванова; при этом один унтер, ударяя кулаком по голове, говорил: «вот и моя рука!» Иванов показывал свои синяки доктору. При посещении тюрьмы ген. Оржевским, он пробовал жаловаться, указывая, что здесь сверх положенных инструкцией наказаний еще бьют. Оржевский сказал: «ну кому охота бить тебя?» Иванов сослался на доктора. Оржевский вопросительно посмотрел на него, тот молчал; за него поспешил ответить смотритель: «арестант сопротивлялся, его пришлось брать силою, при этом его немного сдавили и поцарапали». Оржевский вышел... Сажая в карцер Юрковского, исполняющий должность смотрителя приказывал, в коридоре, жандармам: «бейте, если не будет слушаться»... Людмилу Волкенштейн втолкнули в камеру сильным ударом в спину. Говорили, что били и Веру Фигнер. Но, когда я ее

спрашивал об этом, она отвечала как-то неопределенно, должно быть не хотела говорить об этом [1]). У Лаговского на голове была старая рана, от такой операции пошла из нее кровь... «Ничего, они живучи», заметил один из унтеров. Приведенного в камеру связывали в сумасшедшую рубаху, которую так туго затягивали, что на лице связанного выражалось страдание, затем его бросали на асфальтовый пол и в таком виде несчастному приходилось лежать иногда 12—13 часов. Но этим не довольствовались; так, напр., связанного Конашевича больно дергали за бороду.

Но пишущий указывает и на «проявление более человеческих чувств», как он выражается.

«Когда Конашевича бросили, осенью, на холодный пол в одном белье и сумасшедшей рубахе, один унтер настоял, чтобы дали суконный халат, как это полагается по правилам».

Соколов как-то набросился с площадной бранью на Попова; тот ответил ему тем же с сохранением местоимения «ты». Это взорвало Соколова: «как смеет он, арестант, говорить ему «ты». Тогда Попов повторил ту же брань на «вы». Соколов после этого велел развязать его. Когда же однажды Попова, в ясную ночь, переводили из одного здания в другое и он, давно не видавший звезд, подняв голову, жадно смотрел вверх, тот же Соколов приказал жандармам остановиться: «Пусть посмотрит!», и после прибавил: «Я христианин».

Это самовосхваление смотрителя за то, что он позволил заключенному взглянуть на небо, — ярче всего характеризует психику тюремщиков и условия жизни в Шлиссельбургской могиле. Отметка же нашим корреспондентом вышеупомянутых проявлений «человеческого чувства» производит чуть ли не более тяжелое впечатление, чем даже самое описание истязаний. Если это есть достойные замечания проявления человечности, то каковы же вообще люди, в руках которых находится судьба заключенных?!.

До 1896 года вырвалось из этой могилы только четыре души: в 87 году душевно-больной Ювачев, отправленный на поселение в Сибирь, у него была mania religiosa. Его товарищи помнят, как Оржевский издевался над ним, советуя поступить в монахи, и как тот отвечал, что боится «буйного беса». В 89 г. сослан в Сибирь Караулов, в 95 г. вышли: Манучаров (отправленный на Сахалин) и Лаговский, который был заключен в Шлиссельбург *административным* порядком и просидел там 10 лет (он отправлен в средне-азиатские владения и теперь находится в Пржевальске). В 96 году выпущено 8 человек, между прочим: душевно-больные Похитонов, Щедрин и Конашевич (первый из них помещен в С. П. Б. Николаевский госпиталь; два других — в Казанскую психиатрическую лечебницу [1]).

---

[1]) Ср. об этом, в прим. 28-ом.

[2]) См. об этом в вышеуказанной статье Лившица в № 22 «Пролет. Рев.». Ред.

В настоящее время в Шлиссельбурге находятся следующие заключенные:

	Предварит. заключение.	Шлиссельб. или каторга вообще.	Осталось.
Тригони	1 год.	13	7 лет.
Фроленко	2 „	13	Вечная.
Морозов	2 ½	13	—
Попов, Мих.	2 года	13	—
Поливанов	2 мес.	13	—
Фигнер, Вера	1 ½	12	—
Иванов, Вас.	2 ½	12	—
Ашенбреннер	1 „	12	—
Панкратов	1 „	11	9 лет.
Новорусский	3 мес.	9	Вечная.
Лукашевич	3 мес.	9	—
Лопатин	3 года	9	—
Иванов, Серг.	½ „	9	—
Стародворский	3 „	9	—
Антонов	2 „	9	—
Оржих	3 „	7	—

Осень 1896 года.

Н. С. Тютчев в оценке Л. Г. Дейча.

1.

Отзывы Н. С. Тютчева о Стефановиче вызвали еще при жизни Ник. Серг. возражения со стороны В. И. Засулич, как это было видно из вышепомещенных статей (см. стр. 101 и след.), после же его смерти на эти работы еще с большей энергией обрушился Лев Григ. Дейч. Статья Л. Г. Дейча о Тютчеве появилась в № 2 сборника «Группа Освобождения Труда» и называется там — «Так пишется история». Лев Григ. Дейч очень недоволен тем, как была освещена история жизни Н. С. Тютчева в некрологах, посвященных ему в «Каторге и Ссылке» и в «Былом». При этом два пункта вызывают его особенное возмущение: рассказ о передаче Тютчевым паспорта Плеханову при аресте их обоих на Новой Бумагопрядильне, 2 марта 1878 г. [1]) и отзывы Тютчева о Стефановиче. Несмотря на все, что с тех пор появилось в нашей литературе о Стефановиче, Л. Г. Дейч имеет мужество написать такие, напр., строки об этом своем друге. «*Последний, — то-есть Стефанович, — остается в наших глазах все тем же выдающимся и искренне преданным трудящимся массам человеком, посвятившим им всю свою жизнь, каким мы его знали до случившегося с ним несчастья*» [2]).

Так пишется самим Дейчем история Стефановича.

Напротив, Тютчев рисуется по сравнению с этим самыми мрачными красками. Дейч доказывает, прежде всего, полную *вздорность* истории с передачей паспорта Плеханову: все это *выдумки* Тютчева, как утверждает Л. Г. Дейч. Такими же, но только еще более гнусными, выдумками Н. С. Тютчева являются отзывы его о Стефановиче в статье «Здание у Цепного моста». Опровергая Тютчева в вопросе о паспорте, Л. Г. Дейч приводит в доказательство цитату из воспоминаний Г. В. Плеханова, относящуюся как раз к аресту в марте 1878 года на Бумагопрядильне.

---

[1]) Ср. выше во вступительной статье, стр. 33. Некролог в «Кат. и Ссылке» в № 1 (8) принадлежит А. В. Прибылеву. Некролог в «Былом», см. в № 24.

[2]) См. Сб. «Группа Освобождения Труда». Из Архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча. Сб. № 2. Госиздат. Москва 1924 г. Цит. место на стр. 352. Курсив наш.

«Арест мой продолжался всего один день, — рассказывает там Плеханов. — В качестве *нелегального я имел недурной паспорт* (курс. Дейча), и носил ничем не запятнанное в глазах полиции имя какого-то потомственного почетного гражданина. Меня выпустили, обязав подпиской о невыезде. Я добросовестно исполнил это обязательство, так как долго после этого не покидал Петербурга» (Сочин., том III, стр. 166).

Чувствуя, во всяком случае, что эти слова еще мало что доказывают [1]), Л. Г. Дейч передает дальше рассказ Плеханова, который он от него слышал (и который давно уже имеется в печати, вопреки мнению Дейча), об одном мещанине, тут же арестованном, но не имевшем никакого отношения к забастовке ткачей; указывая на всю произвольность задержания этого человека, Плеханов тем самым выгораживал и самого себя. В результате для него все кончилось благополучно. *«Из всего этого очевидно, — несколько неожиданно вдруг заключает Л. Г. Дейч, — что рассказ Тютчева был вымышлен им».*

Но вымышленными оказываются, по мнению Дейча, не только эти рассказы о передаче Тютчевым паспорта Плеханову. Вымышлены, вообще, все указания, имеющиеся в вышеозначенных некрологах, о том, что Тютчев будто бы являлся «заметной величиной в революционном мире». — «О последнем, несмотря на мою давнюю прикосновенность к нашему движению, я впервые узнал из этой фразы», —мужественно заявляет Л. Г. Дейч. И в подтверждение своего сомнения в роли Тютчева, наш автор указывает на то, что и в некрологах говорится всего «лишь об участии Тютчева в качестве студента в упомянутой стачке (на Бумагопрядильне) и об административной за это его высылке, т.-. о деянии, к которому привлекались в те времена *многие заурядные юноши*» (курс. наш). И как наивно, конечно, думать, что этот «заурядный юноша» мог оказать такую серьезную услугу Г. В. Плеханову, как передача ему своего паспорта, при том в такой трудный момент. Совершенно очевидно, что все эти рассказы о таком происшествии действительно просто «вымышлены» Тютчевым и его друзьями (стр. 349).

Все это изображено Л. Г. Дейчем в статье «Так пишется история». Но и в других своих призведениях он точно так же и столь же решительно отрицает какое бы то ни было прикосновение со стороны Тютчева к революционному движению 70-х г.г., личный состав которого Л. Г. Дейч, по его словам, знает хорошо. Так, в статье о «Черном Переделе», в сб. под редакцией В. И. Невского [2]), в прим. на стр. 283, Л. Г. Дейч пишет категорически (по своему обыкновению): *«Н. Тютчев не состоял членом «Земли и Воли»* (курс. наш).

Прежде чем итти дальше, остановимся несколько на этих, столь же категорических, сколь неосторожных утверждениях Л. Г. Дейча.

---

[1]) Они больше подтверждают версию Н. С. Тютчева, чем ее опровергают.

[2]) «Истор-Револ. Сборник». Под ред. В. И. Невского. Вып. II «Группа Освоб. Труда». Ленгиз 1924.

Они стоят того, чтобы о них сказать несколько слов, не с тем, однако, чтобы разбирать их и вступать из-за них в полемику с автором. Щадя его седины и уважая его звание одного из заслуженнейших ветеранов революции, мы не желаем, вообще, открывать с ним полемическую распрю. Да это едва ли и нужно. Чтобы проверить приведенные утверждения Л. Г. Дейча и чтобы оценить их основательность, достаточно, хотя бы бегло, прочитать вышенапечатанную статью: «Революционная деятельность Н. С. Тютчева в 1870-х г.г.», составленную по архивным данным. Вся эта статья, от самого начала до конца, является сплошным и документальным опровержением столь неосторожных утверждений уважаемого автора. Эта статья дает нам совершенно об'ективную мерку *для определения степени осведомленности Л. Г. Дейча в фактической стороне, характеризующей революционное движение 1870-х г.г., якобы столь хорошо известное Л. Г. Дейчу*. На самом же деле, как это видно из приведенных там фактов и документов, Л. Г. Дейч пишет (по крайней мере, в том, что касается Тютчева), о том, чего он не знает, о чем он не осведомлен. Тютчев являлся в 1870-х г.г. таким же «заурядным юношей», как, напр., Квятковский или Пресняков в период 1877—1878 г.г., если, конечно, не окажется, что и о их роли в эти годы Л. Г. Дейчу тоже ничего неизвестно. Все это показывает, во всяком случае, что, говоря о революционной роли Тютчева в 70-х г.г., Л. Г. Дейч отрицает такие факты, в наличности которых смешно сомневаться. Этот вывод для нас имеет и специальное значение: если Л. Г. Дейч так плохо осведомлен о том, что он утверждает, если он, вообще, в вопросе о Тютчеве выступает, как свидетель крайне недостоверный, на слова которого нельзя полагаться, то вполне понятны и его заявления о передаче Тютчевым паспорта Плеханову. Очевидно, и тут Л. Г. Дейч судит и свидетельствует о том, о чем настоящего представления, настоящих данных, не имеет. В справедливости такого априорного заключения мы в дальнейшем убедимся и на фактах.

Есть и еще одно обстоятельство, связанное с вышеприведенными цитатами, мимо которого мы не можем пройти молча. Это именно следующее. Говоря о том, что Тютчев был способен на разные «выдумки» и что это именно он, а не кто иной, рассказывал о других разные небылицы в лицах (чего сам Л. Г. Дейч никогда не делает), наш автор приводит этому и замечательное документальное подтверждение; это именно отзывы Тютчева о Стефановиче. Тютчев, оказывается, *оклеветал* Стефановича еще в статье: «Здание у Цепного Моста», и эти клеветы, сетует Л. Г. Дейч, могли бы получить прочное распространение у нас, если бы только не были тогда же опровергнуты В. И. Засулич. «Как это уже неопровержимо доказала В. И. Засулич», — пишет Л. Г. Дейч с обычной для него категоричной неосторожностью,—данные утверждения о Стефановиче со стороны Тютчева,—«представляют собою *злостную клевету*» (стр. 350, курс. подл.).

И дальше, чтобы лишний раз доказать это, Л. Г. Дейч почти сплошь перепечатывает у себя всю статью Засулич! . .

С историей этой полемики читатель выше уже мог достаточно ознакомиться [1]). Засулич действительно возражала Тютчеву, но на ее возражения Тютчев ответил, в свою очередь, при том с новыми документами в руках, в числе каковых оказались *и письма самого Дейча к Стефановичу*, которые Л. Г. Дейч посылал Стефановичу с разрешения департамента полиции и через деп. полиции. Друзья, Дейч и Стефанович, могли даже обменяться своими фотографическими карточками, настолько любезно к их переписке относились русские сыщики. Обо всем этом Тютчев пишет в статье: «К характеристике Як. Стефановича» [2]), и после всего этого со стороны Л. Г. Дейча просто смешно цитировать статью Засулич о Тютчеве, как что-то неопровержимое. Делать так, значит, впрочем, поступать не только смешно, но и недобросовестно. Дело в том, что, цитируя статью Засулич, Л. Г. Дейч, *ни одним словом не упоминает о том, что на все эти аргументы Н. С. Тютчев тогда же дал исчерпывающий ответ*, основанный, как только-что сказано, на новых документах и направленный на этот раз не только против Стефановича, но и против самого Л. Г. Дейча, которого Тютчев обвинял, притом с полным основанием, в укрывательстве уличенного предателя [3]).

После этих предварительных замечаний, достаточно хорошо определяющих степень добросовестности и степень осведомленности Л. Г. Дейча, при его оценке покойного Н. С. Тютчева, мы можем перейти к более детальному разбору вопроса о злополучном паспорте. Кроме свидетельства самого Плеханова, которое уже приведено выше и которое собственно ничего еще не опровергает, Л. Г. Дейч ссылается на одного из своих современников, д-ра Н. В. Васильева, тоже арестованного в то время на Бумагопрядильне. Это тот самый «студент Васильев», о котором говорится в документах о Тютчеве (см. выше, стр. 52—54). Вот что в этом случае пишет Л. Г. Дейч:

«Рассказы со всеми мельчайшими деталями об аресте Плеханова на Обводном канале, около Новой Бумагопрядильни, я несколько раз слыхал от него (т.-е. от Г. В. Плеханова), а также от покойного д-ра Н. В. Васильева, но в них ни единого слова не упоминалось о «скромной, чуткой и благородной» роли Н. Тютчева, следовательно, и о предоставленном им Георгию Валентиновичу паспорте» (стр. 347).

Эта ссылка на д-ра Васильева очень интересна. Мы не знаем, конечно, насколько точно и полно излагает тут Л. Г. Дейч то, что он в свое время слышал об аресте на Бумагопрядильне от покойного д-ра Васильева. Не знаем, вообще, что именно д-р Васильев рассказывал Дейчу об этом инциденте, но мы только позволяем себе усумниться, чтобы в рассказах д-ра Васильева *ни единым словом не упоминалось* о Тютчеве. Ни единым словом о Тютчеве не упоминает в своих воспоминаниях Г. В. Плеханов, это действительно так и это очень характерно, но, чтобы о нем ни единым словом не упоминал д-р Васильев, это мало вероятно. Д-р Васильев историю ареста около

---

[1]) См. выше стр. 101 и след.

[2]) См. выше стр. 104 и след.

[3]) Ср. с этим статью о Л. Г. Дейче в № 25 «Былого».

Бумагопрядильни не только передавал устно Л. Г. Дейчу, но он точно также давно уже записал и напечатал свои воспоминания о 1870-х г.г. (сначала по-немецки, потом по-русски), и в них он рассказал об этом аресте и, кроме того, нашел там весьма характерный случай упомянуть имя Н. С. Тютчева, притом в такой связи, которая сразу подводит нас к вопросу о паспорте. Д-р Васильев именно рассказывает, как сначала были арестованы сам он, Сомов и Бондарев (их арестовали в пивной, где собирались рабочие), и как затем арестовали еще двух землевольцев, вышедших, как пишет и Плеханов, из конспиративной квартиры Гоббста. Одним из этих землевольцев был сам Плеханов, а другим—Н. С. Тютчев. Как произошли эти аресты, д-р Васильев рассказывает следующим образом:

«В марте 1878 года распространился в наших кружках слух, что рабочие Новой Бумагопрядильни забастовали.

Новая Бумагопрядильня была большая фабрика, на которой работало несколько сот работниц и рабочих. Стачка вспыхнула вдруг, кажется, как ответ на введение нового тарифа, который должен был уменьшить уже и без того довольно плохие заработки рабочих.

Человек пять из нашего кружка отправились в одно прекрасное утро, чтобы посмотреть, как это рабочие бастуют, и потолкаться среди народа.

Довольно взволнованные добрались мы до той улицы, где находилась фабрика. Толпа рабочих запружала улицу, масса полицейских разгоняла и удерживала любопытную публику и заботилась о водворении «порядка».

Подойти к забастовавшим не было возможности. Мы решили по обождать и вошли в трактир на одной из прилегающих улиц, полагая, что мы сможем в нем найти тоже рабочих с забастовавшей фабрики.

Пивная была почти пуста. За одним из столов, невдалеке от нашего, сидел за стаканом пива какой-то индивидум, тотчас же признанный нами за «шпика». Это подлое существо настораживало свои уши и поглядывало на нас довольно внимательно и нахально. Мы тоже осматривали этого суб'екта.

— Проклятый шпик!—проговорил мой сосед, кажется, архитектор Бондарев шопотом, а потом вслух:

— Читал ты, Николай, в Ростове на Дону одному шпиону вкатили на днях семь пуль!..

— Извините, господа,—прервал Бондарева шпик, несколько поднимаясь со своего места и лукаво улыбаясь,—не семь, а—одиннадцать!

Шпик встал, надел шапку и вышел на улицу.

Когда мы, несколько минут спустя, были тоже на улице, чтобы снова попытаться пройти к бастующим рабочим, к нам подошел городовой, приглашая «на минуточку» в участок.

Итти было недалеко: участок был как раз на этой же улице, несколько домов дальше.

Как стадо баранов, погнали нас туда».

В участке собралось уже довольно арестованных. Их привели раньше, еще до Васильева и его товарищей. Приводили новых и после них. Стояла сутолока, и полицейские плохо справлялись с надзором. Привели, между прочим, уже после Васильева, и еще двух молодых людей. По их поведению сразу можно было заметить, что это революцинеры.

«Два молодых человека, приведенные последними, особенно бросались в глаза. Как только какой-то городовой доставил их в участок,

они стали громко и энергично требовать, чтобы был составлен протокол об их аресте.

Среди арестованных находился какой-то мещанин, за полчаса до ареста приехавший из Пскова в Петербург, он шел с вокзала со своим чемоданчиком, проходил недалеко от места стачки и был остановлен и отправлен в участок. Так с чемоданчиком он и ходил между нами.

Быстро ориентировавшись в обстоятельствах этого псковского мещанина, один из громко протестовавших начинает снова свою кампанию.

— Господин квартальный надзиратель, посмотрите же вы хоть на этого человека. Он только что приехал из Пскова. И вот его держат здесь. Это право же возможно только у нас!

И, горя негодованием, протестующий бегал сердито взад и вперед по комнате. Квартальный гладил себе бороду и, видимо, беспокоился.

...Этот «протестант» был никто иной, как Георгий Плеханов, тогда один из очень деятельных представителей революционной партии «Земля и Воля», впоследствии самый выдающийся представитель русской социал-демократии. Его товарищ был его друг Тютчев. Оба уже продолжительное время жили в Петербурге «нелегально», т.-е. под чужими именами, служа революционному делу, и совершенно случайно попались теперь в руки полиции. Конечно, полицейские и не воображали, какая рыбка попалась в их сети» [1]).

Мы видели выше, что Л. Г. Дейч придает большое значение рассказу д-ра Васильева. Это вполне понятно: д-р Васильев вполне достоверный свидетель, он говорит о том, что знает и что видел, и даром по ветру слов своих не бросает. Но только нам очень странно, если Л. Г. Дейч действительно, как он утверждает, ни разу не слыхал от д-ра Васильева имени Тютчева при его рассказах об аресте на Бумагопрядильне. Тютчева, как ясно из только-что приведенных отрывков, д-р Васильев хорошо знал, знал он также о весьма заметном положении того же Тютчева в революционной среде 70-х г.г. и совершенно справедливо говорил, что полицейские и не воображали, кто попал на этот раз им в руки, т.-е. какие крупные революционеры. Это свидетельство д-ра Васильева для нас, конечно, очень ценно. Но еще ценнее второе показание, которое делает тот же д-р Васильев, столь решительно аттестованный Л. Г. Дейчем, как вполне достоверный очевидец. Д-р Васильев именно называет Тютчева не более не менее, как *другом* Г. В. Плеханова! «Этот протестант был никто иной, как Георгий Плеханов. А его товарищ был его друг Тютчев», — пишет д-р Васильев. Не станем гадать, каким образом «заурядный студент» превратился в «друга Плеханова», — пусть этот вопрос разрешит сам Л. Г. Дейч, — но отметим тут же одно весьма важное в данном случае обстоятельство: воспоминания д-ра Васильева печатались в «Мире Божием», в переводе с немецкого, причем *этому переводу было предпослано особое предисловие самого Г. В. Плеханова!* Никаких оговорок к тексту воспоминаний Плеханов в этом случае не сделал.

Итак: вот характерная черта тогдашней обстановки при аресте Тютчева и Плеханова. Это были не посторонние один другому люди,

---

[1]) См. очерки «В Семидесятые Годы». Н. В. Васильева. «Мир Божий» 906 г., № 7, стр. 65—66.

а близкие товарищи, друзья, по работе и по личным отношениям. Этот факт слишком важен для нашей цели, чтобы мы могли его не отметить.

Из рассказа д-ра Васильева явствует и еще одно обстоятельство: и Плеханов и Тютчев вели *совместно* какую-то атаку на полицейских, стремясь как-нибудь вырваться из-под ареста. Они держались особняком от остальных арестованных, и так же, на-особицу, отдельно от других, вели какую-то свою линию. Момент еще не был упущен; полиция еще не знала, кого она захватила; при некоторой настойчивости еще многое можно было сделать, и о многом сговориться. Делали ли они эти попытки сговориться и сговаривались ли тут же, на глазах полиции?

На этот вопрос наш документ, напечатанный выше, на стр. 53-й, дает чрезвычайно любопытный ответ. 7 марта 1878 года СПБ Градоначальник, донося в 3 Отд. о задержанных на Бумагопрядильне, писал, между прочим, об одном из арестованных, о некоем Максимове-Дружбинине:

> «Максимов-Дружбинин в январе текущего года приехал из г. Орла, с целью заниматься в Публичной Библиотеке по предмету политической экономии, задержан вместе с Тютчевым, с которым все время о чем-то шептался».

Чрезвычайно любопытно отметить, что на этом документе, в архиве бывшего 3 Отд., около как раз этих слов есть пометка рукой покойного Н. С. Тютчева (против имени Максимова-Дружбинина): *«Это Г. В. Плеханов.—Запись сделана Н. С. Тютчевым 3 марта 1920 г.»* [1]).

Что под именем Максимова-Дружбинина скрывался в данном случае Плеханов, это никогда в русской литературе не было установлено; не знала этого и полиция. В «Хронике» Шебеко тоже фигурирует в данном случае просто «Максимов-Дружбинин» [2]); ничего не

---

[1]) Ср. также заметку И. Волковичера: «К истории ареста Г. В. Плеханова в марте 1878 г.». «Прол. Револ.» №№ 8—9 (31—32), стр. 364—365.

[2]) См. «Хронику социалистического движения в России». 1878 — 1887 г.г. Официальный отчет. Москва 1906. На стр. 41—42 здесь читаем: «Что касается социалистов, которые руководили движением (речь идет о рабочем движении), то обнаружено было, что главные между ними следующие: Халтурин (под псевдонимом Батурина), Ширяев, Сомов, Тютчев, Васильев, Бондарев, Дробыш, Максимов-Дружбинин и др. Бондарев и Васильев были сосланы в Архангельскую губ., откуда они в том же году бежали вместе с Григорием Гольденбергом. Максимов и Дробыш во время бежали из Петербурга, а последний отправился в польские губернии с целью заняться там пропагандой. Сомов сослан был в Олонецкую губ., а Тютчев задержан в Петербурге, так как он был привлечен к ответственности по другим делам, по которым давно уже разыскивался». — Ген. Шебеко, хотя свой отчет он составлял в начале 1890 годов, так и не подозревал несомненно, кто был под именем Максимова-Дружбинина. Его он считал не за нелегального, а за действительное лицо. Это показывает, как прочно сохранялась тайна с паспортом на имя Максимова-Дружбинина: о ней знали только два лица, сам Г. В. Плеханов и Н. С. Тютчев.

говорит об этом псевдониме и сам Г. В. Плеханов в своих воспоминаниях [1]). Но Н. С. Тютчеву почему-то этот паспорт оказался хорошо известным, как хорошо оказалось ему известным, кто им в этом случае пользовался, и он тут же это записал. Откуда же он знал, что с этим паспортом был именно Плеханов и почему он счел нужным сделать такую надпись прямо на документе?

Об'ясняется это очень просто и в полном соответствии со всеми решительно вышеприведенными фактами. — Об'ясняется это тем именно, что это был тот самый паспорт, который Н. С. Тютчев, как об этом он сам передавал, передал в участке Г. В. Плеханову. Об этом он с ним и *«шептался»* все время при аресте.

Все это так ясно, что едва ли может подлежать какому бы то ни было сомнению.

Остается, однако, еще один вопрос, не раз'яснив которого мы не можем считать свое изложение законченным. Спрашивается именно: почему же собственно обо всем этом ни разу не упомянул в своих воспоминаниях Г. В. Плеханов? Почему также он там не называет нигде даже имени Н. С. Тютчева?

Строго говоря, мы могли бы не заниматься такими изысканиями, но, чтобы не оставлять ничего недосказанным, мы попробуем ответить и на этот вопрос. Ответ наш, впрочем, будет иносказательный.

В том же № сборника «Группа Освобождения Труда», в котором помещена статья: «Так пишется история», мы находим еще один замечательный документ, на который не можем не обратить наше внимание. Это именно письмо Карла Маркса к Вере Ивановне Засулич и предисловие к нему, принадлежащее перу Льва Григорьевича Дейча. Предисловие Л. Г. Дейча для нас, в данном случае, даже, если не интереснее, то важнее письма Маркса. Но, прежде чем говорить о нем, коснемся здесь самого письма Маркса.

В феврале 1881 года группа тогдашних чернопередельцев, — Г. В. Плеханов, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, — решили обратиться к Карлу Марксу с вопросом, как он смотрит на судьбы капитализма в России и на возможную роль общинного землевладения при социальном перевороте. По общему решению, обращение к Марксу в таком роде сделала В. И. Засулич. Как теперь оказывается, Маркс с огромным вниманием отнесся к запросу Засулич и, несмотря на приступы своей болезни, приступил к составлению ответа для нее. Насколько тщательно и с каким глубоким охватом темы он спроэктировал этот ответ, показывают его черновики, ныне опубликованные в томе 1 «Архива Карла Маркса и Фр. Энгельса» Д. Рязановым [1]). Четыре раза принимался Маркс за письмо для В. И. Засулич, и каждый раз его ответ разрастался в большую статью, полную глубокого

---

[1]) См. выше, стр. 168. Плеханов там говорит глухо только, что у него был паспорт на имя «какого то потомственного гражданина».

[1]) См. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» под редакцией Д. Рязанова. Книга Первая. — Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Госиздат. Москва 1924. Переписка Маркса с Засулич напечатана на стр. 265 и след. Тут же (270—285) черновики Маркса.

интереса. Но Маркс, к сожалению, не довел до конца этой работы (в задуманном широком масштабе), ограничившись кратким ответом В. И. Засулич, с точной формулировкой своего взгляда. Это письмо Маркса датировано 8 марта 1881 года. Оно было получено своевременно В. И. Засулич, и о получении его Л. Г. Дейч известил особой запиской Г. В. Плеханова. Не может быть никакого сомнения в том, что, если бы это письмо Маркса тогда было напечатано, оно составило бы целое событие в тогдашней русской социалистической литературе. Но его не только не напечатали, о нем *забыли!* Так дело шло до нашего времени. В 1911 году одно случайное обстоятельство натолкнуло Д. Рязанова, при разборе архива Маркса после смерти Лафаргов, на следы этого письма и, выясняя вопрос о нем, Д. Рязанов запросил с этой целью Г. В. Плеханова, имеется ли ответ Маркса на письмо Засулич? Ответ, полученный от Плеханова, был отрицательный. Плеханов тоже *забыл* об этом письме! Тоже случилось с В. И. Засулич, а в самое последнее время и с Л. Г. Дейчем.

«Я до того основательно забыл, как об этом письме Маркса, так и о своем уведомлении о его получении Плехановых, что на вопрос некоторых лиц, был ли получен Верой Ивановной ответ от Маркса на ее обращение к нему, отвечал отрицательно», — пишет теперь Л. Г. Дейч. «Оказывается, *память мне изменила*», — повторяет он еще раз в предисловии к письму Маркса, которое он теперь *принужден перепечатать из «Архива»*.

Мы полагаем, что читатель понимает теперь, в чем будет состоять тот иносказательный ответ на поставленный выше вопрос, который мы хотели дать. Этот ответ совершенно ясен: если Г. В. Плеханов мог забыть о таком крупнейщем факте, как письмо Карла Маркса к В. И. Засулич, и если он об этом никогда и нигде не рассказывал, то чему удивляться, раз он так же основательно запамятовал об этой маленькой истории с паспортом на имя Максимова-Дружбинина! Зачем требовать внимания к Тютчеву, когда оно не было оказано даже Карлу Марксу!

2.

Мы полагаем, что сказанным достаточно характеризуется позиция Л. Г. Дейча в его оценке Н. С. Тютчева. Однако, обстоятельства складываются так, что нам приходится еще раз обратиться к Л. Г. Дейчу и его статьям о Н. С. Тютчеве. Замечательно, что при жизни Ник. Серг., когда печатались его работы, Л. Г. Дейч не считал нужным полемизировать с ними, критиковать их. Между тем, теперь, когда Тютчева нет уже в живых и он бессилен сказать что-либо в свою защиту, Л. Г. Дейч в каждом из своих сборников, делает самые ожесточенные нападки на них. Так, едва мы успели закончить вышеприведеные замечания на статью Дейча, как нашли в только что вышедшем 3-ем номере того же сборника целый ряд мест на ту же тему. По характеру своему они представляют не просто полемику с Н. С. Тютчевым, а прямое надругательство над ним. «Тютчев подло оклеветал Стефановича», «Тютчев «плагиа-

тор», «Тютчев «фальсификатор», «фальсификаторские способности Тютчева», «злостная и гнусная клевета Тютчева на Стефановича», и тому подобные выражения так и пестрят очередную книгу «Группы Освобождения Труда» [1]).

Полемизировать шаг за шагом с Л. Г. Дейчем мы, однако, и в этом случае не находим нужным, но оставить совсем без ответа его критику тоже не считаем возможным, хотя из всего, что говорит Л. Г. Дейч, мы возьмем только самое главное и существенное:— вопрос о Стефановиче, которого, как мы видели выше, наш автор и теперь считает таким же честным и чистым, как и раньше. Однако, защищая Стефановича, Дейч бессилен опровергнуть или отринуть те факты, на которых основывается Тютчев в своих статьях, и которые изложены выше, на стр. 95—96 и 106-й. Эти факты Л. Г. Дейч не только не опровергает, но даже еще сильнее, чем у Тютчева, сам же устанавливает. Так, например, о роли Стефановича в аресте Богдановича наш автор пишет на стр. 116 следующее:

«Здесь я должен коснуться крайне тяжелого обстоятельства — прискорбной роли моего друга Я. Стефановича в аресте Ю. Богдановича, — роли, состоявшей в том, что он невольно подтвердил подозрение Судейкина, уже выследившего «Прозоровского»; под этой фамилией проживал Ю. Богданович в Москве. Подробно об этом печальном эпизоде давно сообщила В. И. Засулич в своем письме в «Былое» (№ 13), и я поэтому останавливаться на нем не буду». «Я нисколько не собираюсь оправдывать Стефановича, — продолжает Дейч далее,—да он и сам осуждал себя за этот невольный промах значительно строже, чем это делали другие, что известно лишь наиболее близким его друзьям».

Но, не желая оправдывать в этом случае Стефановича, Дейч на самом деле тут же его оправдывает, говоря: «это было его несчастье, а не преступление». Промах был невольный, случайный, а потому, стало быть, и извинительный. Тот же, кто этот «промах» оценивает иначе — клеветник!

Другой пример такого же рода представляет стр. 278—279 сборника Дейча. Тут идет речь о записке Стефановича о русской революционной эмиграции. В предыдущем сборнике Дейч, как мы видели, скрыл от своих читателей статью Тютчева об этой записке, поступив в этом отношении крайне опрометчиво. Теперь он поступает иначе: отрицать, что Стефанович писал по заказу Плеве, такую записку он не решается, но опять же старается об'яснить, как это произошло, и затем, об'яснив это, оправдать и в этом случае своего друга. Произошло же это очень просто. Во-первых, в то время будто бы «многие революционеры и представители общества питали надежду повлиять на Александра III «словом убеждения». Этим об'ясняется—по мнению Дейча—известное письмо к нему «Исполнит. Комитета», а также чрезвычайно миролюбивые речи некоторых под-

---

[1]) См. стр. 102—103; 110; 160; 205, прим. 213 и др.

судимых во время целого ряда террористических процессов и пр.[1]). Письмо «Исп. Комит.» об'ясняется вовсе *не этим*, — вопреки мнению Дейча. Что же касается миролюбивых якобы речей, о которых здесь говорит Л. Г. Дейч, то их *на деле совсем не было.* Чтобы оправдать своего друга, Л. Г. Дейч выступает в защиту Стефановича. Он пишет о нем именно следующее:

«Такие же надежды питал и Стефанович и высказывал те же взгляды. Поэтому, узнав из разговора с Плеве и Игнатьевым, что царь и правительство считают нашу эмиграцию главным очагом революции, он, как недавно прибывший из-за границы, стал опровергать это совершенно ошибочное представление. Тогда Плеве начал уговаривать его изложить все свои возражения на бумаге, дав ему понять, что это его сообщение будет представлено царю, которого такая записка может успокоить, а в конечном результате этого, получается, мол, всякие реформы.

Несмотря на то, что Стефанович, вообще не был склонен к увлечениям радужными надеждами, тем не менее, благодаря общему настроению, он так же поверил, что можно некоторыми раз'яснениями успокоить Александра III насчет угрожавшей его жизни опасности, дав этим ему возможность короноваться, в награду за что будут дарованы всякие облегчения, реформы и свобода.

По этим же соображениям Стефанович согласился написать записку об эмигрантах [2]).

Нужно сказать, впрочем, в оправдание Л. Г. Дейча, что он, повидимому, сам не понимает, к чему приводит такая защита. То, что пишет тут Дейч, опровергая Тютчева, представляет на деле нечто совершенно чудовищное. Дело здесь не в этой клевете на других ради спасения чистого имени Стефановича, а в том, что тут самым авторитетным образом дано самое убийственное об'яснение поступка. Мы не скажем, правда, чтобы Стефанович в данном случае являлся каким-то исключением из некоторого правила, и чтобы в этом случае он не имел никаких предшественников, но только искать их надо не там, где их ищет Л. Г. Дейч. У Стефановича несомненно *были* предшественники одного с ним настроения, и предшественники очень крупные, хотя и несколько неожиданные. Именно: *благодаря таким заботам о том, чтобы успокоить императора и вообще все императорское правительство, дав им возможность приступить к реформам,* — именно этим самым путем был пойман в по-

---

[1]) Чтобы оправдать эти свои слова Л. Г. Дейч делает тут же в примечании ссылку на речь, якобы произнесенную на суде А. П. Корба-Прибылевой. Нужно сказать, что хотя Л. Г. Дейч давно приучил нас к недобросовестным ссылкам на извращаемые им мнения своих противников, но в данном случае недобросовестность в этой ссылке, даже с его стороны, совершенно исключительная. Чтобы убедиться в этом читатель благоволит сравнить это место статьи нашего автора со статьей самой А. П. Прибылевой-Корба в № 12 «Былого» за 906 год. Нужно поистине иметь совершенно особую способность валить с больной головы на здоровую, чтобы делать такие ссылки, как в данном случае у Л. Г. Дейча. Как на самом деле относились на процессе 17-ти к Стефановичу его товарищи, см. также у А. В. Прибылева в его статье в № 25 «Былого».

[2]) Цитируем это место с некоторыми несущественными сокращениями.

лицейскую ловушку Григорий Гольденберг в 1879—80 г.г., сделавшийся предателем. Теперь такой авторитетный свидетель, как Л. Г. Дейч, удостоверяет, что на тот же путь вступил в 1882 году друг его, Яков Стефанович. Григорий Гольденберг — вот кто был действительным, а не мнимым предшественником Стефановича, а не те народовольцы, на которых кивает Дейч.

Между Гольденбергом и Стефановичем была, впрочем, и некоторая разница. Гольденбергу было в то время 23—24 года, по природе это был неустойчивый и мало одаренный, даже умственно ограниченный юноша. Сбить его с толку жандрамам было не трудно. Однако, ничего подобного нельзя сказать про Стефановича, на что еще раньше указывал, и вполне справедливо, Н. С. Тютчев (см. выше, стр. 108). Что проистекает из этой разницы — об'яснять не нужно.

Не нужно нам также об'яснять и того, что «Записка» Стефановича об эмиграции представляет в этом отношении то же самое, что и показания Гольденберга. Что бы ни говорил Л. Г. Дейч, как бы ни старался он защитить тут своего друга, это явления одного порядка.

Чтобы закончить этот вопрос о Стефановиче нам остается сделать еще два-три замечания. Прежде всего следующее. В вышеприведенной цитате из статьи Л. Г. Дейча фигуригует, между прочим, имя гр. Игнатьева. Это не случайность. На стр. 118—119 цитируемого сборника мы находим такие строки:

«Как и все в те времена прокуроры, жандармы и директора департамента, Плеве также любил вступать в общие беседы с арестованными. особенно с выдающимися, приобревшими известность, от чего, за крайне редкими исключениями, последние насколько мне известно, не отказывались. Тоже произошло при аресте Стефановича. Однажды, во время допроса, Плеве сказал ему, что мин. вн. дел., гр. Игнатьев очень заинтересован затеянной им среди сектантов агитацией, почему просил передать Стефановичу, что желает поговорить с ним в качестве частного лица.

За гр. Игнатьевым, бывшим как известно, втечение многих лет перед тем русским послом в Турции, установилась тогда репутация, если не «либерала», то и не реакционера-мракобеса, каким являлся гр. Д. А. Толстой. Приняв все это во внимание, к тому же в виду однообразия одиночного заключения, Стефанович ответил согласием на предложение гр. Игнатьева» [1]).

Мы оставляем в стороне эти рассуждения, об удивительном обычае, якобы существовавшем тогда (в 1881—1882 г.г.) в среде заключенных, беседовать со своими тюремщиками, и о либерализме гр. Игнатьева, соблазнившего Стефановича на беседу с ним, как не-

---

[1]) Излишне упоминать, что и здесь Л. Г. Дейч чрезвычайно преувеличивает (даже просто извращает действительность), придавая такую распространенность готовности тогдашних заключенных итти на разговоры с жандармами. Следуя этому методу защиты Стефановича, Л. Г. Дейч скоро, вероятно, будет утверждать, что и та дружеская информационная переписка, которую он вел из-за границы со Стефановичем через руки жандармов и с их благословения (см. о ней ниже) тоже была в то время обычным явлением, а не обусловливалась какими-то особенностями личного положения Стефановича и принятой им позиции по отношению к жандармам.

опытного юношу. Но самый факт, который тут сообщен, тем же словоохотливым Л. Г. Дейчем, не может быть не отмечен: *откровенные беседы у Стефановича были, таким образом, не только с Плеве, а и с гр. Игнатьевым.* Удивительно, как еще сам Александр III не пожелал лично познакомиться, в качестве частного лица, со Стефановичем?!

Наконец, еще одно, на этот раз последнее замечание: В № 3 «Сборника» у Л. Г. Дейча напечатана, среди других документов, та переписка его со своим другом (через посредство Плеве и, может быть, гр. Игнатьева), о которой пишет в своей статье Н. С. Тютчев (см. стр. 106 и след.). Мы не станем сейчас разбирать и цитировать эти письма, так как предвидится еще продолжение в № 4 «Сборника». Мы скажем только, что письма Стефановича, помещенные тут, замечательны: — на них лежит печать не только Гольденберга, но и — Дегаева! Лев Григорьевич Дейч прекрасно делает, что их печатает. Мы можем сказать ему в этом отношении только одно:

— «Что делаешь, делай скорее»!

Е. Колосов.

Апрель, 1925 года.

Примечания.

1. О тайном обществе «Земля и Воля» и об отношении к нему Н. С Тютчева см. во вступительной статье. В черновых бумагах покойного Ник. Серг. тоже осталась запись о «Земле и Воле» (была приготовлена для историко-революционного словаря). Приводим ее здесь полностью: — «Земля и Воля» — тайное общество (1876—1879 г.г.). — Опыт, вынесенный пропагандистами в период «хождения в народ», показал, что нет оснований ожидать в ближайшем будущем общего народного восстания, что летучая пропаганда мало достигает цели и крестьянство в его целом не способно воспринять социализм (коллективизм). Требуется, во-первых, — организация революционных сил и, во-вторых, более прочные и постоянные связи с деревней и воздействие на нее на почве уже назревших недовольства и требований, выражающихся в лозунге «Земля и Воля», т.-е. требований передачи всей земли трудящемуся крестьянству и свободы организовать общественные отношения по своей воле. В 1876 году среди уцелевших от погромов пропагандистов течение это, несогласное с «лавристами» и «бакунистами»—бунтарям, вылилось в, так-называемое, революционное народничество, а осенью того же года выработаны были и программа и устав организации тайного общества «Земля и Воля», когда петербургский кружок, состоявший из Марка Андреевича Натансона и Ольги Александровны Натансон-Шлейснер, из Алексея Оболешева, Ал-ндра Михайлова и др., слился с Харьковским и Ростовским и др. провинциальными кружками и с уцелевшими от арестов «чайковцами». В основу устава Общества положен был принцип централизации и строгой конспирации. В центре стоял «Основной Кружок», — исполнительным органом которого была «Администрация» или, как тогда выражались, «Центр» из нескольких выбранных Основным Кружком лиц. Этот «Центр» обязательно должен был находиться в Петербурге. В исключительных случаях он созывал для решения дел Совет из всех наличных членов «Основного Кружка». Высшим решающим органом Общества являлся с'езд членов «Основного Кружка». Центр ведал всей партийной техникой и распределением сил Общества. Отдельные группы вели дела с интеллигенцией, рабочими и крестьянством («деревенщина»). Кроме того была особая группа под названием — «Дезорганизаторская», сыгравшая в истории «Земли и Воли» решающую роль, как выдвинувшая борьбу за политическую свободу, как одну из главных задач революционной партии. Целью тайного общества было вызвать восстание, сначала местное, а затем и общее, с лозунгом «Земля и Воля». Восстание предполагалось организовать при помощи «поселений» в народе, которые по своим заданиям должны были приобрести влияние в известной местности и руководить начавшимися волнениями. С октября 1878 года начал выходить непериодический журнал «Земля и Воля» и «Листки Земли и Воли», и с этого собственно времени прежние «народники», или по шуточному прозванию, данному им Д. А. Клеменцом за их конспиративность, — «троглодиты», стали известны уже под именем «землевольцев».

2. В. Н. Малиновская, старшая сестра Александры Николаевны, также художница, сама не принимала участия в работе землевольцев, но, благодаря сестре, с большинством из них встречалась, хорошо знала их, знала также и о их работе. В ее присутствии, напр., Кравчинский упражнялся в приемах обращения с кинжалом перед покушением на Мезенцова. Жила В. Н. у тетки, старой ханжи, которая брала с нее за угол 3 рубля в месяц, а после смерти оставила В. Н. все свое состояние (кажется, тысяч 20), на которые В. Н. приобрела в Черниговской губ. хутор, мечтая устроить в нем «дом отдыха» для интеллигенции. Тетка к Александре Ник. относилась чуть ли не враждебно.

В. Н., по ее словам, не раз высказывала сестре неудовольствие, зачем ее, человека непричастного к работе, посвящают во все дела организации, все обсуждают в ее присутствии и проч. После дела Мезенцова (спустя довольно долго), В. Н. была арестована на улице, ее продержали в 3-м Отделении целый день на допросе, после чего освободили. Здесь с ней произошел следующий случай, простить себе которого она не могла до конца жизни. Она на допросе отзывалась незнанием относительно всего, о чем ее спрашивали, но когда ей предложили после одного из перерывов в допросе, сказать, кто убийца Мезенцова — Кравчинский или Дубровин (Кравчинский, как уже знала В. Н., был в это время за границей), то у нее невольно вырвалось: «только не Дубровин». Она об'ясняла такой свой ответ желанием снять с Дубровина столь тяжкое подозрение. Но после этого все же не могла оправдать себя и находила, что не должна была ничего говорить.

О сестре своей В. Н. рассказывала, что вскоре после ареста у нее начались галлюцинации. Ей казалось, что из определенного угла ее камеры вечером и ночью выходили ее друзья, она беседовала с ними и эти галлюцинации были для нее приятны, но затем из этого же угла стали посещать ее исключительно ее враги, посещения стали мучительны для нее. Она тогда нарисовала голову раз'яренной кошки с свирепым, отчаянным выражением (этот рисунок потом получила В. Н. и хранила его), поставила его в угол камеры, надеясь, что он испугает посетителей и, действительно, с того времени посещения прекратились.

В. Н. в конце 90-х и начале 900-х г.г. жила в Мариуполе, а умерла в Петрограде, в зиму 22—23 года, в больнице Георгиевской Общины. Ее близкими друзьями до конца жизни были Хирьяковы.

3. Как видит читатель из этого места, тот аноним, который информировал Александра II о кружке Малиновской (А. Н.) и ее связях, сам сведения получал через третьи руки, через ту «старушку», как тут сказано, которая пользовалась полным доверием Веры Малиновской. Эта старушка — та самая тетка Малиновских, о которой говорится выше в примечании 2-ом. Вера Малиновская, конечно, не подозревала об этом злоупотреблении ее доверием со стороны своей тетки, да и эта последняя, в свою очередь, едва ли знала, как используются ее сведения. Даже наверное, что не знала. Но был, значит, еще кто-то, оставшийся в тени, внимательно и злобно следивший (не по профессии, а по убеждению), за Малиновскими, и эксплоатировавший для этого доверчивую «старушку». Кто же был он, этот доборвольный шпион Александра II и его информатор, нанесший тогда такой страшный вред революционному движению? На этот вопрос статья Н. С. Тютчева не отвечает. Но это не значит, что такого вопроса Ник. Серг. перед собой не ставил и что он не пытался его разрешить. Достаточно хорошо зная тогдашнюю интеллигентскую среду и среду бюрократии, зная также круг родственных связей и знакомств Малиновских, Ник. Серг. подозревал в этом случае вполне определенное лицо, мужа одной своей хорошей знакомой, с большой ненавистью относившегося к революционерам и, повидимому, знакомого с теткой Малиновских, о которой тут идет все время речь. Но он никогда и никому не говорил об этих подозрениях, так как проверить их никак не мог. Не мог даже достать почерка подозревавшегося им лица, чтобы сличить его с почерком анонима к Александру II.

4. Официальное сообщение о месте казни Квятковского и Преснякова гласит так:—на валганге левого контр-фаса Алексеевского равелина. Валганг — это земляное укрепление на бастионах. Фактически Пресняков и Квятковский были повешены на стенах крепости, направо от Иоанновских ворот. Место это теперь можно точно установить. Что касается казни декабристов, то она была произведена действительно на Кронверке (точнее, на земляных валах кронверка, там, где теперь здание Нового Адмиралтейства), но кронверк расположен совсем в другом конце крепостной территории, по другую сторону пролива, не там совершенно, где казнили Преснякова и Квятковского.

5. Статья Н. С. Тютчева об Окладском появилась весной 1918 года. Литература об Окладском с тех пор значительно разрослась. За это время появились следующие работы об Окладском: 1) Бор. Николаевского «Иван Окладский в Тифлисе» (по архивным документам). См. «Былое», № 25; 2) В. И. Дмитриевой «Тени прошлого» в № 4 «Каторги и Ссылки»; 3) С. И. Мартыновского «На каторжном положении» в № 5 «Каторги и Ссылки»; 4) Айзенштадта в № 7 «Известий»; 5) С. П. Швецова «Провокатор Окладский». Из-во Всесоюзн. Общ. политкаторжан. М. 1925 г., стр. 30. Кроме того, вышла в свет в издании журнала «Суд идет» отдельная книга об Окладском с его автобиографией. Ее полное заглавие и содержание следующее: «Дело провокатора Окладского — 37 лет в охранке». В эту книгу входят: «Предисловие» П. Е. Щеголева; затем статья Н. С. Тютчева, вышенапечатанная; затем большое извлечение из обвинительного заключения об Иване Окладском; затем «Автобиография» Окладского и, наконец, статья А. П. Прибылевой «Январские и мартовские аресты народовольцев в 1881 г.». В книге всего 177 стр. и 14 рисунков в тексте. Большой материал для суждения об Окладском дает также его процесс, происходивший в Москве. См. подробные отчеты в газетах «Правда» и «Известия», в №№ от 10 по 20 января 1925 года. См. также брошюру Феликса Кона «Окладский на суде». — Отдельных газетных статей и заметок об Окладском хроникерского и компилятивного характера мы здесь не отмечаем. Регистрируя всю эту литературу об Окладском, необходимо сделать несколько замечаний относительно того места, которое занимает в ней статья Н. С. Тютчева.

Статья Н. С. Тютчева об Окладском была в нашей литературе первым документальным исследованием, посвященным судьбе этого предателя. Глухие слухи о его поведении после суда ходили еще в самом начале 1880-х г.г. Первоначально они вышли из стен самой Петропавловской крепости и, несмотря на ее тайники, просочились на волю. Как это могло случиться, видно, напр., из указанной выше статьи С. И. Мартыновского «На каторжном положении», напечатанной в № 5 «Каторги и Ссылки». О предательстве Окладского говорилось и раньше в печати (ср. у Тютчева ссылку на отчет о «Процессе 16», за 1906 год, прим. от ред.). Но все это являлось областью слухов и предположений, никто в точности не знал, что случилось с Окладским в тюрьме и какова была именно его дальнейшая судьба. Раскрыта эта часть тайны, связанной с именем Окладского, была только тогда, когда после революции 1917 года, оказались доступными для научного изучения архивы царской охраны — департ. полиции и прежнего 3-го Отд. Результатом такой работы над этими архивами и явилась статья Н. С. Тютчева об Окладском, установившая впервые ряд в сущности потрясающих фактов из истории предательства Окладского. Некоторым дополнением ее явилась заметка, оставшаяся у Ник. Серг. в рукописи и ниже нами напечатанная в серии статей о 1 марта 1881 года, об арестах после 1 марта, в которой есть ряд указаний на роль в этом случае Окладского. В обеих этих работах, чрезвычайно содержательных, несмотря на их краткость, Тютчев строго держится почвы фактов и формулирует только такие выводы, для которых есть достаточная документальная опора. Хотя на этих статьях работа Тютчева об Окладском закончилась, но с именем Окладского ему пришлось всетаки столкнуться еще раз перед самой своей смертью. Приблизительно в январе 1924 года,

во время одного из своих посещений Ист. Рев. Арх., Ник. Серг. узнал, что в Архиве получен запрос от ленинградского отделения ГПУ о том, нет ли каких сведений в Архиве о гражданине Петровском, когда-то принадлежавшем, по его словам, к партии «Нар. Воли». а ныне арестованном. (Ср. в обвинит. заключении, стр. 470—471). Ознакомившись с этим запросом, Ник. Серг. на этой же бумаге набросал ответ на нее, в котором писал, что если это тот Петровский, Иван Александрович, который в последнее время перед революцией проживал на ул. Гоголя и имел дачу в Луге, то это известный провокатор и предатель Окладский, разоблаченный еще в его статье в № 10 журнала «Былое» за 1918 год. Так возникло дело об Окладском, закончившееся его процессом в Москве 10—20 января, 1925 г. Но всей этой стадии в развитии дела Окладского, Ник. Серг. уже не застал: он умер 31 января при самом его начале. Необходимо отметить, однако, что, несмотря на всю работу, произведенную за весь 1924 год, по изучению дела Окладского следственной властью, и несмотря на весь материал, полученный при судебном разбирательстве этого дела,— мы не обогатили сколько-нибудь серьезно свои сведения, имевшиеся уже у нас об Окладском в статье Тютчева. Правда, Окладский после того написал обширную «Автобиографию», которую он составлял, находясь в заключении: затем на суде он давал пространные показания, но во всем этом он тщательно обходил наиболее важные и наименее ясные пункты истории своего предательства, в частности так и оставил, в сущности, даже еще более затуманенным вопрос о том, когда же именно он вступил на службу в секретной полиции и что именно он там делал как в начале 1880-х г.г., так и позже. Если же кое-что в этом отношении выяснилось, то помимо самого Окладского и вопреки его стараниям затушевать эти стороны своей деятельности. Так, большую роль в этом отношении сыграл доклад ген. Комарова, от 5 ноября 1880 года, об об'явлении монаршей милости Окладскому, с заменой смертной казни, ему бессрочными каторжными работами, опубликованный на суде П. Е. Щеголевым. Он произвел в частности на самого Окладского большое впечатление. Этим докладом впервые набрасываются на облике Окладского черты предателя. Тютчеву доклад ген. Комарова не был известен, но тем не менее его выводы в определении момента начала предательской деятельности Окладского совпадают в общем с теми, которые сформулировал на суде П. Е. Щеголев. Затем, как было установлено в статье Н. С. Тютчева, начиная с 1890 года, Окладский получал ежемесячно пенсию из деп.-полиции по 150 р. и оставался департаментским пенсионером вплоть до революции 1917 г. Все попытки суда, а перед тем следственной власти установить, за что именно ему была назначена такая крупная сумма, в виде пенсии, и чем именно он являлся в департаменте за эти годы (1890—1917), не привели ни к чему: ответы Окладского на такие вопросы были чисто формальными и уклончивыми. Так что и в этом случае мы остаемся по существу при тех же выводах, к которым еще в 1918 году пришел Н. С. Тютчев. Правда, в феврале 1925 года в газетах появилось сообщение «Роста» из Тулы, что там будто бы найдены документы в архиве бывшего жандармского управления, указывающие, что Окладский, будучи в 1875 году в Туле находился в распоряжении местного жандармского управления. Если бы такие документы действительно были найдены, тогда пришлось бы заново пересмотреть всю историю Окладского. Однако, из телеграммы «Роста» не было ясно, идет ли там речь действительно о новых документах или сообщаются только выводы автора из телеграммы о каких-то фактах, быть может, даже неверно им переданных. Повидимому, имело место именно второе.

6. Покойный Н. С. Тютчев подготовлял материал для специальной работы о «Народной Воле», но работа эта осталась ненаписанной. В бумагах его нашлись, однако, частью совершенно законченные, частью полузаконченные, заметки по истории «Народной Воли», в особенности же о деле 1 марта. Из них некоторые печатаются под вышеприведенным общим заголовком. Из этих шести заметок почти все написаны по архивным

материалам или вообще по данным неопубликованным, таковы, напр., заметка: «Необнаруженный первомартовец» или «К судьбе Геси Гельфман».

Заметка об «арестах после 1 марта» осталась в черновой рукописи, по которой она и печатается. Справка о «Судьбе первомартовцев», напечатанная первоначально в «Былом» №№ 10—11, за 1918 год, требует теперь некоторых дополнений, которые даны ниже в особых примечаниях. Заметки о Соловьеве и Рысакове извлечены из большого обзора литературы о «Нар. Воле», помещенном в № 5 «Книги и Революции» за 1922 год.

7. О «Дезорганизаторской Группе» и, в частности, об участии в ней самого Н. С. Тютчева, а также о политической платформе группы и отношении членов ее к вопросу о цареубийстве, см. во вступительной статье. Позже, когда образовалась партия «Нар. Воли», почти все оставшиеся на воле члены «Дезорганизаторской Группы» вошли в состав «Исполнительного Комитета». Противниками того направления в партии, которое представляла собою эта группа, являлись, так называемые, в «Земле и Воле», — «деревенщики», т.-е. сторонники непосредственной работы в народных массах, прежде всего в среде крестьянства в деревне. Ниже в тексте назван один из таких «деревенщиков», — это М. Р. Попов. К этой же группе «деревенщиков» принадлежал Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман и др. О столкновении деревенщиков с «Дезорганизаторской» Группой по вопросу о выстреле Соловьева, см. у В. Н. Фигнер «Запечатленный Труд», часть I, а также у Н. А. Морозова и у М. Р. Попова в их полемике по вопросу о воронежском и липецком с'ездах. См. об этом в «Былом» за 1906 г., №№ 8 и 12, а также ст. Морозова в № 10 за 1907 г.

8. «Необнаруженный первомартовец» — это Е. М. Сидоренко. См. его краткую, но очень интересную заметку о 1 марта 1881 года в № 5 журнала «Каторга и Ссылка», стр. 50—53. Эта заметка появилась в печати в то время, когда статья Н. С. Тютчева была уже написана и даже набрана для «Былого». В тот момент еще не было известно даже того, жив ли был еще Е. М. Сидоренко или нет, чем и об'ясняются последние строки статьи Н. С. Тютчева. Сам Сидоренко говорит в своей заметке, что он «по совершенно непонятным причинам не был указан Рысаковым наравне с прочими названными им лицами и потому не был обнаружен, как участник 1 марта». Соображения А. В. Тыркова и Н. С. Тютчева, приведенные в вышенапечатанной статье, вполне правдоподобно об'ясняют этот факт тем счастливым для Е. М. Сидоренко обстоятельством, что он во время заседаний не обращал на себя особенного внимания Рысакова. «Лишь впоследствии — продолжает Е. М. Сидоренко в своей заметке — я был арестован по обвинению в революционной пропаганде среди рабочих и, после заключения (1½ г.) в доме предварительного заключения и в Петропавловской крепости, был выслан на 5 лет в Вост. Сиб., откуда и освобожден по окончании срока». Этой деятельности Сидоренко и посвящена статья Тютчева, написанная по архивным материалам. О своей роли в день 1 марта, сам Е. М. Сидоренко говорит следующее: «В момент покушения я находился на Невском проспекте, где взрыв первой бомбы, брошенной Рысаковым, был принят гуляющими за обычный двенадцатичасовой выстрел пушки с Петропавловской крепости, так что многие из публики стали проверять свои часы, хотя время, сколько помнится, явно не совпадало. Отсюда первая тревога и некоторое движение среди публики, превратившееся скоро (за вторым взрывом) в необычное возбуждение, вызвавшее на месте происшествия, т.-е. на Екатерининском канале и прилегающих к нему улицах, колоссальное скопление взволнованной массы народа, не расходившегося до ночи. После второго взрыва, через некоторое время, по Невскому промчался, в направлении от Зимнего дворца к Аничкину, одинокий донской казак, выкрикивавший диким голосом какие-то слова, которых нельзя было разобрать. Через несколько минут, в том же направлении в сопровождении двух донских казаков, пронеслась на маленькой лошадке огромная фигура, с несоответственно длинными ногами, оказавшаяся вблизи Александром III. В это время на самом месте взрыва, у Екатерининского канала, непроницаемая масса лю-

дей, теснимая гвардейскими солдатами с ружьями, совершенно запрудила узкое пространство набережной канала, образовав пробку. Мостовая набережной представляла из себя кучи грязного снега, смешанного с мусором». — О дальнейших событиях, связанных с 1 марта (свидание с Перовской и пр.) и с ролью в них Сидоренко, см. также у А. В. Тыркова: «К событию 1 марта 1881 года» в «Былом» за 1906 г. № 5. — Показания Рысакова, в которых Рысаков упоминает о Сидоренко (не называя его по имени, что и помогло ему тогда остаться «необнаруженным»), см. в «Былом» за 1918 г., кн. 10—11. Эти места указаны также в статье Н. С. Тютчева.

9. Считаем не лишним привести здесь те места в показаниях Рысакова, о которых говорится в тексте и в которых он упоминает о Е. М. Сидоренко, называя его по конспиративной кличке «Макаром», так как настоящего его имени он не знал. В показании 12 марта, Рысаков между прочим говорит: — «К этому могу прибавить, что в слежении за проездом государя императора в его поездках по городу я также принимал участие, хотя весьма короткое время, вместе с некоторым Арсением или Аркадием, повидимому, студентом, с которым меня познакомила Перовская, но не помню, где именно. Отчеты о наших действиях мы с Арсением отдавали Перовской, кажется, на Б. Дворянской или Монетной улице, где собирались все следившие, в том числе какая-то барышня Лиза, Макар, кажется, студент Котик и еще несколько лиц, которых не знаю. Собирались мы в комнате, очевидно принадлежащей студенту, но где она была, я не знаю ни номера дома, ни квартиры, ни названия улицы, потому что меня проводил Арсений или Аркадий, с которым для этой цели уславливались встретиться в кондитерской Андреева» («Былое», 1918 г., кн. 10—11, стр. 253). В заявлении, поданном 13 марта, Рысаков опять упоминает ту же компанию участников наблюдательного отряда. Он и тут говорит: «Еще припоминаю, что в начале этой зимы я, до поступления моего в рабочую организацию, при посредстве Желябова, познакомился с той блондинкой, которую вы называете Софьей Перовской; знакомство произошло в Гостином ряду, под арками со стороны Невского. Блондинка же познакомила меня с 5—6 лицами, кажется, студентами, некоторых, я знал по имени: Макар, например, и пр.» («Былое», 918, кн. 10—11, стр. 264). Это все, что мог сказать Рысаков о «Макаре», т. е. о Сидоренко. Власти оказались бессильными, чтобы по этим указаниям установить, кто именно скрывался под таким псевдонимом, благодаря чему Е. М. Сидоренко, вплоть до 1923 года оставался — «необнаруженным первомартовцем».

10. Об Анатолии Петровиче Буланове, бывшем чернопередельце, перешедшем после к народовольцам, и о его деятельности среди рабочих, как пропагандиста, см. у Панкратова «Воспоминания», изд. «Красн. Новь», М. 1924 г. и у О. К. Булановой-Трубниковой в «Былом», № 24 «Странички воспоминаний». А также в ее же статьях: о «Черном Переделе» в сб. «Группа Освоб. Тр.», т. I, под ред. Л. Г. Дейча и о самом А. П. Буланове в № 5 «Каторга и Ссылка». Буланов был известен среди рабочих под кличкой «Петрович». Это был один из наиболее популярных пропагандистов того времени среди рабочих. Арестованный в 1882 году в Москве, он был сослан в Вост. Сибирь, поселен в гор. Минусинске, где и отбывал свою ссылку. Буланов родился в 1858 году, служил во флоте, вышел в отставку мичманом. См. об этом в указанной статье Булановой-Трубниковой, стр. 75—76. Умер Буланов 1 октября 1918 года в Саратове, скоропостижно.

11. В то время за границей находился Л. Н. Гартман, постоянно проживавший в Париже, где позже правительство сделало попытку его арестовать. Гартман являлся представителем Исполн. Комит. для за-границы и с его помощью была организована широкая агитация с протестами против казни Геси Гельфман. Деятельное участие в ней принял Виктор Гюго, опубликовавший «Открытое Письмо» к русскому правительству, в котором он пламенно защищал права Геси Гельфман, как матери. Письмо Гюго

произвело большое впечатление и заставило правительство считаться с поднятым общественным движением. Казнь Геси Гельфман была отменена, но цели своей правительство достигло иным путем, — с Гесей Гельфман было поступлено так, как ниже об этом говорится в заметке Н. С. Тютчева.

12. В статье А. В. Тыркова «К событию 1 марта 1881 г.», об этом говорится так: — «По словам Емельянова, Тимофей Михайлов должен был бросить первую бомбу, но он будто бы почувствовал себя не в силах это сделать, и у него хватило характера вернуться домой, не дойдя до места. Вследствие этого, номера метальщиков перепутались, и около кареты государя первым очутился Рысаков. («Былое», стр. 150, кн. 5 за 1906 г.). Ср. также, стр. 161—162, замечания А. П. Корба-Прибылевой о том, как был привлечен Рысаков к террористической деятельности.

13. Тут у Н. С. Тютчева какая-то ошибка: — Ф. М. Достоевский в 1881 году не жил на Вас. Остр., а жил уже на Ямской ул., где и умер. Так что жить у Достоевского Баранников в это время никак не мог. Квартиры, которые занимал Достоевский, теперь почти все хорошо известны. (См. об этом у Н. П. Анциферова в его книге «Петербург Достоевского», изд. Брокгауз и Эфрона, Петр., 1923 г.). Достоевский занимал обычно небольшие, более чем скромные квартиры, и достаточно тесные для его семьи даже, так что иметь у себя посторонних, да еще — революционеров-террористов, просто не мог бы. Мало соответствовало бы это и его общему отношению к террористам, хотя, правда, главный герой его «Карамзовых» — Алеша, кончает тем, что делается террористом. Надо думать во всяком случае, что Н. С. Тютчев был в этом случае кем-то введен в заблуждение.

14. См. об этом в статье: «Последнее признание Рысакова», в № 10—11 «Былого» за 1918 г., стр. 305 и след. — «Власти вселили в Рысакова надежду на сохранение жизни и этой надеждой обольщали его, вынуждая оговоры и признания», говорится в этой статье. Этой уверенностью, что ему сохранят жизнь за предательство, и продиктовано то последнее показание Рысакова, о котором говорит Н. С. Тютчев. Полностью оно напечатано на вышеуказанных страницах «Былого». Рысаков тут рисует целый план выслеживания и поимки террористов с помощью его указаний, причем берет на себя в этом случае самую активную роль: он будет ходить по известным ему квартирам, искать встречи на улицах с известными ему людьми, и будет указывать их полиции. План этот до Рысакова практиковал уже Окладский (и Меркулов), но от Рысакова таких услуг не приняли, тем более, что перед тем он уже сказал в сущности все, что знал.

15. В статье Н. С. Тютчева «Литература о «Народной Воле», напечатанной в № 5 (17) «Книги и Революции» за 1922 год, он сам к этому месту своей справки о судьбе первомартовцев, делает такое дополнение: — «В статье «Судьба первомартовцев» следует отметить досадный пропуск: не упомянута видная деятельница и член Исполнительного Комитета Анна Павловна Корба (Прибылева) и поныне здравствующая», (стр. 12).—О роли Анны Павловны Корбы в самый день 1 марта, см. также в статье «Необнаруженный первомартовец», напечатанной выше (см. стр. 124—125). Анна Павловна Корба присутствовала в квартире В. Н. Фигнер и Г. П. Исаева в ночь на 1 марта, когда там шли последние приготовления к покушению на цареубийство. Как член «Исполн. Комитета», она в это время находилась в курсе всех его дел и, в частности, подготовлявшегося нападения на Александра II. Она принимала также участие в заседаниях Комитета после 1 марта, в частности в том, на котором был принят текст «Письма Исполнит. Комитета импер. Александру III». См. об этом ее статью: «Некоторые данные о Письме Исп. Комит. к Александру III», в «Былом» 1906 г., № 6, стр. 234—236. См. также другую ее статью об этом моменте: «Исполнительный Комитет партии «Нар. Воли» и «Учредительное Собрание», «Былое», 1918 г., № 10—11, стр. 83—85.

16. Когда писалась эта справка, «студент С.» еще не был установлен. Позже Н. С. Тютчев разыскал дело о нем и установил, с помощью А. В. Тыркова, его полное имя. См. об этом в статье: «Необнаруженный первомартовец» (см. выше, стр. 124). Что касается того лица, которому было поручено взорвать мину на Мал. Садовой ул., то, как указано в примечании на стр. 125-ой, это — М. Ф. Фроленко.

17. Не только от цынги, или вернее не столько от цынги, сколько от сознательного умерщвления себя путем голодания. Поливанов рассказывает в воспоминаниях об Алексеевском равелине (см. его книгу «Алексеевский равелин», изд. Распопова, 1906 г.), как Колоткевич не раз спасал его от попыток самоубийства. Из официальных актов мы теперь знаем, что сам Колоткевич в это же время, путем систематического планомерно возобновляемого голодания, сам себя постепенно — умерщвлял. Это делает особенно трагичными и особенно трогательными, стр. 94—96, воспоминаний Поливанова. «Ему я обязан тем, что не сошел с ума или не покончил с собой на второй же год заключения», пишет Поливанов о Колоткевиче (они были соседями по камерам). «С его стороны я видел столько участия, заботливости, женской, просто, ласки».

18. Брошюра Э. А. Серебрякова: «Революционеры во флоте» входит в Истор.-Рев. библиотеку Госизд., вышла в 1920 г. Первоначально печаталась в «Былом» за 1907 г. в №№ 2 и 4-ом. Об этой брошюре Н. С. Тютчев писал в №№ 8—9 журнала «Книга и Революция» следующее — «Брошюра недавно скончавшегося ветерана революции, народовольца Эспера Александровича Серебрякова, является ценным вкладом в исторические материалы о деятельности «Нар. Воли» в армии и флоте, в материалы, надо сказать, весьма еще незначительные до сего времени. К материалам, воспоминаниям лично участвовавших в «Военной Орган.» Нар. Воли принадлежат только записки Мих. Юл. Ашенбреннера («Былое», 1906 г.), В. Н. Фигнер, («Из истории Нар. Вол. после 1 марта 1881 г.» в «Гол. Минувш.», №№ 5—12 за 1919 г.), да разбираемая нами брошюра «Революционеры во флоте». И пока — это все, что имеется в печати». Из этих вещей записки Ашенбреннера имеются теперь в отдельном издании под ред. самого Н. С. Тютчева, (изд. О-ва политкаторжан в Москве), а воспоминания В. Н. Фигнер вошли в ее книгу «Запечатленный Труд», часть I. По своей исторической ценности брошюра Серебрякова стоит в одном ряду с воспоминаниями В. Н. Фигнер и М. Ю. Ашенбреннера, тем более, что ни В. Н. Фигнер, ни М. Ю. Ашенбреннер не говорят специально о — «Революционерах во флоте». Тем более жаль, что, как отмечал еще Н. С. Тютчев в той же рецензии в «Книге и Рев.», воспоминания Э. А. Серебрякова перепечатаны из «Былого» в 1920 году, без всяких изменений. Благодаря этому в издании 1920 г., фигурируют все те недоговоренности и та анонимность, которые в 1907 г. диктовались цензурными условиями. «Если бы, — говорит Тютчев, — автору поручено было пересмотреть и дополнить напечатанное им в 1907 г., он, конечно, дополнил бы свои воспоминания подробностями и открыл бы фамилии тех деятелей «Нар. Вол.», которые скрыты им были под инициалами из опасения повредить им в 1907 году» (стр. 48, «Книга и Рев.», №№ 6—9).

19. Дважды в своей жизни Н. С. Тютчев пытался собирать известия о Шлиссельбурге. Вначале он с этой просьбой обращался еще в 1889 г., в Сибири, в Красноярске к В. А. Караулову, перед тем освобожденному из Шлиссельбургской крепости (15 ноября 1888 г.). В эти годы о Шлиссельбурге не появлялось почти никаких сведений, не было даже в точности известно, кто там находится из осужденных. Но от Караулова, особенно в начале, Ник. Серг. не удалось получить, можно сказать, никаких указаний о жизни в Шлиссельбурге и его обитателях. Караулов ссылался на то, что его при освобождении предупредили быть воздержаннее в рассказах о месте своего заключения, угрожая в противном случае новыми репрессиями. Поэтому он был более чем лаконичен в рассказах о Шлиссельбурге. Как известно теперь со слов В. Н. Фигнер, (см. ее книгу «Когда часы жизни остановились», стр. 98; ср. рецензию Н. С. Тютчева

в «Былом», № 22, стр. 328), Караулов по выходе из Шлиссельбурга не исполнил ни одного из поручений, которые он получил от своих товарищей по заключению. Он не передал даже матери В. Н. Фигнер стихотворения, написанного Верой Ник. в Шлиссельбурге, специально для нее. Позже, ближе познакомившись с Н. С. Тютчевым, Караулов передал ему некоторые сведения о Шлиссельбурге, но, как говорит сам Ник. Серг., «эти сведения были весьма скудны, так как, по его словам, он сидел в Шлиссельбурге, почти совсем воздерживаясь от перестукиваний, и о других узниках почти ничего сам не знал». (См. указ. рецензию, стр. 329). Караулов занимал угловую камеру № 31, рядом с И. Н. Мышкиным и, по сообщению М. Р. Попова. (См. «Былое», 1906 г., № 2), на его стук совершенно не отвечал. Так что от Караулова никаких сведений о Шлиссельбурге в печать не проникло, не мог получить их от него и Н. С. Тютчев. Через несколько лет после этого судьба свела Ник. Серг. с другим из шлиссельбуржцев — Иованесом Манучаровым. Манучаров был доставлен в Шлиссельбург в 1886 г., а вышел из него в 1896 г. Из Шлиссельбурга его отправили на Сахалин. Дорогой он имел остановку в Москве, в Бутырках. «В пересыльной тюрьме меня раз'единили со спутниками,— пишет об этом сам Манучаров, — и посадили в Северную башню. В других башнях сидели политические и я стал от них получать обед и записки. Меня просили написать о жизни в Шлиссельбурге. Если я не ошибаюсь, со мной вел переписку Тютчев, во второй или третий раз ссылавшийся административно в Сибирь. Впоследствии на основании этих моих записок был составлен маленький очерк о Шлиссельбургской крепости за период с 1885 по 1896 г.г. и помещен в небольшом периодическом издании «Наше Слово», кажется, за 1897 г.» (См. «Былое», 1907 г., август, стр. 34—35). Это были первые вести из Шлиссельбурга, попавшие в нашу печать, и уже с одной этой стороны статья Н. С. Тютчева заслуживает большого внимания. Мы считаем нужным воспроизвести этот очерк полностью вместе со списком шлиссельбуржцев в конце его, как документ своего времени. В отдельных частях в этом очерке есть неточности, которые мы исправляем в особых примечаниях. Самый же очерк печатается здесь без всяких изменений, кроме перемены в заглавии: — «Первые вести из Шлиссельбурга» гораздо более передает его содержание и его сущность, чем то, которое было дано ему прежде. Считаем еще нужным отметить, что первый абзац этого очерка, написан не Н. С. Тютчевым, а покойным Ангелом Иван. Богдановичем, автором брошюры «Насущный вопрос» и будущим редактором «Мира Божия», впоследствии «Современного Мира». Богданович в конце 1890-х г.г. сделался марксистом, а перед тем (1894—1896 г.г.), состоял в близких отношениях с народоправцами. — За время пребывания Манучарова в Бутырках произошел еще один инцидент, непосредственно связанный с историей Шлиссельбурга, который мы здесь не можем не отметить. Вместе с разными сведениями о Шлиссельбурге, Манучаров передал в «Часовенную Башню», несколько стихотворений, в том числе стихотворение Веры Николаевны Фигнер: «Расскажи мне, мой милый, мой любящий друг». Фигнер, В. Н., пишет в этом стихотворении:

Расскажи мне, мой милый, мой любящий друг,
Почему, когда солнце сияет,
И тепло, и светло все вокруг,
Чувство грусти мне сердце сжимает?
Почему этот чистый лазоревый свод,
Что лелеет глаза синевою,
Лучезарной красою, гнетет,
Вызывает страданье глухое? и т. д.

Стихотворение было проникнуто большой грустью и пессимизмом. Среди заключенных «Часовенной Башни» находился между прочим С. А. Басов (Верхоянцев, будущий автор «Конька-Скакунка»), писавший стихи. Ему товарищи поручили написать в стихах же ответ Вере Николаевне,

обнадеживавший и ободрявший как ее, так и всех остальных шлиссельбуржцев, так как — пишет Н. С. Тютчев — и сами политики «Часовой Башни» преисполнены были в то время всякими надеждами, рассчитывая на уже начинавший подниматься революционный вал». (См. рецензию Тютчева на книгу В. Н. Фигнер о Шлиссельбурге, «Былое» № 22, стр. 329). Басов очень скоро справился с заданной темой и написал в ответ Вере Николаевне следующее стихотворение:

Когда мучительно и больно
Сожмется грудь тоской,
Когда твой взор блеснет невольно
Горячею слезой,
Челом склонившись к изголовью,
Подумай в тишине,
Что помнят о тебе с любовью
В родимой стороне.
В минуты горести суровой
Надеждою живи:
Воскреснешь ты для жизни новой
Для близких и любви.
Не все мечты твои разбиты,
Не все погребено,
И знай, мой друг, грозой сердитой
Не все сокрушено.
Рок не всегда грозит бедою,
Не вечно длится ночь;
День не далек и пред зарею
Уходят тени прочь.

Оба эти стихотворения были отосланы в журнал «Русское Богат.» Н. К. Михайловскому и он горячо отнесся к просьбе их напечатать. Они были помещены в этом журнале за 1896 год, одно после другого, на смежных страницах. Через несколько лет после этого (года через два после выхода Манучарова) департамент полиции разрешил передавать в Шлиссельбург старые №№ разных журналов, в том числе и «Русское Богат.», и в нем В. Н. Фигнер нашла как свое стихотворение, так и ответ на него, подписанный буквой — «М». — «Михайловский, — тотчас подумала я», — пишет теперь она в своей книге о Шлиссельбурге, (стр. 103). «Нужно ли говорить — прибавляет она — какое до слез радостное волнение охватило меня: из-за стен крепости мой голос дошел до друзей и из-за каменной ограды их слово любви долетело до меня». Стихотворение, написанное, как сказано выше Басовым-Верхоянцевым, имело подписью действительно инициал: «М». Но это означало, по мысли политиков из «Часовенной Башни», не подпись Н. К. Михайловского, как поняла В. Н. Фигнер, а указание на Манучарова, как первого вестника из Шлиссельбурга, доставившего, почти тотчас по выходе, в революционную среду новой России, стихотворение В. Н. Фигнер. Это недоразумение с подписью придало, разумеется ответному стихотворению на стихи В. Н. Фигнер, еще больше значения в ее глазах, и сделало его еще более трогательным.

20. Перед тем, в самом начале 1890-х г.г., в лондонских «Листках Фонда Вольной Русской Прессы», издававшихся при ближайшем редакционном участии Ф. В. Волховского, Л. Э. Шишко, Н. В. Чайковского и др. эмигрантов, — появилось сообщение о самоубийстве Грачевского. Очевидно, это и имеет в виду Н. С. Тютчев. См. указания на литературу о Шлиссельбурге в новом издании записок Л. А. Волкенштейн, под ред. Р. М. Кантора (Госиздат, 1925).

21. Здание, о котором тут говорится, — «Старая Тюрьма», или «Секретный Дом», как ее обозначали старинные акты. В нем был всего 10 камер. Построено оно во второй половине XVIII века. При народовольцах

его несколько перестроили. В 1908—909 г.г. оно было совершенно переделано и превратилось в так называемый — «Второй Корпус» новейшей каторжной тюрьмы. О «Старой Тюрьме» (народовольцы называли ее «сараем») см. у В. Н. Фигнер в книге о Шлиссельбурге. «Она служила для нас предметом ужаса и отвращения», пишет об ней В. Н. Фигнер. В 1887 г. в «Старой Тюрьме» перед казнью, в течение 3 дней (в ожидании палача, который должен был прибыть из Варшавы), находились осужденные по делу «Второго 1 марта», — Шевырев, Ульянов, Генералов, Осипанов, Андреюшкин. Тут же, одновременно с ними, были посажены два их сопроцессника: М. В. Новорусский и И. Д. Лукашевич, для которых смертный приговор был заменен пожизненным заключением. После казни, через месяц или полтора Новорусский и Лукашевич были переведены в «Новую Тюрьму», в камеры №№ 8 и 9, в которых и провели почти все 18½ лет своего заключения.

22. О собеседованиях со священником см. любопытный отзыв ген. Оржевского в его докладе о посещении Шлиссельбурга 22—23 января 1885 года. «В религиозно-нравственном отношении, — пишет тут ген. Оржевский, — до настоящего времени в большинстве арестантов не заметно желательного улучшения, так как только 12 из числа их заявили желание беседовать со священником, при свидании с которым только трое (Буцевич, Юрковский и Ювачев) обнаружили как будто бы некоторые признаки раскаяния в своих преступлениях, причем у Ювачева и Буцевича обращение на путь религии приняло несколько болезненный характер и грозит перейти в форму, если не религиозного помешательства, то серьезного нервного расстройства, Юрковский-же страдает неизлечимою болезнью. Остальные из числа помянутых арестантов, повидимому, приглашали священника только ради развлечения, а один (Попов) единственно для того, чтобы заявить ему свое противорелигиозное направление». — Эти слова ген. Оржевского говорят сами за себя, им нельзя отказать в очень об'ективной оценке отношения заключенных к беседам со священником. Как общее правило, заключенные не считали возможным приглашать священника для бесед с ними, но некоторые из них принимали эти беседы с целью что-либо узнать во время их от священника о жизни вне тюремного мира. Увидев, однако, вскоре, что надежды их в этом отношении тщетны (беседы происходили в той обстановке, в какой описано это у Манучарова), заключенные совершенно прекратили такие собеседования.

23. О положении душевно-больных в Шлиссельбурге см. в книге «Государева тюрьма — Шлиссельбург», изд. «Атеней», Петр. 1924 г. — См. также и в примечаниях Р. М. Кантора к книге В. С. Панкратова, «Жизнь в Шлиссельбургской крепости», изд. «Былого», Петр., 1922 г., а также в статье С. Лившица «Революционеры в Казанской психиатрической больнице» в «Пролетарской Рев.», кн. 20-я. Перевод душевно-больных (троих — Щедрина, Конашевича и Похитонова) из Шлиссельбурга в больницы состоялся в 1896 году. Достаточно сказать для характеристики этого, что Щедрин первоначально заболел душевным расстройством в 1882 г., а Конашевич в 1884-м, и тем не менее все время вплоть до 1896 г. они оставались в самом строгом заключении.

24. Ср. с этим следующее письмо из Шлиссельбургской крепости Н. А. Морозова к его сестре. «Могу тебя успокоить, что никакой смертельной болезни у меня нет пока, а что касается не смертельных, то их было очень много. Года три назад был сильный ревматизм в ступне ноги, но, убедившись, что никакие лекарства не помогут, я вылечил его очень оргинальным способом, который рекомендую всякому. Каждое утро встав с постели, я минут пять (вместо гимнастики) танцовал мазурку. Это был, могу тебя уверить, ужасный танец: словно бьешь босой ногой по гвоздям, особенно, когда нужно при танце пристукивать пяткой», и т. д. (См. «Письма из Шлиссельбургской крепости». СПБ. 1910. Стр. 67, 41). На одну из таких сцен в равелине и попал ген. Оржевский, как о том говорится в тексте. Ген. Оржевский, П. В., род. 11 авг. 1839 г., умер в 1897 г., с 1882 г. по 1887 был тов. мин. вн. дел, заведывавшим госуд.-полицией,

и шефом жандармов. При нем открыт Шлиссельбург и все оставшиеся в живых заключенные Алексеевского равелина и Трубецкого Бастиона переведены туда.

25. Версия о насильственном кормлении Минакова во время голодовки, ныне должна быть несомненно оставлена, как несоответствующая фактам. Ни д-р Заркевич, ни сам смотритель Соколов—«Ирод», этого приема борьбы с Минаковым не применяли. Минаков ударил доктора под влиянием больной, навязчивой идеи, что тот его отравлял. В лице Минакова был казнен в Шлиссельбурге человек несомненно психически расстроенный, что делает его казнь еще более трагической, чем то представлялось раньше, при допущении версии о насильственном кормлении. Подробнее об этом и о самом Е. И. Минакове, см. в книге «Государева тюрьма — Шлиссельбург», глава XXI. «За что казнили Е. И. Минакова». См. также у Бор. Николаевского «Скорбные страницы Шлиссельбургской крепости», «Былое», № 13, за 1918 г. Расстрелян Е. И. Минаков был на Большом Дворе цитадели 21 сент. 1884 г., утром в 8 часов. Залп хорошо был слышан в тюрьме. Как эта казнь, так и следующая — И. Н. Мышкина, совершилась через расстреляние (Мышкина расстреляли 26 января 1885 г.), остальные — через повешение. Относительно того, что в дни казней замечалась странность с крепостными часами (не было слышно их боя, как сказано в тексте, в примечании),—в литературе, как мемуарной, так и официальной, сведений никаких не имеется. Мышкин, Ип. Н., бросил тарелкой в Соколова—«Ирода», в самый первый день Рождества 1884 г., не 24, а 25 декабря. Тиханович действительно был психически болен и неоднократно покушался на самоубийство, но умер от туберкулеза. Обо всем этом см. в книге «Государева тюрьма — Шлиссельбург». О Мышкине там см. в гл. XXII. — «Личность, судьба и смерть И. Н. Мышкина», о Тихановиче, — стр. 76, 82, 125, 141, 145, 168, 246.

26. Основываясь на официальных документах, мы можем теперь внести в этот список частью некоторые поправки, частью дополнения. Прежде всего о психически больных. Игнат. Иванов, о котором говорится под рубрикой 1886 г., заболел душевным расстройством еще в равелине. Об этом см. у Тригони в воспоминаниях о равелине, «Мин. Годы», 908, кн. IV. стр. 65. Из равелина он был увезен в Казань, в психиатрическую лечебницу, а оттуда, как выздоровевший, снова в тюрьму, на этот раз в Шлиссельбург. Сообщение Манучарова, что он был психически болен и все бегал и рвался за ворота, представляет большой интерес в виду официальных донесений о его «покушениях» на побег. См. об этом в книге «Государева тюрьма — Шлиссельбург», стр. 70—82, 120—124, 143—145. Точно также Н. П. Щедрин, как теперь ясно из официальных документов, заболел душевным расстройством еще в равелине, в 1882 г.; душевно-больным Щедрин был перевезен из равелина в Шлиссельбург и пробыл в нем до 1896 г., оставаясь все время неизличимо-больным. В 1896 г. его перевезли в Казанскую психиатрическую лечебницу, где он умер только в 1920 году. См. об этом в книге «Государева тюрьма — Шлиссельбург», гл. IX «Болезнь Щедрина и ее развитие» и в статье Лившица, в № 20, «Пролетарской Революции». Арончик, А. Б. заболел психическим расстройством еще в равелине (как и сказано в тексте), но умер в Шлиссельбурге не в 1887 году, — это ошибка памяти И. А. Манучарова,— а 2 апреля 1888 года. Конашевич, о котором в тексте сказано, что он психически заболел в 1889 г., на самом деле подвергся душевному расстройству гораздо раньше, он галлюцинировал еще в Петропавловской крепости. Подробнее о Конашевиче и его пребывании в Шлиссельбурге см. в книге «Государева тюрьма», гл. X. «Конашевич и его записки-прошения». О душевной болезни Похитонова см. у В. Н. Фигнер в книге «Когда часы жизни остановились», гл. XII, а также в «Государевой тюрьме», гл. XI. Кроме перечисленных был еще целый ряд заключенных в Шлиссельбурге, страдавших психическим расстройством. Подробнее об этом см. в «Государевой тюрьме», гл. «Душевно-больные в Шлиссельбурге». Не отмечена также у Манучарова еще одна чрезвычайно характерная сторона шлиссель-

бургской жизни — психические заболевания среди администрации. См. там-же, гл. XIII. Впрочем, когда вышел из тюрьмы Манучаров (в 1895 г.), у заключенных еще не имелось сведений об этой стороне тюремной жизни в Шлиссельбурге. Что касается других сведений Манучарова из области тюремного мартиролога, — то они требуют некоторых дополнений и поправок. Например, о самоубийстве Гинсбург. В Шлиссельбурге она пробыла пять недель, а не одну неделю, как сказано в тексте у Манучарова, покончила с собой не осколком стекла, а ножницами, которые ей дал для шитья комендант Коренев. См. об этом у Николаевского в ст. «С. М. Гинсбург в Шлиссельбурге», «Былое», № 15-й и в книге «Государева тюрьма», гл. 18. Но соображение Манучарова, что Гинсбург осталась бы жива, если бы ее не поставили в такую обстановку, как в старой тюрьме, а перевели хотя бы в новую тюрьму, заслуживает полного внимания. Затем казнены были в Шлиссельбурге не только 5 вторых первомартовцев, о которых говорит Манучаров, но еще и Рогачев и Штромберг, 10 окт. 1884 года. Об умерших в Шлиссельбурге см. также у Р. М. Кантора в его списке шлиссельбуржцев, приложенном к книге В. С. Панкратова «Жизнь в Шлиссельбургской крепости». Там восстановлены все даты по официальным источникам. Отметим еще, что Александр III прекрасно знал о всех порядках в Шлиссельбурге и, в частности, о пребывании там душевнобольных. Обо всем этом ему докладывалось систематически и весь режим устанавливался под его личным контролем.

27. О столкновении Мартынова с смотрителем (Федоровым) есть рапорт коменданта (неопубликованный), от 20 мая 1888 года, написанный в тот самый день, как это столкновение произошло. Следовательно, около этого же времени тюрьму посещал и Шебеко. Заслуживает внимания и самый рапорт коменданта. Комендант Покрошинский доносит в нем: — «Старший мой помощник ротм. Федоров рапортом от сего числа за № 14, донес мне, что сегодня при раздаче обеда арестант № 17, камеры № 38-й, нанес ему оскорбление, плюнув в лицо и назвав его громко мерзавцем. Ротмистр Федоров полагает, что причиной, побудившей арестанта № 17 нанести ему это оскорбление, послужило наложенное им на упомянутого арестанта взыскание, а именно: лишение прогулки на один день за неисполнение неоднократно отдаваемых ему приказаний не лазить на подоконник и не смотреть в фортку. Означенный арестант пояснил условным разговором соседнему арестанту № 10 камеры 39-й, что он намеревался пустить ротм. Федорову в лицо чашку с горячими щами. О чем донося Вашему Превосходительству, присовокупляю, что арестант № 17 сего же числа, по распоряжению моему, перемещен в здание старой тюрьмы и так как поведение арестанта заслуживает применения к нему высшей меры взыскания, то по сему предмету испрашиваю распоряжения Вашего Пр-ва». Арестант № 17 это и есть Мартынов, арестант № 10 — Юрковский.

28. Сообщение Манучарова о том, что били и В. Н. Фигнер, требует оговорки. Как рассказывает сама Вера Ник. в книге «Часы жизни остановились», с нею произошло на деле следующее: За перестукивание Соколов—«Ирод» повел ее в старую тюрьму в карцер. «Выйдя на двор в сопровождении 3—4 жандармов, он (Соколов) поднял кулак, который судорожно сжимал связку тюремных ключей. С искаженным лицом и трясущейся от злобы бородой, он прошипел: «Пикни только у меня там — я тебе покажу». Этот человек внушал мне страх, — пишет Вера Ник., — я знала об истязаниях, которые по его приказу совершали жандармы, и в голове пронеслась мысль: «Если меня будут бить — я умру». Но голосом, который казался чужим по своему спокойствию, я произнесла: «Я иду не для того, чтобы стучать». Распахнулись широким зевом тесовые ворота цитадели», и пр. (см. стр. 37-38). Из этого случая и родилась та версия о том, что В. Н. Фигнер — «били», о которой пишет Манучаров. Ее не били на деле, но то, что с ней произошло, не многим в сущности отличается от прямого насилия, на которое она внутренне решилась реагировать так энергично.

1 р. 50 к.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Книжный склад „МАЯК“ Издательства Всесоюзного Общ. Политич. каторжан и сс... поселенцев

Москва, Петровка, 7 Тел. 3-63-20

